2500-347X

МГЛУ

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ «МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

ВЕСТНИК
МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

2
выпуск (855)

ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ

Год основания – 1940

Москва
ФГБОУ ВО МГЛУ
2024

2500-347X

MSLU

MINISTRY OF SCIENCE AND HIGHER EDUCATION OF THE RUSSIAN FEDERATION
FEDERAL STATE BUDGETARY EDUCATIONAL INSTITUTION OF HIGHER EDUCATION
«MOSCOW STATE LINGUISTIC UNIVERSITY»

VESTNIK

OF MOSCOW STATE LINGUISTIC UNIVERSITY

SOCIAL SCIENCES

2

Issue (855)

The year of foundation – 1940

Moscow
FSBEI HE MSLU
2024

ВЕСТНИК
МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

выпуск 2(855)

Печатается по решению Ученого совета
Московского государственного лингвистического университета

Главный редактор
В. К. БЕЛОЗЁРОВ

доктор политических наук, профессор

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Брега А. В.	доктор политических наук, профессор (Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации)
Велес Ривера Ф.	доктор социологических наук, профессор (Латиноамериканский факультет социальных наук, Эквадор)
Гайденко П. И.	доктор исторических наук, доцент (МГЛУ)
Джунушалиева Г. Д.	доктор исторических наук, доцент (Киргизско-Российский Славянский университет, Бишкек, Киргизия)
Касюк А. Я.	доктор исторических наук, профессор (МГЛУ)
Киселев С. Г.	доктор философских наук, профессор (МГЛУ)
Колесников А. А.	доктор исторических наук, профессор (Санкт-Петербургский государственный университет)
Косторниченко В. Н.	доктор экономических наук, доцент (МГЛУ)
Лапинс Вульф	Doctor honoris causa multiplex, доктор политических наук, профессор (WeltTrends Institut für Internationale Politik, Германия)
Новикова И. Н.	доктор исторических наук, доцент (Санкт-Петербургский государственный университет)
Образцов И. В	доктор социологических наук, профессор (МГЛУ)
Петров А. Ю..	доктор исторических наук (МГЛУ)
Примаков В. Л.	доктор социологических наук, профессор (МГЛУ)
Пророкович Душан	доктор политических наук, профессор (Институт международной политики и экономики, Белград, Сербия)
Радиков И. В.	доктор политических наук, профессор (Санкт-Петербургский государственный университет)
Саблуков А. В.	доктор социологических наук, профессор (МГЛУ)
Сидорова Г. М.	доктор политических наук, профессор (МГЛУ)
Смирнов А. И.	доктор социологических наук (Институт социологии РАН)
Филимонов О. В.	доктор социологических наук, доцент (Военный университет имени князя Александра Невского Министерства обороны Российской Федерации)
Харичкин И. К.	доктор философских наук, профессор (МГЛУ)
Ширинянц А. А.	доктор политических наук, профессор (Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова)

VESTNIK
OF MOSCOW STATE LINGUISTIC UNIVERSITY

Issue 2(855)

Published by the decision of the Academic Council
Moscow State Linguistic University

Editor-in-Chief
BELOZEROV VASILY

Doctor of Political Sciences (Dr. habil), Professor

EDITORIAL BOARD

Brega Alexander	Doctor of Political Sciences (Dr. habil), Professor (Financial University under the Government of the Russian Federation)
Fredy Veléz Rivera	Doctor of Sociology (Dr. habil), Professor (Latin American Faculty of Social Sciences, Ecuador)
Gaidenko Pavel	Doctor of History (Dr. habil), Associate Professor (MSLU)
Dzhunushalieva Gulmira	Doctor of History (Dr. habil), Associate Professor (Kyrgyz-Russian Slavic University, Bishkek, Kyrgyzstan)
Kasiuk Arsen	Doctor of History (Dr. habil), Professor (MSLU)
Kiselev Sergey	Doctor of Philosophy (Dr. habil), Professor (MSLU)
Kolesnikov Alexander	Doctor of History (Dr. habil), Professor (Saint Petersburg State University)
Kostornichenko Vladimir	Doctor of Economics (Dr. habil), Associate Professor (MSLU)
Lapins Wulf	Doctor Honoris Causa Multiplex, Doctor of Political Sciences (Dr. habil), Professor, Professor, Senior researcher in WeltTrends Institut für Internationale Politik (Germany)
Novikova Irina	Doctor of History (Dr. habil), Associate Professor (Saint Petersburg State University)
Obraztsov Igor	Doctor of Sociology (Dr. habil), Professor (MSLU)
Petrov Alexander	Doctor of History (Dr. habil) (MSLU)
Primakov Viacheslav	Doctor of Sociology (Dr. habil), Professor (MSLU)
Proroković Dušan	Doctor of Political Sciences (Dr. habil), Professor, (Institute of International Politics and Economics, Belgrade, Serbia)
Radikov Ivan	Doctor of Political Sciences (Dr. habil), Professor, (Saint Petersburg State University)
Sablukov Alexander	Doctor of Sociology (Dr. habil), Professor (MSLU)
Sidorova Galina	Doctor of Political Sciences (Dr. habil), Professor (MSLU)
Smirnov Alexander	Doctor of Sociology (Dr. habil) (Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences)
Filimonov Oleg	Doctor of Sociology (Dr. habil), Associate Professor (Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation named after Price Alexander Nevsky)
Kharichkin Igor	Doctor of Philosophy (Dr. habil), Professor (MSLU)
Shirinyants Alexander	Doctor of Political Sciences, Professor (Lomonosov Moscow State University)

ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ

Геополитический статус государства
КИСЕЛЕВ С. Г. 9

Основные аспекты современной политики Турции в Азиатско-Тихоокеанском регионе
КОЛЕСНИКОВА М. А. 16

Хамелеон в камуфляже. Думать о войне – вести войну в Европе
ЛАПИНС ВУЛЬФ 22

Новые тенденции внешней политики Демократический Республики Конго: ориентир на восточных партнеров
ТОТХ ДАНИЕЛ 33

Факторы конфликтогенности этнополитического процесса в России XXI столетия
ЦЫБАКОВ Д. Л. 39

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

Политика органов государственной власти по нивелированию польского национализма в Северо-Западном крае в рамках обеспечения внутренней безопасности (60-е годы XIX века)
АНАНЬЕВ С. В. 47

Проблема выбора этажности жилых зданий при переходе к массовому жилищному строительству в СССР в 1950-е годы
ГОРЛОВ В. Н. 55

Проблема Черноморских проливов в отношениях России и Турции: история и современность
ПОСПЕЛОВ Н. В. 63

Концепция государства всеобщего благосостояния в Норвегии и роль Рабочей партии в 1945–1965 и 2021–2024 годах
РОВИНСКАЯ И. В. 68

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Исследовательские тренды в изучении проблем непрерывного образования (на примере журнала «Вопросы образования»)
БЕССОНОВА М. О. 75

Социологическое осмысление медикализации возраста пожилых людей в рамках повседневных взаимодействий
ГАЛКИН К. А. 83

Образ современной России в западной прессе (на примере контент-анализа онлайн-изданий Великобритании, Франции и США)
МАТКАРИМОВА Г. В. 89

Преподаватели и студенты профильного университета на рынке лингвистических услуг
ПОЛОВНЁВ А. В. 97

Особенности построения и оценки качества выборок в телефонных опросах населения России
ПРИМАКОВ В. Л. 105

Социальный портрет молодого преподавателя Московского государственного лингвистического университета
САЛИХОВА И. С. 113

Развлекательные массовые мероприятия в культурном досуге горожан: способ вовлечения или самостоятельное явление
ШЕЛГИНСКАЯ В. А. 121

POLITICAL SCIENCES

The Geopolitical Status of the State
KISELEV S. G. 9

Main Aspects of Modern Turkish Politics in Asia-Pacific Region
KOLESNIKOVA M. A. 16

A Chameleon in Camouflage. Think About the War – Waging War in Europe
LAPINS WULF 22

New Tendencies in the Foreign Policy of the Republic of the Congo:
Focus on Eastern Partners
TOTH DANIEL 33

Factors of Conflictogenicity of the Ethnopolitical Process in Russia
of the 21st Century
TSYBAKOV D. L. 39

HISTORICAL SCIENCES

The Policy of the State Authorities on Levelling Polish Nationalism
in the North-Western Territory as Part of Ensuring Internal Security
(1960s of the 19th Century)
ANANYEV S. V. 47

The Problem of Choosing the Number of Storeys of Residential Buildings
During the Transition to Mass Housing Construction in the USSR in the 1950s
GORLOV V. N. 55

The Problem of the Black Sea Straits in Relations Between Russia and Turkey:
History and Modernity
POSPELOV N. V. 63

The Concept of the Welfare State in Norway and the Role of the Workers' Party
in 1945–1965 and 2021–2024
ROVINSKAYA I. V. 68

SOCIOLOGICAL SCIENCES

Research Trends in the Study of Lifelong Education Problems
(case of the Journal «Educational Studies»)
BESSONOVA M. O. 75

Sociological Understanding of the Medicalization of the Age of the Older
in the Framework of Everyday Interactions
GALKIN K. A. 83

Image Of Contemporary Russia In The Western Press (on the Example
of Content-Analysis of Online Newspapers in the UK, France and the USA)
MATKARIMOVA G. V. 89

Teachers and Students of a Specialized University
on the Market of Language Services
POLOVNEV A. V. 97

Features of Designing and Assessing the Quality of Samples
in Russian Telephone Surveys
PRIMAKOV V. L. 105

Social Portrait of Young University Teacher of Moscow State Linguistic University
SALIKHOVA I. S. 113

Entertaining Events and Festivals in the Cultural Leisure of Citizens:
a Method of Involvement or an Independent Phenomenon
SHELGINSKAYA V. A. 121

Научная статья
УДК 327

Геополитический статус государства

С. Г. Киселев

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации Москва, Россия
ksg56@mail.ru

Аннотация. В статье предпринята попытка рассмотреть понятие, содержание и структуру геополитического статуса государства, подчеркнуть его значимость в условиях обострения глобальной конкуренции и геополитического противоборства. Автором делается вывод, что геополитический статус включает в себя международный вес, экономико-технологический, военный, демографический и ресурсный потенциалы, степень геоцивилизационного влияния на соседей и иные характеристики. В исследовании геополитического статуса используются общенаучные методы, частно-научные геополитические методы, а также методы цивилизационной геополитики.

Ключевые слова: глобальная конкуренция, национальные интересы, геополитический статус, элементы геополитического статуса, геополитическая безопасность

Для цитирования: Киселев С. Г. Геополитический статус государства // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2024. Вып. 2. (855). С. 9–15.

Original article

The Geopolitical Status of the State

Sergey G. Kiselev

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia
ksg56@mail.ru

Abstract. The article makes an attempt to consider the geopolitical status of the state, concept, content and structure, to emphasize its significance in the context of intensifying global competition and geopolitical confrontation. The author concludes that geopolitical status includes international weight, economic, technological, military, demographic and resource potentials, the degree of geo-civilizational influence on neighbors and other characteristics. In the study of geopolitical status, general scientific methods, specific scientific geopolitical methods, as well as methods of civilizational geopolitics are used.

Key words: global competition, national interests, geopolitical status, elements of geopolitical status, geopolitical security

For citation: Kiselev, S. G. (2024). The geopolitical status of the state. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Social Sciences, 2 (855), 9–15.

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность исследования темы статьи обусловлена вступлением мироустройства в эпоху геополитической поляризации, геополитических сдвигов, обостряющейся глобальной конфронтации. Мировой порядок испытывает всё возрастающую нагрузку, нестабилен и требует трансформации, причем на новых основаниях международных отношений. Как отмечается в Концепции внешней политики Российской Федерации 2023 года, «человечество переживает эпоху революционных перемен»[1]. В этих условиях особую значимость приобретает вопрос готовности государства к отстаиванию своих интересов и обеспечению суверенитета в усложняющихся международных отношениях.

Понятие «геополитический статус» было введено в научный оборот автором данной статьи в 2008 году в учебнике «Политология», подготовленном коллективом кафедры политологии МГЛУ, и получило довольно широкое распространение в научной и аналитической литературе. В частности, было сформулировано, что «геополитический статус страны включает, кроме пространственно-географических характеристик, международный вес, экономическую, технологическую и военную мощь, динамику народонаселения, степень цивилизационно-культурного влияния на соседей. Геополитический статус опирается на имеющиеся возможности, различные потенциалы, необходимые для его приобретения, поддержания и укрепления» [Политология, 2008, с. 276].

Геополитический статус имеет свою структуру и включает ряд элементов, формирующих его содержание, таких как:

- пространственно-географическая характеристика;
- политическая составляющая (в том числе военно-политическая);
- геоцивилизационная составляющая;
- экономико-технологическая составляющая;
- ресурсная составляющая;
- демографическая составляющая (потенциал);
- обороноспособность;
- внешнеполитическое позиционирование;
- внешнеполитические амбиции;
- геополитические приоритеты;
- представления о своей миссии в регионе / мире;
- информационно-репутационный ресурс.

[1]Концепция внешней политики Российской Федерации. Утв. Указом Президента РФ от 31.03.2023 № 229.

Вкратце охарактеризуем составляющие / элементы геополитического статуса.

ПРОСТРАНСТВЕННО-ГЕОГРАФИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА

Пространственно-географическая характеристика включает следующие параметры: географическое положение; размер территории; протяженность; конфигурация; выход к морям и океанам, главным морским и океаническим путям; ландшафт; климат; инфраструктура, наличие морских портов, трубопроводов, транспортных узлов, коридоров и т. п.; геополитическая значимость территории.

Месторасположение государства в геополитическом пространстве имеет чрезвычайно важное значение в этом сегменте геополитического статуса. Например, Тайвань, не являясь крупным субъектом в геополитической структуре мира, располагается на островной территории, имеющей важное геополитическое значение, а его позиция в международных отношениях оказывает существенное влияние не только на региональную обстановку и расстановку сил в регионе, но и на глобальную геополитическую ситуацию. Это связано в первую очередь с отношениями между Китаем, Тайванем и США и другими геополитическими субъектами.

По определению одного из классиков геополитической науки Х. Маккиндера, Россия является Хартлендом, т. е. значительным местом в мире с точки зрения достижения глобального геополитического контроля («Кто владеет Хартлендом, тот владеет миром»). По его мнению, Россия – «осевое государство, осевой район, вокруг которого другие государства совершают что-то вроде кругового вращения вокруг осевого государства, которое всегда так или иначе является великим» [цит. по: Геополитика, 2007, с. 151]. Ему вторил примерно теми же словами Зб. Бжезинский в книге «Великая шахматная доска», обосновывая задачу США по установлению контроля над территорией России как условия достижения полной мировой гегемонии [Бжезинский, 1998, с. 12].

При анализе данного сегмента учитываются преимущества и слабости географического местоположения государства. Например, Россия в этом плане имеет ряд стратегических преимуществ:

а) евразийское положение, своеобразный мост между Востоком и Западом, важный транспортный коридор;

б) контроль над большей частью Арктических шельфовых территорий Евразии с огромными запасами природных ресурсов, морскими коммуникациями вдоль побережья (Северный морской путь) с возрастающим значением в условиях

таяния льдов; выход в Тихоокеанский регион на дальневосточном направлении внешнеполитической и внешнеэкономической деятельности, сотрудничество со странами Азиатско-Тихоокеанского региона, что является одним из геополитических приоритетов России, в 1998 году ставшей членом АТЭС;

в) соседство с Китаем, одним из мировых экономических лидеров, постсоветскими государствами – членами ЕАЭС и военно-политического блока ОДКБ и, так же, как и Китайская Народная Республика, членами ШОС.

ГЕОЦИВИЛИЗАЦИОННАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОГО СТАТУСА

Геоцивилизационная составляющая геополитического статуса определяет принадлежность страны к той или иной геоцивилизации – западной, исламской, православной, российской, конфуцианско-буддистской, латиноамериканской, японской или индуистской. Некоторые исследователи не без оснований включают в систему мировых цивилизаций и африканскую геоцивилизацию. Действительно, можно считать африканский мир формирующейся цивилизацией, о чем свидетельствует наблюдаемая ныне активность африканских стран, рост цивилизационного самосознания, региональная интеграция, возрастание роли и значения Африканского союза со штаб-квартирой в Аддис-Абебе, столице Эфиопии, единственной страны Африки, никогда не бывшей колонией.

Геоцивилизационная составляющая геополитического статуса включает не только культурно-цивилизационные контакты и диалог, но и геоцивилизационные вызовы, связанные прежде всего с состоянием / потенциалом соседней / соседних геоцивилизаций и государств-лидеров, поскольку геоцивилизациям присуще такое имманентное качество, как экспансия – стремление к установлению влияния и контроля над соседями. Учитывается наличие напряженностей межцивилизационного взаимодействия, «линий цивилизационных разломов» [Hantington, 1993], а также степень опасности возникновения конфликтов, «столкновения цивилизаций» [Хантингтон, 1994].

Геополитический статус характеризуется жизнеустойчивостью, степенью цивилизационно-культурного влияния на другие страны и геоцивилизации, наличием цивилизационного проекта, привлекательностью, направленных как внутрь, так и за пределы своего цивилизационного пространства. Например, выступлением руководителя КНР Си Цзиньпина в марте 2023 года Китай практически начал официальное позиционирование своего глобального цивилизационного проекта[1], обращенного к другим народам, государствам и мировым геоцивилизациям. Проект называется «Сообщество единой судьбы человечества». В нем предлагается «китайская инициатива глобальной цивилизации», заключающаяся в совместных действиях за уважение разнообразия цивилизаций в мире, за равенство, диалог и терпимость между ними, устранение барьеров и конфликтов и преодоление превосходства между цивилизациями.

Современное геоцивилизационное положение России определено в Концепции внешней политики Российской Федерации 2023 года: «Более чем тысячелетний опыт самостоятельной государственности, культурное наследие предшествовавшей эпохи, глубокие исторические связи с традиционной европейской культурой и другими культурами Евразии, выработанное за много веков умение обеспечивать на общей территории гармоничное сосуществование различных народов, этнических, религиозных и языковых групп определяют особое положение России как самобытного государства-цивилизации, обширной евразийской и евро-тихоокеанской державы, сплотившей русский народ и другие народы, составляющие культурно-цивилизационную общность Русского мира»[2].

Добавим к этому, что российская геоцивилизация занимает в картине мира особое место – она, как никакая другая, соседствует с пятью из восьми мировых цивилизаций, испытывая при этом определенные вызовы и давление со стороны соседей по периметру своих границ, постоянно требующие выработки ответов, адекватных этим вызовам.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ЭКОНОМИКО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКАЯ СОСТАВЛЯЮЩИЕ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОГО СТАТУСА

Политическая составляющая геополитического статуса включает место и роль государства в мировом балансе сил, международный вес, место в геополитической структуре мира, его принадлежность к геополитическим субъектам современного миропорядка, состояние суверенитета государства, его независимость или же зависимость в международных делах от какого-либо геополитического субъекта. В содержание данного элемента входит состояние внешнеполитической деятельности, активность и позиционирование в мировом

[1]Программная речь на диалоге высокого уровня между Коммунистической партией Китая и политическими партиями мира (15 марта 2023 г., Пекин). URL: http://cn.chinadiplomacy.org.cn/2023-03/16/content_85171138.shtml

[2]Концепция внешней политики Российской Федерации. Утв. Указом Президента РФ от 31.03.2023 № 229.

политическом процессе, способность к реализации национальных интересов, наличие глобальных и региональных интересов. Характеристика данного элемента включает наличие геополитических вызовов и угроз, способность их нейтрализации, состояние геостратегии. Также учитывается состояние обороноспособности государства, его место в военной картине современного мира [Белозеров, 2023].

Наличие и поиск политических и стратегических союзников и партнеров является весьма необходимым процессом в условиях геополитического противоборства и значимым параметром геополитического статуса. Важен также учет активности государства, его участие в процессах урегулирования конфликтов между другими государствами и в других регионах, например в качестве посредников или миротворцев.

Экономико-технологическая составляющая геополитического статуса представляет собой необходимый материально-финансово-технический потенциал / возможности, обеспечивающие должное состояние геополитического статуса как в целом, так и функционирование его сегментов.

Упоминаемый выше Маккиндер, обосновывая величие России ее контролем над Хартлендом, писал, что в этом вопросе имеются определенные «ограничения». Он указал, что выгодное геополитическое положение само по себе автоматически не обеспечивает контроля над ним. Для этого требуется «настоящий баланс политического могущества», опирающийся в том числе на экономическую мощь и техническую оснащенность.

В Российской Федерации уделяется определенное внимание технологическому развитию. Обостряющаяся геополитическая ситуация, сопровождающие ее антироссийские санкции в отношении России, в том числе ограничивающие получение технологий, выявили уязвимые места в научно-технологическом обеспечении. Ответом Российской Федерации на технологический вызов стал ориентир на достижение технологического суверенитета в соответствии со Стратегией научно-технологического развития[1]:

- Постановление Правительства Российской Федерации от 29.03.2019 № 377 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Научно-технологическое развитие Российской Федерации».
- С 2022 года Минобрнауки России реализует федеральный проект «Передовые инженерные школы» (ПИШ), за относительно небольшой период создано 30 таких школ в 15 регионах страны, предоставлено 759 грантов для стажировки лучших студентов в ведущих высокотехнологичных компаниях.
- В мае 2023 года принята Концепция технологического развития на период до 2030 года. Функционирует Государственная программа «Научно-технологическое развитие Российской Федерации»[2].

Президент Российской Федерации В. В. Путин объявил о проведении с 2022 по 2031 годы *Десятилетия науки и технологий*, цель которого привлечение молодежи в сферу науки и технологий, вовлечение исследователей и разработчиков в решение необходимых для страны и общества научно-технологических задач, а также рост интереса людей к достижениям российской науки. В рамках Десятилетия науки и технологий проводятся различные мероприятия, к примеру, Всероссийский фестиваль НАУКА 0+, Конгресс молодых ученых и др.

Укрепление технологического потенциала России соответствует общемировому тренду. Например, за период с 2019 по 2021 год бюджетные расходы на НИОКР в Европейском союзе выросли с 2,1 до 2,2 % ВВП, в США – с 3,2 до 3,5 %, в странах – членах ОЭСР и наблюдателях – с 2,5 до 2,7 %, в Китае – с 2,2 до 2,4 %[3].

ПРИРОДНО-РЕСУРСНЫЙ СЕГМЕНТ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОГО СТАТУСА

Эпоха геополитического противоборства (так можно назвать происходящее на планете в данный исторический период) характеризуется интенсивной борьбой за влияние и контроль над природными ресурсами между различными государствами и политическими альянсами, в том числе военно-политическими союзами. В этом просматривается стремление стран не только к решению экономических задач, повышению благосостояния, но и к наращиванию своей силы и расширению влияния в геополитическом пространстве.

Российская территория в этом плане представляет собой «лакомый кусок», своеобразный Клондайк. По данным экспертов Союза промышленников и предпринимателей России, на ней расположены примерно половина всех природных ресурсов планеты и треть стратегического сырья. Если же говорить о континентальном евразийском

[1]Указ Президента Российской Федерации от 01.12.2016 № 642 «О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации» (В редакции Указа Президента Российской Федерации от 15.03.2021 № 143).

[2]Концепция технологического развития на период до 2030 года, утвержденная распоряжением Правительства Российской Федерации от 20.05.2023 № 1315-р.

[3]Global Research and Development Expenditures. 2022: Fact Sheet. URL: https://clck.ru/34oi8T

пространстве, то здесь разведаны 85 % всех энергоресурсов планеты. Отсюда – соблазн некоторых геополитических акторов добиться контроля над ресурсами другого / других государств.

ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОГО СТАТУСА

Население, как и природные ресурсы, также является частью ресурсного потенциала государства и элементом его геополитического статуса.

Демографический элемент представляет собой весьма важный сегмент, поскольку сохранение геополитического пространства обеспечивается достаточным количеством народонаселения.

Ученые придают демографии весьма значительную роль, зачастую ключевое значение, полагая, что демография – это судьба государств и цивилизаций. Ж.-К. Шенэ, профессор Французского национального института демографических исследований, в работе «Демография и стратегия: закат Запада» утверждает, что демография «измеряет потенциал роста или деградации, расцвета или упадка человеческих сообществ» [Шенэ, 1997, с. 1].

Ученый-демограф провел ряд исследований, в частности, выявил «восемь факторов, влияющих на уязвимость Европы из-за падения рождаемости»: бюджетные проблемы (ввиду старения населения); потеря контроля над территорией; зависимость от иммиграции; утрата боевого духа; потеря конкурентоспособности; уменьшение способности к культурной экспансии; социальное дробление общества; усиление внешних влияний. Детально исследовав каждый из восьми факторов, ученый сделал вывод о постепенном спаде развития Европы, утере ею глобальных позиций стратегической конкурентоспособности [там же, с. 3–4].

На необходимость достаточного демографического ресурса обращал внимание и вышеупомянутый Маккиндер в его рассуждениях о контроле геополитического пространства вообще, и в частности – Хартленда.

Демографическая политика в России осуществляется в соответствии с Концепцией демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года, ее целями являются «стабилизация численности населения к 2015 году на уровне 142–143 млн человек и создание условий для ее роста к 2025 году до 145 млн человек, а также повышение качества жизни и увеличение ожидаемой продолжительности жизни к 2015 году до 70 лет, к 2025 году – до 75 лет»[1]. В сентябре 2021 года Правительством РФ был принят План мероприятий по реализации в 2021–2025 годах Концепции демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года в целях ее корректировки и реализации[2]. В целях реализации российской демографической политики 2024 год объявлен в Российской Федерации «Годом семьи».

Элементами геополитического статуса являются также *внешнеполитические интересы*, *приоритеты и притязания*, позиционируемые и реализуемые в межгосударственном, международном процессе, *состояние конкурентоспособности государства* в условиях глобальной и региональной конкурентной среды. Как правило, такие позиции определяются государствами в стратегиях, стратегических концепциях, концепциях внешней политики, «белых книгах» и других доктринальных документах. В современной России внешнеполитические цели и задачи определены в Концепции внешней политики Российской Федерации от 31 марта 2023 года[3].

Геополитический статус государства в значительной степени определяет состояние *геополитической безопасности*, под которой понимается состояние защищенности жизненно важных интересов государства от вызовов, связанных с пространственными, политическими, геостратегическими, демографическими, экономико-технологическими, ресурсными, информационными и иными измерениями и вызовами. Понятие «геополитическая безопасность» было введено в научный оборот автором данной статьи и получило довольно широкое распространение в научном дискурсе [Киселев, 2006].

В целях всестороннего исследования состояния геополитического статуса государства применяется целый комплекс аналитического инструментария – модели, методы, методики, подходы и т. п. Например, методика форсайта – для масштабного анализа; модели понимания политики, такие как PMESII – для систематической оценки стратегической среды; модель «S=E+W+M» – для корреляции воздействия различных факторов, методы ивент- и контент-анализа и др.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В условиях обостряющейся глобальной конфронтации и геополитической поляризации решающее значение приобретает готовность государства

[1]Указ Президента РФ от 09.10.2007 № 1351 (ред. от 01.07.2014) «Об утверждении Концепции демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года»

[2]План мероприятий по реализации в 2021–2025 годах Концепции демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года. Утвержден Правительством Российской Федерации. Распоряжение № 2580-р от 16 сентября 2021 г.

[3]Концепция внешней политики Российской Федерации. Утв. Указом Президента РФ от 31.03.2023 № 229.

к обеспечению своего международного суверенитета, созданию условий для реализации геополитических приоритетов, что во многом определяет геополитический статус страны.

Геополитический статус государства определяет его место и роль в геополитической картине мира, совокупность потенциалов, обеспечивающих реализацию геополитических, геостратегических и геоцивилизационных интересов. Геополитический статус опирается на соответствующий базис возможностей, своего рода потенциалы составляющих его элементов, что определяет необходимость их своевременного достижения и достаточного поддержания.

Геополитический статус – величина динамическая, она постоянно эволюционирует, подвергаясь воздействию изменяющихся вызовов и угроз, геополитических сдвигов, требует постоянного мониторинга ситуации, анализа и адаптации стратегий и доктрин, потенциалов, возможностей и ресурсов, воздействия разнообразных факторов, а также формирования инструментария и механизмов мониторинга и реагирования на геополитическую ситуацию.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Политология: учебник / Абгарян Р. Э. и др. ; под ред. С. Г. Киселёва. М.: ТК Велби : Проспект, 2008.
2. Геополитика: Хрестоматия / сост. Б. А. Исаев. СПб.: Питер, 2007.
3. Бжезинский З. Великая шахматная доска. Господство Америки и ее геостратегические перспективы. М.: Международные отношения, 1998.
4. Hantington S. If Not Civilization? What? Paradigms of the Post-Cold War World // Foreign Affairs. 1993. Vol. 72. № 5. P. 186–194.
5. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций? // Полис. 1994. № 1. С. 33–48.
6. Белозёров В. К. Военная картина мира как детерминант обеспечения национальной безопасности России // Новые вызовы и угрозы безопасности РФ в условиях глобальных и локальных трансформаций / под общ. ред. С. В. Устинкина, А. В. Никитина. М.: РУСАЙНС, 2023. С. 18–35.
7. Шенэ Ж.-К. Демография и стратегия: закат Запада. М., 1997.
8. Киселёв С. Г. Трансформация геополитической и геоцивилизационной безопасности России // Многовекторность безопасности международных отношений: сборник статей. М.: Московский институт стратегических исследований. 2006. Т. 1. С. 19–30.

REFERENCES

1. Abgaryan et al. (2008). Politologia = Political Science: textbook. Ed. by S. G. Kiselev. Moscow: TK Velbi : Izdatelstvo Prospect. (In Russ.)
2. Isaev, B. A. (ed.) (2007). Geopolitika: Hrestomatia = Geopolitics: Chrestomathy. St. Petersburg: Peter. (In Russ.)
3. Brzezinski, Z. (1998). Velikaja shahmatnaja doska. Gospodstvo Ameriki i ee geostrategicheskie perspektivy = The Grand Chessboard. American dominance and its geostrategic prospects Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya. (In Russ.)
4. Hantington S. (1993). If Not Civilization? What? Paradigms of the Post-Cold War World. Foreign Affairs, 72(5), 186–194.
5. Huntington, S. (1994). Stolknovenie civilizacij = A clash of civilizations? Polis (Political Studies), 1, 33–48. (In Russ.)
6. Belozerov, V. K. (2023). The military worldview as a determinant of ensuring Russia's national security. In Ustinkin, S. V., Nikitin, A. V. (Eds), Novye vyzovy i ugrozy bezopasnosti RF v uslovijah global'nyh i lokal'nyh transformacij (18–35). Moscow: RUSAINS. (In Russ.)
7. Shene, J.-K. (1997). Demografia I strategia: zakat Zapada = Demography and strategy: the Decline of the West. Moscow. (In Russ.)
8. Kiselev, S. G. (2006). Transformacija geopoliticheskoj i geocivilizacionnoj bezopasnosti Rossii = Transformation of Russia's geopolitical and geo-civilizational security. Mnogovektornost' bezopasnosti mezhdunarodnyh otnoshenij: sbornik statej, 1, 19–30. Moscow: Moscow Institute for Strategic Studies.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Киселев Сергей Георгиевич

доктор философских наук, профессор кафедры политологии
Института международных отношений и социально-политических наук
Московского государственного лингвистического университета
профессор кафедры международной безопасности и внешнеполитической деятельности России
Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Kiselev Sergey Georgievich

Doctor of Philology (Dr. habil)
Professor at the Department of Political Science
Institute of International Relations and Social and Political Sciences (Faculty)
Moscow State Linguistic University
Professor of the Department of International Security and Foreign Policy
of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA)

Статья поступила в редакцию	11.03.2024	The article was submitted
одобрена после рецензирования	09.04.2024	approved after reviewing
принята к публикации	10.04.2024	accepted for publication

Научная статья
УДК 327

Основные аспекты современной политики Турции в Азиатско-Тихоокеанском регионе

М. А. Колесникова

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
kolmaral-1710@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается специфика контактов Турции со странами Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР) с опорой на методы исторического и системного анализа. Особое внимание уделяется Китаю и Японии как основным партнерам Анкары в АТР. Рассматриваются направления военно-технического сотрудничества как новой перспективной сферы взаимодействия.

Ключевые слова: Турция, КНР, Япония, Р. Т. Эрдоган, ВТС, Азиатско-Тихоокеанский регион

Для цитирования: Колесникова М. А. Основные аспекты современной политики Турции в Азиатско-Тихоокеанском регионе // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2024. Вып. 2 (855). С. 16–21.

Original article

Main Aspects of Modern Turkish Politics in Asia-Pacific Region

Maria A. Kolesnikova

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
kolmaral-1710@mail.ru

Abstract. This article is devoted to the determination and study based on the methods of historical and systemic analysis of the key subjects that constitute the specifics of Turkey's contacts with the countries of the Asia-Pacific region. Particular attention is paid to the relations with China and Japan as Ankara's main partners in the Asia-Pacific region. The paper also analyzes the areas of military-technical cooperation as a new promising area of interaction.

Keywords: Turkey, China, Japan, R.T. Erdogan, MTC, Asia-Pacific region

For citation: Kolesnikova, M. A. (2024). Main aspects of modern Turkish politics in Asia-Pacific region. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Social Sciences, 2(855), 16–21.

ВВЕДЕНИЕ

За период двадцатидвухлетнего нахождения у власти правящей Партии справедливости и развития во главе с Р. Т. Эрдоганом значительно расширилась география внешнеполитической активности Турции, которая помимо традиционных соседних регионов распространилась и на АТР. В 2019 году на 11-й конференции послов министр иностранных дел Турции М. Чавшоглу объявил о новой турецкой инициативе «Азия заново» (Asia Anew Initiative), которая предполагает интенсификацию контактов со странами региона в различных областях. Несмотря на то, что инициатива не имеет официального доктринального закрепления, она часто фигурирует в речах турецких политиков и на сайте МИД Турции, что, очевидно, призвано свидетельствовать о ее утверждении в качестве одного из актуальных направлений международной деятельности Анкары.

СПЕЦИФИКА ТУРЕЦКО-КИТАЙСКИХ КОНТАКТОВ

Ключевым партнером Турции в регионе на сегодняшний день является КНР. На данном этапе турецко-китайские отношения представляют довольно сложный конгломерат разных, но переплетающихся интересов. Внимание турецкого руководства, стремящегося к усилению международных позиций своей страны, привлекают мировое влияние и экономическая мощь Китая. Для Анкары Пекин в первую очередь – источник инвестиций для реализации масштабных инфраструктурных инициатив, не зависящий от политики финансирования стран Запада. При этом КНР заинтересована в развитии связей с Турцией в силу ее географического положения, которое открывает прямой выход на стратегически важные сопредельные регионы.

Активное развитие двусторонних отношений началось с визита Р. Т. Эрдогана в Пекин в 2015 году. Стороны подписали более 30 документов, в том числе Меморандум о согласовании проектов «Пояс и путь» и «Срединный коридор», который Анкара реализует с 2011 года. Последний призван соединить Турцию с государствами Центральной Азии через Грузию и Азербайджан и вписывается в один из возможных вариантов «Пояса и пути». Вкладывая в свой проект огромные средства, Анкара недвусмысленно подталкивает Пекин к выбору данного маршрута как наиболее выгодного для поставок товаров в Европу. Помимо сухопутного маршрута власти Турции рассчитывают стать одним из звеньев проекта «Морского шелкового пути». В 2016 году консорциум в составе COSCO, China Merchants Holdings International и China Investment Corporation приобрел за 940,1 млн долл. США. 65 % акций одного из крупнейших турецких контейнерных терминалов – Kumport в окрестностях Стамбула. Кроме того, ими подписан Протокол о намерениях приобрести еще два крупнейших морских терминала страны: Мерсин на Средиземноморском побережье и Чандарлы на Эгейском[1].

Движущей силой турецко-китайского взаимодействия выступает экономика. Хотя по показателям прямых инвестиций в Турцию КНР значительно отстает от других игроков (по разным оценкам – от трех до пяти млрд долл. США), более чем в 50 раз уступая ЕС и примерно в семь раз государствам Залива и США, по объемам товарооборота Пекин удерживает вторую позицию после России (по итогам 2023 года – 48,3 млрд долл. США[2]) с большим дисбалансом в пользу китайского экспорта (93 %). Продукция КНР, отличающаяся низкой стоимостью при сохранении относительно высокого качества, в значительной степени удовлетворяет потребность турецкой экономики в полуфабрикатах и комплектующих компонентах, что, как отмечают некоторые обозреватели, способствует росту производства в Турецкой Республике. В свою очередь, роль Турции как торгового партнера для Китая весьма незначительна. Основные статьи экспорта составляют продукция химической и текстильной промышленности, изделия машиностроения и электротехники [Виноградов, Муминова, 2021].

В числе основных проблем, осложняющих двустороннее взаимодействие, остается уйгурский вопрос (в турецком варианте уйгурских турок). В Турции проживают около 50 000 уйгуров, что образует крупнейшую уйгурскую диаспору за пределами Центральной Азии. Несмотря на то что градус критики турецкой стороны в адрес китайского руководства колеблется в зависимости от динамики двусторонних отношений и внутриполитической конфигурации в самой Турции, Анкара продолжает ревностно следить за положением «родственного тюркского народа» и случаями нарушения прав человека в Синьцзян-Уйгурском автономном районе (СУАР)[3]. Периодически в стенах турецкого меджлиса звучат призывы в поддержку уйгур и обвинения правительства КНР в бедственном положении этого народа в Китае. В феврале 2024 года в Стамбуле

[1]Çandarlı Liman Sınırında Stratejik Konumda Değerli Toprak (2020). Zingat com.
URL: https://www.zingat.com/candarli-liman-sinirinda-stratejik-konumda-degerli-toprak-2920022i

[2]Dış ticaret istatistikleri // TUIK. 2024. URL: https://data.tuik.gov.tr/Kategori/GetKategori?p=dis-ticaret-104&dil=1

[3]Çavuşoğlu M. 2019 Yılına Girerken Cumhurbaşkanliği Hükümet Sisteminde Girişimci ve Insani Diş Politikamiz // Diş Işleri Bakanlığı. 2019. URL: https://www.mfa.gov.tr/site_media/html/2019-yilina-girerken-girisimci-ve-insani-dis-politikamiz.pdf

спецслужбы Турции задержали шесть человек по подозрению в работе на разведку Китая. Утверждается, что задержанные собирали информацию о проживающих в Турции выходцах из СУАР и об их участии в деятельности местных этнических организаций[1].

Не совпадают позиции Анкары и Пекина по ряду региональных досье. В первую очередь это касается Центральной Азии, где две страны выступают конкурентами в стремлении к усилению собственного геополитического влияния в регионе. Турция активно использует здесь инструменты «мягкой силы» и риторику общности лингвокультурных связей. Сегодня Анкару со странами Центральной Азии связывает также работа по нескольким десяткам межгосударственных интеграционных проектов и программ, на основе которых к 2028 году планируется сформировать общий рынок товаров, инвестиций, рабочей силы и услуг. Вместе с тем все эти усилия едва ли предотвратят экономическое доминирование Китая в регионе. В отличие от Турции, Пекин не стремится зарекомендовать себя в политическом плане в качестве «старшего брата», а работает над упрочением социально-экономической и политической стабильности по маршруту проекта «Пояс и путь» с целью обеспечения безопасности для реализации своих экономических интересов. Главным инструментом достижения этой цели являются щедрые кредиты на инфраструктурные проекты. Одновременно Турция и Китай сталкиваются с другими крупными игроками, обоснованно претендующими на признание их интересов в Центральной Азии и в соседних регионах (в первую очередь Россия и Иран).

В последние годы сталкиваются интересы двух стран и в Африке. Хотя торговля Турции со странами континента составляет одну десятую от китайско-африканского товарооборота, турки значительно продвинулись в получении инфраструктурных подрядов в регионе. Более того, возросло число прецедентов, когда турецкие компании «перехватили» победу в тендере у своих китайских конкурентов[2]. Так произошло, в частности, в Эфиопии, Уганде и Танзании (в рамках проектов по строительству железной дороги), Экваториальной Гвинее и Руанде (строительство гражданских городских объектов).

Несмотря на укрепляющееся турецко-китайское взаимодействие в области кибербезопасности и развития ИКТ, подкрепленное обоюдным желанием развивать двустороннее военно-техническое партнерство, существуют объективные препятствия к его расширению в лице НАТО и США. Спекулируя на аргументах в пользу единых стандартов вооружения в рамках Североатлантического блока, Вашингтон стремится всячески препятствовать возможности поставок китайской военной продукции в Турцию.

В целом, однако, имеющиеся противоречия не представляются столь критичными для продолжения двустороннего сотрудничества. Отношения с Китаем занимают всё большее место в общественном дискурсе в Турции, что отражает тенденции долгосрочного характера.

ОСНОВНЫЕ ВЕКТОРЫ ТУРЕЦКО-ЯПОНСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА

Вторым крупнейшим партнером Анкары в Азиатско-Тихоокеанском регионе выступает Япония. В политическом плане одной из точек совпадения интересов является вопрос о реформировании ООН и его главной структуры – Совета безопасности. Обе страны убеждены в необходимости расширить число постоянных членов СБ ООН, продвигая тезис о более равноправном региональном представительстве. О заинтересованности Анкары в развитии политического диалога с Токио свидетельствует поддержка Турции кандидатуры Японии при избрании в качестве непостоянного члена СБ ООН на 2023–2024 годы.

В Анкаре высоко оценили солидарность Токио с турецким правительством после попытки государственного переворота в июле 2016 года. Вместе с тем дистанцирование Японии от решения чувствительного для Р. Т. Эрдогана вопроса о прекращении на ее территории деятельности образовательных структур, связанных с мусульманским проповедником Ф. Гюленом, достаточно болезненно воспринимается турецкими правящими кругами[3]. В то же время неизменной для Страны восходящего солнца остается тактика оперативного оказания гуманитарной помощи в случае природных катастроф, что способствует упрочению благоприятного климата в двусторонних политических отношениях. В числе последних примеров – Япония направила порядка 120 бойцов Сил самообороны для содействия в ликвидации последствий серии разрушительных землетрясений в турецкой провинции Кахрамان-мараш в феврале 2023 года, а также – нескольких бортов с гуманитарной помощью.

[1]Turkey detains six suspected of spying on Uyghurs for China // Reuters. 2024, February 20. URL: https://www.reuters.com/world/turkey-detains-six-suspected-spying-uyghurs-china-2024-02-20/

[2]Building in Africa: Turkey's «Third way» in China's Shadow // Middle East Institute. 2022, June 21. URL: https://www.mei.edu/publications/building-africa-turkeys-third-way-chinas-shadow

[3]Türkiye, Japonya'dan iki FETÖ'cünün iadesini istedi // Habertürk. 2018. URL: https://www.haberturk.com/turkiye-japonya-dan-iki-feto-cunun-iadesini-istedi-2222341

Экономическая сфера является основным стимулом турецко-японских отношений. Ключевыми «проводниками» на данном направлении выступают Японская федерация экономических организаций Кэйданрэн, Японское агентство международного сотрудничества (JICA) и Совет по внешнеэкономическим связям Турции (DEIK).

Финансовые потоки по линии инвестиций и торговли идут преимущественно от японских предпринимателей, турецким фирмам крайне сложно пробиться на азиатский рынок. В 2023 году показатели взаимного товарооборота составили 5,3 млрд долл. США (из них 4,6 млрд долл. японский экспорт)[1]. В перспективе – заключение соглашения об экономическом сотрудничестве (техническая стадия подготовки проекта завершилась в 2014 году), которое, как предполагается, должно содействовать сокращению дисбаланса двусторонней торговли. Основными статьями японских поставок являются транспортные средства, электронное и энергетическое оборудование, лекарственные средства, изделия из каучука и металлов. Турки, в свою очередь, экспортируют продукты питания, напитки, табак, домашний текстиль, ковры, химические изделия. Важной сферой торгово-экономического взаимодействия является космическая программа, в рамках которой при активном участии японской компании Mitsubishi Electric реализуются создание и запуск турецких спутников Turksat (разных серий) для оказания технических услуг в сфере безопасности.

Среди крупных проектов, олицетворяющих турецко-японское партнерство, стоит отметить тоннель «Мармарай» под проливом Босфор, соединивший азиатскую часть Стамбула с европейской, мост «Фатих» над Босфором и мост Османа Гази над Измитским заливом. Амбициозным обещал стать проект строительства Синопской АЭС, однако в 2018 году японо-французский консорциум вышел из него. Основной причиной стало двукратное увеличение стоимости станции в связи с повышением требований турецкой стороны к обеспечению безопасности после аварии на АЭС «Фукусима»[2].

Турция и Япония не ограничиваются проектами только на территории своих стран. В частности, значительные успехи достигнуты в Центральной Азии. Преимуществом турок являются наработанные успешные деловые контакты за счет культурной, языковой и религиозной близости с народами региона. Японцы, в свою очередь, готовы предоставлять свои финансовые и технологические ресурсы, осуществляя перспективные проекты совместно с турецкими подрядчиками. За последние 15 лет возник ряд японо-турецких и более широких консорциумов в сфере инфраструктуры, энергетики, хлопчатобумажной и химической промышленности. Подавляющая их часть развернута на территории Туркменистана, Казахстана и Узбекистана.

Прослеживается стремление к торгово-экономическому сотрудничеству и в Африке. О внимании к упрочению двусторонних контактов в данном регионе свидетельствует тот факт, что в 2019 году «на полях» Седьмой токийской международной конференции по африканскому развитию была организована отдельная секция «Турецко-японское партнерство для Африки»[3]. В практическом плане турецкий Eximbank наращивает взаимодействие с японским экспортно-кредитным агентством NEXI, Японским банком международного сотрудничества (JBIC), Японской организацией внешней торговли (JETRO), реализуя совместными усилиями проекты, в первую очередь в сфере промышленного и гражданского строительства. Такое сотрудничество направлено в том числе на противодействие китайской экспансии на континенте.

Наиболее ярким примером сотрудничества двух стран на Ближнем Востоке является строительство метро в Дубае, ставшего самой протяженной автоматизированной рельсовой сетью в мире. Проект был реализован японо-турецким консорциумом Dubai Rapid Link (DURL), в который вошли японские корпорации Mistubishi Obayashi, Kajima и турецкая компания Yapı Merkezi[4].

Основным проводником японской культурной политики в Турции выступает Турецко-японский культурный центр Японского фонда, способствующий проведению культурных мероприятий и образовательных обменов между двумя странами. Главным инструментом мягкой силы Турции является Институт Юнуса Эмре, представительство которого находится в Токио при турецкой мечети (крупнейшее мусульманское религиозное сооружение в стране). В рамках празднования 100-летия установления дипломатических отношений между странами планируется открытие совместного научно-технологического университета, выпускники которого в дальнейшем смогут пополнить кадровый состав

[1]Dış ticaret istatistikleri (2024). TUIK. https://data.tuik.gov.tr/Kategori/GetKategori?p=dis-ticaret-104&dil=1

[2]Sinop Nükleer'de beklenen karar: Japonlar çekildi // Emlak Web TV. URL: https://www.emlakwebtv.com/sinop-nukleer-haberleri/61854

[3]Küçük Y. K. Japonya-Afrika Yedinci Zirvesi (TICAD7): Japon özel sektörünü Afrika'da yatırım yapmaya ikna turu // Indyturk. 2019, Eylül 3. URL: https://www.indyturk.com/node/67141/dünyadan-sesler/japonya-afrika-yedinci-zirvesi-ticad7-japon-özel-sektörünü-afrika'da

[4]Dubai metrosunda Türk imzası // Haber 7. 2006, Mart 22. URL: https://ekonomi.haber7.com/ekonomi/haber/145446-dubai-metrosunda-turk-imzasi

турецко-японских консорциумов. На протяжении более 30 лет продолжается работа японских археологов в турецком районе Каман-Калехёюк, где при участии МИД Японии был создан археологический музей, представляющий своим посетителям артефакты османского, сельджукского, византийского, бронзового и каменного периодов.

В целом, несмотря на то, что темпы развития турецко-японского сотрудничества не столь велики (по сравнению с Китаем), Токио по-прежнему остается в числе перспективных партнеров Турецкой Республики. При этом взаимодействие двух стран в значительной степени отвечает интересам друг друга, а грядущее в 2024 году 100-летие установления дипломатических отношений предполагает постановку новых задач по различным направлениям турецко-японского сотрудничества.

ВОЕННО-ТЕХНИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО СО СТРАНАМИ АТР

С учетом повышения доли турецкой военной продукции на мировых рынках АТР также представляет для Турецкой Республики интерес как перспективный динамичный рынок для совершенствующихся турецких вооружений и оборонных технологий.

Основными компаниями, наращивающими свою активность в Азии, являются Aselsan, Turkish Aerospace Industries (TAI), ASFAT, Ata Arms, Havelsan, Karel, MKE, Nurol Makina, Nurol Technology, Sarsılmaz, TAIS и Otoktar. В числе статей экспорта: беспилотные наземные и воздушные транспортные средства, бронетехника, системы вооружения и слежения, средства радиоэлектронной борьбы, боеприпасы, продукция материально-технического снабжения и др. Хотя турецкие предложения едва ли можно назвать самыми передовыми, они остаются привлекательными по причине энергичного маркетинга, более низких цен по сравнению с европейскими и американскими аналогами, подтверждения эффективности на практике («проверены в боях» – Сирия, Нагорный Карабах, Украина, Ливия), а также отсутствия ограничений в вопросе их дальнейшего применения.

Ключевым партнером Турции в области ВТС выступает Малайзия. В 2017 году здесь было учреждено дочернее предприятие турецкой компании ASELSAN MALAYSIA, которая заключила контракт с малайзийской судостроительной верфью на поставку 30-мм стабилизированной пушечной системы (СПС) MUHAFIZ. В 2021 году открыт офис другого турецкого авиагиганта – TAI (параллельно подписано соглашение о сотрудничестве с Университетом Куала-Лумпура в области авиации), который готов предложить южноазиатским партнерам БПЛА ANKA и учебно-тренировочный самолет HURJET (летные испытания начались в апреле 2023 года). Еще один крупный игрок – FNSS (совместное турецко-британско-американское предприятие), поставляющий вооруженным силам Малайзии БМП ADNAN. Импульс двустороннему сотрудничеству придала встреча Р. Т. Эрдогана и премьер-министра Малайзии М. Мохамада в 2019 году, по итогам которой было заключено 14 меморандумов о взаимопонимании между оборонными и технологическими компаниями двух стран.

На постоянной основе развивается сотрудничество с Индонезией. В 2019 году страны заключили «Соглашение о массовом совместном производстве легких танков и сотрудничестве», которое принесло свои первые практические результаты в 2022 году, когда турецкой стороной были поставлены Индонезии 10 танков Kaplan MT (Harimau по-индонезийски), изготовленных на заводе компании FNSS в Стамбуле. Вторая производственная линия подготовлена на индонезийском предприятии Pindad. В том же году компания HAVELSAN поставила систему боевого управления ADVENT для использования на новых морских патрульных кораблях ВМС Индонезии. На индонезийском рынке также наблюдается продукция гиганта ASELSAN (акустические торпедные глушители для подводных лодок, СПС MUHAFIZ).

Значительно присутствие турецкой оборонной продукции на Филиппинах. TAI экспортирует боевые вертолеты ATAK, компания FNSS занимается модернизацией БТР M113 и является участником сделки на поставку амфибийной боевой бронированной техники AZMIM. Помимо этого, осуществляется экспорт боеприпасов, патронов, пистолетов, биноклей ночного видения и др. (Aselan, MKE, GIRSAN, Samsun Yurt Savunma).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, новое направление внешнеполитической активности Турции в зоне Азиатско-Тихоокеанского региона уверенно набирает темп и имеет солидный потенциал для дальнейшего расширения двустороннего и многостороннего взаимодействия. История активного сотрудничества со странами региона не столь продолжительна, при этом она компенсируется динамикой развития на современном этапе. Турция заинтересована в диверсификации внешних контактов в первую очередь в целях развития национальной экономики, и, несмотря на ряд сложностей, связанных с особенностями политической повестки, готова находить новые точки соприкосновения с государствами АТР.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Виноградов А. О., Муминова С. А. Китайско-турецкие отношения: современный этап // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. 2021. Т. 26. № 26. С. 200–226.
2. Парамонов О. Г. Самая «прояпонская» страна смотрит в сторону Пекина // Российский Совет по международным делам. 2020.
URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/samaya-proyaponskaya-strana-smotrit-v-storonu-pekina/

REFERENCES

1. Vinogradov, A. O., Muminova, S. A. (2021). Kitajsko-tureckie otnoshenija: sovremennyj jetap = Sino-Turkish relations: modern stage. China in world and regional politics. History and modernity, 26(26), 200–226. (In Russ.)
2. Paramonov, O. G. (2020). Samaja «projaponskaja» strana smotrit v storonu Pekina = The most “pro-Japanese” country looks towards Beijing. Rossijskij Sovet po mezhdunarodnym delam. https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/samaya-proyaponskaya-strana-smotrit-v-storonu-pekina/

ИНФОРМАЦИЯ О АВТОРЕ

Колесникова Мария Александровна

кандидат политических наук
доцент кафедры зарубежного регионоведения
Института международных отношений и социально-политических наук
Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Kolesnikova Maria Aleksandrovna

PhD (Political Sciences)
Associate Professor of the Department of Regional Studies
Institute of International Relations and Social and Political Sciences
Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию	22.02.2024	The article was submitted
одобрена после рецензирования	20.03.2024	approved after reviewing
принята к публикации	25.03.2024	accepted for publication

Научная статья
УДК 327

Хамелеон в камуфляже. Думать о войне – вести войну в Европе

Лапинс Вульф

Институт международной политики WeltTrends, Потсдам, Германия
Wulf.Lapins@gmx.de

Аннотация. С точки зрения международного права и в политическом плане, а часто и эвфемистически, межгосударственная война сегодня определяется как конфликт. Тем не менее она остается «настоящим хамелеоном». Ее политические, военные, социально-экономические и культурные условия коренным образом отличаются от тех, которые были во времена Клаузевица. Максимы примата политики и соотношение политической и военной цели, средств войны продолжают действовать и в контексте ядерного сдерживания и его ключевых факторов, таких как потенциалы, возможности, угроза, восприятие, доверие.

Ключевые слова: международное право, война, демократический мир, угроза, восприятие, безопасность, ядерное сдерживание, Россия

Для цитирования: Лапинс В. Хамелеон в камуфляже. Думать о войне – вести войну в Европе // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2024. Вып. 2 (855). С. 22–32.

Original article

A Chameleon in Camouflage. Think About the War – Waging War in Europe

Wulf Lapins

WeltTrends Institute for International Relations in Potsdam, Germany
Wulf.Lapins@gmx.de

Abstract. From the point of view of international law and in political terms, and often euphemistically, an interstate war is now defined as a conflict. Nevertheless, she remains a «real chameleon.» Its political, military, socio-economic and cultural conditions are radically different from those that existed in the time of Clausewitz. The maxims of the primacy of politics and the ratio of political and military goals and means of war continue to operate in the context of nuclear deterrence and its key factors, such as potentials, capabilities, threat, perception, and trust.

Keywords: international law, war, democratic world, threat, perception, security, nuclear deterrence, Russia

For citation: Lapins, W. (2024). A chameleon in camouflage. Think about the war – waging war in Europe. Vestink of Moscow State Linguistic University. Social Sciences, 2(855), 22–32.

Das Chamäleon im Flecktarn
Krieg denken – Krieg führen in Europa

Wulf Lapins

WeltTrends-Institut für Internationale Politik in Potsdam, Deutschland, Bonn
Wulf.Lapins@gmx.de

Zusammenfassung. Völkerrechtlich und politisch oft auch euphemistisch verwendet, wird der zwischenstaatliche Krieg heute als Konflikt definiert. Gleichwohl bleibt er ein „wahres Chamäleon". Seine politischen, militärischen sozioökonomischen, und kulturellen Bedingungen sind gegenüber denen in der Zeit von Clausewitz zwar grundverschieden. Die „Maximen" vom Primat der Politik und die Zweck-Ziel-Mittel Relation sind im Kontext von nuklearer Abschreckung und seiner Schlüsselfaktoren, wie Potenziale, Fähigkeiten, Be-/Drohung, Perzeption, Glaubwürdigkeit aber weiterhin gültig.

Stichworte: Völkerrecht, Krieg, Demokratischer Friede, Bedrohung, Perzeption, Sicherheit, Nukleare Abschreckung, Russland

For citation: Lapins, W. (2024). Das Chamäleon im Flecktarn. Krieg denken – Krieg führen in Europa. Vestink of Moscow State Linguistic University. Social Sciences, 2(855), 22–33.

KRIEG UND VÖLKERRECHT

Im klassischen völkerrechtswissenschaftlichen Schrifttum werden als objektive Kriterien für „Krieg" der bewaffnete Kampf zwischen Staaten oder Staatenkoalitionen sowie Quantität und Qualität des eingesetzten Kampfgeräts oder die Stellung eines Ultimatums angeführt. Mit Verweis auf die im März 1945 erfolgte Kriegserklärung von Argentinien gegen Deutschland, jedoch ohne resultierende Kriegshandlungen, wird in der Literatur aber angemerkt, dass der Waffeneinsatz nicht zwingend konstitutiv für den Kriegstatbestand sei[1]. Andere Völkerrechtler charakterisieren Krieg als „*Gewaltmaßnahmen unter Abbruch der diplomatischen Beziehungen*" [Kimminich, Hobe, 2004].

Als subjektiver Definitionsindikator gilt die Entschlossenheit / Wille zur Kriegsführung durch entsprechende dezidierte Aussagen oder faktisch durch Art und Weise oder Intensität der vermittelten Feindseligkeit. Die in starker Anlehnung an Clausewitz vertretene Position, ein weiteres entscheidendes Merkmal sei auch das „Ziel militärischer Niederringung des Gegners"[2], wird so argumentiert nicht generell geteilt.

Vor dem Hintergrund des Kriegsverbots (Kriegsächtung) durch den Briand / Kellogg-Pakt von 1928 und insbesondere durch das generelle zwischenstaatliche Gewaltverbot in Artikel 2 Abs. 4 der UN-Charta von 1945 werden heute offizielle Kriegserklärungen so gut wie gar nicht mehr ausgesprochen. „*Dies ist einerseits sicherlich die Folge des mit einem Überraschungsangriff verbundenen militärischen Vorteils*". Es mag dafür aber auch die Scheu der Staaten sein, „ihren Rechtsverstoß durch eine Kriegserklärung offenkundig werden zu lassen, also dem 'Odium eines' Angriffskrieges / der Rechtswidrigkeit' zu entgehen" [Epping, 1991]. Zu den deshalb eher seltenen Fällen des förmlichen Kriegseintritts zählen der britisch-argentinische Falklandkrieg von 1982, der irakisch-iranische Krieg (erster Golfkrieg) von 1980–1988 sowie der Afghanistan-Einsatz (2001–2021) als „Krieg gegen den Terror".

Zudem: „*Seit dem 2. Weltkrieg wird der Kriegsbegriff von den Staaten im Völkerrechtsabkommen und von der Völkerrechtsliteratur seltener verwendet. Stattdessen sprechen sie von 'internationalen bewaffneten Konflikten' und 'nicht-internationalen bewaffneten Konflikten'... Der Sammelbegriff 'internationaler bewaffneter Konflikt' umfasst sämtliche Erscheinungsformen zwischenstaatlicher Anwendung von Waffengewalt*". Der nicht-internationale bewaffnete Konflikt beschreibt den Gewaltaustrag von regulären staatlichen Streitkräften gegen im Land beheimatete / interne Aufständische. „*Im Unterschied zum klassischen Kriegsbegriff ist also nicht mehr erforderlich, dass die Konfliktparteien ihre Kriegsführungsabsicht kundtun*"[3].

Im vorliegenden Artikel verwendet der Autor jedoch aus didaktischem Grund die umgangssprachliche Kategorie Krieg.

[1]Meng, Werner, War. Encyclopedia of Public International Law, Vol. IV, 2000.

[2]Ipsen Knut Völkerrecht, München 2004, § 66, Rn. 10.

[3]Wissenschaftliche Dienste des Deutschen Bundestages. URL: https://www.bundestag.de/resource/blob/494606/1e69675dfb469de68e2ba1d507324395/WD-2-175-07-pdf-data.pdf S. 4

CLAUSEWITZ

Oft werden in westlichen Demokratien Politik und Krieg als ein antagonistischer Widerspruch wegen beider entgegengesetzten politischen Erscheinungsformen begriffen. Durch das postulierte Axiom, Politik habe die Aufgabe, Gewaltkonflikte deeskalierend einzuhegen und diplomatisch in Kompromisse zu überführen, wird der Krieg dann meist als Niederlage und Versagen der Politik begriffen. Demgegenüber hatte der Militärtheoretiker und -stratege Carl v. Clausewitz bereits in dem nach seinem Tod im Jahr 1831 veröffentlichten Hauptwerk „Vom Kriege" dessen Verhältnis zur Politik anders definiert: „*So sehen wir also, daß der Krieg nicht bloß ein politischer Akt, sondern ein wahres politisches Instrument ist, eine Fortsetzung des politischen Verkehrs, ein Durchführen desselben mit anderen Mitteln*"[1].

Idealtypisch werden Kriege auf dem Schlachtfeld entschieden und am Verhandlungstisch politisch beendet. Kriegsparteien kämpfen aber oft parallel zu laufenden Friedensverhandlungen weiter, um bessere Verhandlungspositionen zu erwirken. Exemplarisch hierfür stehen der Vietnamkrieg und der Afghanistankrieg mit ihren Geheimgesprächen in Paris bzw. Doha. Die UdSSR beendete ihre 10-jährigen Krieg in Afghanistan mit ihrem Truppenabzug indes ohne vorgelagerte politische Befriedung, so dass hiernach dort ein mehrjähriger Bürgerkrieg ausbrach. Und eingefrorene Konflikte können nach Jahren erneut in reale Kriege umschlagen, wie dies jüngst beispielhaft Aserbaidschan und Armenien in Berg-Karabach demonstrierten. Solange Krieg von der Politik als ein Instrument bewertet und eingesetzt wird, sind politische Regelungen verhandelbar, weil die Domäne bei der Politik liegt. Wenn jedoch Clausewitz auf den Kopf gestellt wird und Politik als Fortsetzung des Krieges mit anderen Mitteln begriffen wird, also die Domäne des Krieges über die Politik gilt, dann sind politische Friedenskompromisse nur sehr schwer zu erzielen.

DEMOKRATISCHER FRIEDE

Um Jahrtausendwende thematisierte die europäische Friedens- und Konfliktforschung [Kaldor, 2000; Münkler, 2002] das Aufkommen sogenannter „neuer Kriege", die mitunter auch als Sprachschöpfung „kleine Kriege" [Daase, 1999] oder „asymmetrische Kriege" [Schröfl, Pankratz, 2004] genannt werden, außerhalb von Europa nach dem Ende des Ost-West-Konflikts im Kontext von Gewaltökonomien / transnationalen Kriegen als „*soziale(n) Raum, in dem die Verteilung und Aneignung von Ressourcen gewaltgesteuert verläuft*" [Schlichte, 2002]. Für Europa hingegen perzipierte der damalige britische EU-Diplomat eine Friedensstabilität und versuchte diesen Befund mit der Postmoderne zu erklären [Cooper, 2003]. Der klassische Staatenkrieg sei ein „historisches Auslaufmodell" wurde ihm aus der Politikwissenschaft sekundiert und erhob „*diese Feststellung zum festen Repertoire der Voraussagen für das 21. Jahrhundert... Für Europa wird man das sagen können – jedenfalls, wenn man den Balkan und die südöstlichen Ränder des Kontinents außer Betracht lässt, – aber kaum für Afrika, den Nahen und Mittleren Osten und Zentralasien. Hier zeigt sich, dass der Krieg keineswegs verschwunden ist, sondern nur seine Gestalt gewechselt hat*"[2].

Der damit implizit diagnostizierte europäische Friede umfasst geographisch jedoch nur das Europa der Integration. Implizit wird damit der „demokratische Friede" das Wort geredet, wonach Demokratien keine Kriege gegeneinander führen. In vielen empirischen Untersuchungen[3] wurde eine sich gegenseitige Friedensverstärkung durch Demokratie / Rechtsstaatlichkeit, politische / ökonomische Interdependenz, Handel und vergemeinschaftete Institutionen als die vier Essentials des kollektiven Europas nachgewiesen [Geis, Wagner, 2006]. Durch die gewollte Entnationalisierung / Kollektivierung von elementaren Roh- und Grundstoffen für potenzielle Kriegsrüstungsgüter legten bereits 1951 Westdeutschland, Benelux-Staaten, Frankreich und Italien mit der Gründung der supranationalen Europäischen Gemeinschaft für Kohle und Stahl (EGKS / Montanunion) eine Friedensbasis. Im Rahmen der Römischen Verträge von 1957 gründeten dieselben Staaten die Europäische Wirtschaftsgemeinschaft (EWG) und zur Kontrolle und Koordinierung der zivilen Forschung und Nutzung der Kernenergie die Europäische Atomgemeinschaft (EURATOM). Durch den Vertrag von Maastricht 1993 wurde diese Wirtschaftsunion in Europäische Gemeinschaft (EG) umbenannt, die mit dem Vertrag von Lissabon 2007 die völkerrechtliche Grundlage der Europäischen Union (EU) mit derzeit 27 Mitgliedsstaaten und 9 Kandidatenländern bildet.

Gleichwohl darf die Friedensstiftung von Demokratien nicht idealisiert werden. Auch sie verfügen über inhärente Gewaltdispositionen und militärische Gewaltpotenziale und setzen diese kriegsmäßig nach politischer Interessenlage auch ein. Sei es in z.B.

[1]Clausewitz Carl v. URL: https://www.clausewitz-gesellschaft.de/wp-content/uploads/2014/12/VomKriege-a4.pdf

[2]Münkler H. URL: https://www.bpb.de/shop/zeitschriften/apuz/30520/neues-vom-chamaeleon-krieg-essay/

[3]Constanze Scheel. URL: https://www.nomos-elibrary.de/10.5771/0175-274x-2007-4-208.pdf?download_full_pdf=1 (30.3.2024)

Afghanistan und Mali mit UN-Sicherheitsratsmandat, sei es im Irak ohne Mandat des Sicherheitsrates. Mit anderen Worten, natürlich führen auch Demokratien Kriege, aber zumindest in der jüngeren Geschichte eben nicht gegeneinander. „*(D)emocracies have been few in number over the past two centuries, and thus there have not been many cases where two democracies were in a position to fight with each other*“ [Mearsheimer, 1990].

BEDROHUNG – BEDROHUNGSPERZEPTION

Bedrohung wird im täglichen Sprachgebrauch in der Regel in Verbindung mit den psychologischen Kategorien Angst und Furcht sowie im politischen Kontext mit den Begriffen Sicherheit, Verteidigung und Abschreckung konnotiert. Die Psychiatrie und Neurologie ordnet Angst zur „*Gruppe der phylogenetisch alten Lebensschutzinstinkte. Wir sprechen von Angst, wenn das Objekt des Unbehagens nicht bewusst ist oder wenn keine Möglichkeit besteht, die Gefahr abzuwenden. Furcht dagegen bedeutet, dass er Mensch das Gefahrenmoment erkennt und auch Wege zur Abwehr sucht*“[1]. Angst ist also nicht zielgerichtet, vielmehr diffus, mitunter auch irrational. Furcht dagegen ist konkret auf eine erkannte Gefahrenquelle bezogen.

Eine Bedrohung wird wahrgenommen, wenn sie mit Vorstellungsbildern aus dem eigenen Erfahrungsrepertoire oder mit als angenommenen objektiv beurteilten Fakten korreliert. Fähigkeiten und Absichten sind hierbei zwei wesentliche für einen Bedrohungskontext konstitutive Indikatoren. Eine Schadensabsicht läuft ohne unterlegte Fähigkeiten ins Leere. Und eine Schadensfähigkeit bleibt ohne Konsequenz, wenn sie auf keiner Schadensabsicht basiert.

Wie auf der individuellen Ebene, gehört Bedrohung ebenfalls zum Prozessmuster zwischenstaatlicher Beziehungen, wobei die Kategorie Macht / Machtpolitik eine entscheidende Rolle spielt. Weil das internationale System weitgehend nicht auf einem die UN-Regeln durchsetzbaren System basiert, entstehen Unsicherheiten über das Verhalten der konkurrierenden Staaten, so dass jeder Akteur versucht das Dilemma durch die Erweiterung der eigenen Potenziale auf die Handlungen der anderen einzuwirken. Diese Machtfähigkeiten steigen mit verfügbaren Ressourcen. Der Übergang zu Drohpolitik mit Gewaltandrohung / Gewaltanwendung ist fließend und mitunter auch eskalierend. Damit einher gehen Bedrohungsvorstellungen / Bedrohungsperzeptionen, die idealtypisch durch vier Merkmale gekennzeichnet sind:

1. Ein Subjekt als Staat oder Staatenkoalition von dem eine Bedrohung ausgeht.
2. Ein Staat / Koalition als Objekt gegen das die Bedrohung ausgerichtet ist.
3. Ein durch die Wahrnehmung des Objekts bestimmtes Deutungsmuster. In dieses Konstrukt fließen u.a. Perzeptionen und Fehlwahrnehmungen, historische Erfahrungen, Vorurteile, kulturelle Stereotype und ideologische Feindbilder ein.
4. Die Diagnose und Beurteilung anhand der eigenen Zielvorstellung durch das Bedrohungsobjekt. „*Dieser Überlegung liegt die Vorstellung zugrunde, daß die vom Subjekt A ausgehende Bedrohung vom Objekt B mit den eigentlichen (politischen, militärischen, ökonomischen) Zielvorstellungen von B verglichen und bei einer Abweichung Bedrohung abgeleitet wird*“ [Linn, Lapins, 1985]. Geklärt werden müssen in konkreten Fällen nachstehende Fragen: Was ist der Inhalt der Zielvorstellungen von B? In welchem Umfang kollidieren seine Zielvorstellungen mit dem Drohverhalten von A? Welche Konsequenzen zieht B aus seiner Bedrohungsperzeption gegenüber A? Reagiert B darauf mit Anpassung / Appeasement oder Abschreckung?

Daraus kann geschlussfolgert werden, dass eine Bedrohungsperzeption keine objektive Größe darstellt, weil sie vom jeweiligen Dispositiv der Deutungsmuster und Zielvorstellungen des Individuums oder eines Staates abhängt, und beides sind keine stabilen Faktoren. So können in Grenznähe dislozierte massive Fähigkeitspotenziale von Staat A per se bereits Bedrohungswirkmacht gegenüber Staat B entfalten, ohne dass dieser eine Angriffsabsicht äußert, weil das Deutungsmuster von Staat B gegenüber Staat A „historisch“ sensibilisiert ist. Andererseits ist es auch möglich, dass ungeachtet offensichtlicher bedrohlicher Verhaltensweisen von Staat A gegenüber Staat B, dieser sich trotzdem lange Zeit nicht als bedroht perzipiert, weil seine Deutungsmuster und Zielvorstellungen (vielleicht auch politisch gewollt) keine Bedrohungserwartung aufwiesen. Exemplarisch dafür war der russische Kriegsbeginn gegen die Ukraine vom 24.2.2022 als Camouflage einer „militärischen Spezialoperation“. Denn obwohl US-Präsident Biden und NATO-Generalsekretär Stoltenberg knapp eine Woche zuvor die Öffentlichkeit explizit vor einem russischen Angriff in wenigen Tagen[2] warten, erklärte hingegen der ukrainische Präsident Selenskyj noch am 22.2.,

[1]Paul Andreas. URL: https://oops.uni-oldenburg.de/575/2/rotang03.pdf

[2]DW. URL: https://www.dw.com/de/us-präsident-biden-erwartet-russische-invasion-in-der-ukraine/a-60838861

also zwei Tage vor dem 24.2., dass er nicht von einem Kriegsbeginn ausgehe[1].

Erstmals Mitte März 2024 wurden die russischen Kriegshandlungen („Spezialoperation") gegen die Ukraine von offizieller russischer Seite auch als solche bestätigt. Der Vizeleiter der russischen Präsidialverwaltung / Kreml, Dimitri Peskow, erklärte in einem Interview vom 19. März 2024: „*Wir befinden uns im Kriegszustand. Das sollte jeder verstehen… Ja, es hat als eine militärische Sonderoperation begonnen, aber seit sich dieser Haufen dort gebildet hat, als der kollektive Westen auf der Seite der Ukraine eingegriffen hat, ist es für uns bereits ein Krieg geworden. Davon bin ich überzeugt. Und jeder sollte das für seine innere Mobilmachung verstehen… De jure handelt es sich um eine Spezialoperation, aber de facto ist sie für uns zu einem Krieg geworden, nachdem der kollektive Westen seine Beteiligung an dem Konflikt immer mehr erhöht hat*"[2]. Ob damit aber künftig die bisherige strafrechtliche Ahndung für die Verwendung des Begriffs „Krieg" in Russland entfällt, muss sich zeigen.

SICHERHEIT

Sicherheit und Bedrohung stehen in einem engen Wechselverhältnis. Bedingt durch den Kalten Krieg bildete der Faktor Sicherheit bereits in den frühen 1970er Jahren ein intensives politikwissenschaftliches Forschungsfeld. Aus dieser Zeit stammt die auch heute noch als aktuell zu bewertende Kategorisierung von Bestimmungsfaktoren des Begriffs Sicherheit. Danach impliziert Sicherheit „*Gefahrlosigkeit, Verlässlichkeit, Gewissheit und Sorglosigkeit*" [Kaufmann, 1973]. Jedem dieser Bedeutungselemente ist der Begriff Vertrauen zuzuordnen, der damit keine autonome, sondern eine finale Geltung erhält. Vertrauen basiert auf Wissen über das Fehlen von Bedrohung und deutet damit eine sozialpsychologische Dimension an. Wissen wiederum ist von Gewissheit durch eine Restgröße von Unwissen abgegrenzt werden und besitzt damit eine dynamische Eigenschaft, während der Gewissheit statische Bedeutung zukommt. „*Nur die Gewissheit verlässlichen Schutzes führt zur Sorglosigkeit, oder: Das subjektive 'Sicherheitsgefühl' soll berechtigt sein, in dem Sinne, dass objektiv keine Gefahr droht*" [Kaufmann, 1973]. Eine objektive Nicht-Bedrohung ist aber nur dann gegeben, wenn „*auf das wahrgenommene Bild der Außenwelt Verlaß ist und die Wahrnehmungsverarbeitung dem Kriterium der 'richtigen Erkenntnis', der 'Gewissheit'*" genügt [Ibid.]. Das Element Gewissheit im Kontext einer Sicherheitsperzeption drückt eine Zukunftsprognose aus, weil Sicherheit eine Befindlichkeit in der Zukunft ausdrückt und „*meint Gewissheit, dass 'Gutes' Bestand habe oder eine Handlung zum Guten eintrete*" [Frei, Gaupp, 1978].

NUKLEARE ABSCHRECKUNG

Auffällig ist die übereinstimmende Position von Nicht-Nuklearstaaten (atomare Habenichtse), Atomwaffen als politische und damit nicht einsetzbare Waffen zu deklarieren. Die offiziellen fünf Kernwaffenländer müssen im Gegensatz dazu nachdrücklich ihre Einsatzbereitschaft i.S. der nuklearen Kriegsführung bekräftigen.

Bei der Abschreckung / deterrence liegt der bestimmende Fokus auf der Furchtauslösung beim Gegner vor den Konsequenzen seiner potenziellen Aggression. Furcht unterliegt als individual- und sozialpsychologische Kategorie keiner quantifizierbaren Metrik. Deshalb bedingt Abschreckung „*eine differenzierte Gestaltung der Wahrnehmung, damit ein Gegner die Alternativen zur Aggression attraktiver als den Krieg sieht*" [Mazarr, 2018]. Und diese Perzeption muss als absolut glaubwürdig und robust entschlossen wirken. Abschreckung ist primär ein politisch-militärisches Drohkonzept und erst sekundär ein potenzielles Vernichtungskonzept. Ein potenzieller Aggressor kann dadurch abgeschreckt werden, dass durch das gegnerische überlegene konventionelle militärische Potenzial seine Erfolgschancen verwehrt werden (deterrence by denial) [Snyder, 1960]. Hierbei verschränken sich Kriegsführungsfähigkeit und Abschreckung. Zudem beinhaltet eine Denial-Strategie in Konsequenz dynamische Aufrüstungsprozesse, weil keine Seite der anderen Überlegenheit zur Erfolgsverweigerung akzeptieren kann. Im nuklearen Bereich dominiert hingegen die für den Aggressor unakzeptable atomare Vergeltungs- oder Vernichtungsdoktrin (deterrence by punishment / annihilation). Abschreckung soll das militärische Risikokalkül des potenziellen Aggressors beeinflussen, i.S. des „Lehrsatzes", deterrence happens in the mind of the opponent.

Im Prinzip handelt es sich jedoch realiter um eine „pre war deterrence", denn wenn die Abschreckung versagt und es zu nuklearen reziproken Einsätzen kommt, ist völlig ungewiss mit welchen katastrophalen zivilisatorischen Konsequenzen sich dieser „Schlagabtausch" entwickeln würde. Im Kontext des Ost-West-Konflikts wurden die Analysen, Postulate und Folgerungen von Clausewitz in der deutschen Politikwissenschaft als nicht mehr tauglich für die damalige Zeit verworfen. Beispielhaft

[1]Frankfurter allgemeine Zeitung. URL: https://www.faz.net/aktuell/politik/ausland/ukraine-selenskyi-glaubt-nicht-an-krieg-gegen-russland-17824497.html

[2]russland. News. URL: http://www.russland.news/putins-sprecher-de-jure-militaerische-sonderoperation-de-facto-krieg/

dafür: „*Als politisches Instrument jedenfalls hat der Krieg ausgedient, zumindest im Einzugsbereich des Ost-West-Konflikts. Gewaltverzicht und Friede sind zur politischen Norm geworden, die kein politisches Ziel, das der Verteidigung ausgenommen, auszusetzen vermag. Zu Clausewitz, für den der Krieg noch ein Mittel der Politik war, führt kein Weg zurück*“ [Czempiel, 1986]. In den USA hatten schon früher renommierte Politikwissenschaftler darauf hingewiesen, ein Nuklearkrieg wäre nicht mehr nach Clausewitz eine Fortsetzung der Politik mit anderen Mitteln, sondern ein Versagen der Politik im Sinne der Abschreckung1.

Doch würde es nach Clausewitz eben die Politik sein, die einen Nukleareinsatz als politisches Kriegsinstrument zur Fortsetzung der Politik, die Bestrafung / gegnerischen Vernichtung, einsetzt. Gleichwohl ist sich international die wissenschaftliche nuklearstrategische Community darin einig, dass ein Atomkrieg sich nicht politisch steuern lässt.

Das russische Pendant zu „Deterrence“ lautet „Sderzhivanie“ und hat als Sprachwurzel die Begriffe „eindämmen“, „zurückhalten“, „ein Zustandekommen verhindern“. „*Dieser sprachliche Unterschied hat wichtige Konsequenzen für die Strategie. Das russische Wort bezieht sich nicht auf Angst und hat daher keine psychologische Konnotation. Bei ‚Sderzhivanie‘ geht es also um Maßnahmen, die ergriffen werden, um den Gegner zurückzuhalten, und nicht unbedingt darum, seinen Geisteszustand zu beeinflussen, um dasselbe Ziel zu erreichen… “Sderzhivanie” war auch das russische Wort für die Eindämmungspolitik der Vereinigten Staaten aus der Zeit des Kalten Krieges, die umfassende, gesamtstaatliche Anstrengung, die Ausbreitung des Sowjetkommunismus zu verhindern*“[2]. Während strategic deterrence die Abschreckungswirkung strategischer Atomwaffen bezeichnet, fokussiert die Сдерживание стратегическое / strategische Eindämmung seit etwa 2015 viel weitergehender: „*Ein koordiniertes System nicht gewaltsamer und gewaltsamer Maßnahmen, die nacheinander oder gleichzeitig von einer Partei… gegenüber der anderen Partei… ergriffen werden, um diese von jeglichen gewaltsamen Handlungen abzuhalten, die einen Schaden von strategischem Ausmaß zufügen oder zufügen könnten… Die Implementierung von C.c. beruht in der Regel auf dem Prinzip der Siegverhinderung*“[3].

Die Abschreckungstheorie bedingt unerlässlich als Prämisse eine wechselseitig unterstellte Handlungsrationalität, i.S. dass die politischen Entscheider über Zugang zu rationalen Denk- und Aktionsmuster verfügen. Zugleich enthält die Abschreckung aber ein unauflösliches inhärentes irrationales Essential.

Denn der postulierte Friede als das Fehlen von Bedrohung soll eben mit der Bereitschaft zum Atomkrieg mit wahrscheinlich beiderseitig unakzeptabler Zerstörung (MAD-Doktrin) gesichert werden. Auf eine solche Antinomie verwies die Denkschule des politischen Realismus schon vor über fünfzig Jahren: Im Abschreckungssystem müssen antagonistische Gegner in reziproker Drohkonstellation einander glaubhaft machen, „*dass sie irrational genug seien, im Zug der Bekräftigung ihrer eigenen Positionen mittels Kernwaffen auch die eigene Vernichtung in Kauf zu nehmen, wobei sie gleichzeitig annehmen, dass die andere Seite rational genug sein werde, eine solche irrationale Politik nicht zu provozieren*“ [Morgenthau, 1970]. Mit anderen Worten: Abschreckung gleicht einem beiderseitig vorgelagerten Minenfeld und der unbedingten gemeinsamen Hoffnung auf jeweilige Untätigkeit. Der ehemalige US-Verteidigungsstaatssekretär Joseph Nye spricht von einem „Nutzbarkeitsparadoxon“ der atomaren Abschreckung. Wären die Nuklearwaffen gar nicht einsetzbar, hätten sie auch keinen impliziten abschreckenden Effekt. Andererseits wäre ein katastrophaler Atomkrieg die Folge, wenn sie unbedenklich einsetzbar wären[4].

BEGRENZUNG DES ATOMKRIEGS

Die Ablösung der US / NATO-Doktrin von der Massiven Vergeltung zur Flexiblen Antwort / Reaktion offenbarte den klaren Willen den potenziellen Nukleareinsatz begrenzen zu wollen.

Seit Jahren wird über die Möglichkeit einen Nuklearkrieg zu limitieren debattiert, um der Falle der Selbstabschreckung zu entgehen. „*Es gibt zwar keine anerkannte Definition des ‚begrenzten Atomkriegs‘, doch kann er als ein Krieg beschrieben werden, bei dem eine begrenzte Anzahl von Nuklearsprengköpfen mit relativ geringer Sprengkraft eingesetzt wird, um ein begrenztes militärisches Ziel anzugreifen… Er soll ein Zeichen der Abschreckung setzen, dass das Ausmaß nuklearer Gewalt oder der Umfang des Nukleareinsatzes durch die Wahl militärischer Ziele anstelle von Städten begrenzt werden kann, wodurch der Einsatz von Atomwaffen*

[1]Bundy Mc George. The Future of Strategie Deterrence. Survival, November / Dezember 1979.

[2]Samuel, Ch. URL: https://www.marshallcenter.org/en/publications/security-insights/strategic-sderzhivanie-understanding-contemporary-russian-approaches-deterrence-0

[3]Militärenzyklopädie. URL: https://encyclopedia.mil.ru/encyclopedia/dictionary/details.htm?id=14206@morfDictionary

[4]Nye Joseph. URL: https://www.project-syndicate.org/commentary/is-nuclear-war-inevitable-by-joseph-s-nye-2022-09/german?barrier=accesspay

glaubwürdiger und sogar rechtlich vertretbar wird"[1]. Die Aussage in der US- Nuclear Posture Review von 2018 deutete erstmals in diese Richtung: „*Die Erweiterung flexibler US-Atomwaffenoptionen auf Optionen mit geringer Sprengkraft ist wichtig, um eine glaubwürdige Abschreckung gegen regionale Aggressionen aufrechtzuerhalten*"[2]. Zur Erhöhung angestrebter Glaubwürdigkeit von limitierten Nukleareinsätzen wurde daraufhin in der Trump-Administration eine Anzahl von SLBM-Sprengköpfen auf U-Booten mit einer geringeren Sprengkraft für erweiterte Fähigkeiten modifiziert (W76-2), „*mit denen auf nukleare oder nichtnukleare strategische Angriffe reagiert werden kann; um die Abschreckung zu verbessern, indem potenziellen Gegnern signalisiert wird, dass ihre begrenzte nukleare Eskalation keinen verwertbaren Vorteil bietet*"[3].

Der renommierte russische Militärexperte Aleksej Arbatow kritisiert radikal Akteure in den USA und in Russland, die eine Nuklearkriegs-Limitierung befürworten: „*Militärisch-industrielle Komplexe und nationalistische Fraktionen … die in den letzten Jahrzehnten von Rache für Zugeständnisse und reale oder imaginäre Verluste träumen, üben einen wachsenden Druck aus… Diese Prozesse wurden durch die militärische und politische Ideologie erleichtert… Eine davon (die man als ‚nuklearen Revanchismus' bezeichnen könnte) besteht darin, dass nach der massiven Reduzierung der Atomwaffen in den letzten dreißig Jahren ihr Einsatz keine weltweite Katastrophe mehr darstellen würde, sodass jetzt ein Atomkrieg geführt und gewonnen werden kann. Darüber hinaus wird behauptet, dass der begrenzte und selektive Einsatz von Atomwaffen durch integrierte Operationen mit konventionellen Streitkräften und innovative Technologien zu Sieg oder Erfolg führen kann, ohne dass es zu einem massiven nuklearen Schlagabtausch kommt*"[4].

Wer die Begrenzung des Atomkriegs verteufelt, öffnet unausgesprochen aber das Höllentor zu seiner Unbegrenztheit. Die Abschreckung steht und fällt mit der wechselseitigen Perzeption des glaubwürdigen Nukleareinsatzes. Der wiederum korrespondiert mit der Existenz eines großen Spektrums an möglichen Einsatzfähigkeiten. Je begrenzter / kontrollierter ihre Wirkmächtigkeiten sind, desto überzeugender sind die Androhungen damit. Nachdenken und auch technologische Innovationen für Nuklearkriegsbegrenzungen sind also nicht per se ein Plädoyer für auch das Anstreben seiner Inszenierung. Die Gefahr der verführerischen Versuchung ist gleichwohl gegeben. Den einzigen Ausweg bietet intensive Rüstungskontrolle. Die aber liegt derzeit im Eiskeller.

ESKALATION ZUR DE-ESKALATION

Hintergrund für diese Denkfigur waren seit 2014 Bewertungen in den USA über vermeintliche neue russische militärdoktrinäre Bestimmungen, bei einem drohenden Konflikt / Krieg frühzeitig angesichts einer drohenden militärischen Niederlage substrategische (also die USA nicht erreichbare) Nuklearwaffen einsetzen, um den USA / NATO die Kosten für eine ihrerseits antwortende nuklearen Eskalation aufzubürden. Mit der wahrscheinlichen Folge, dass das Bündnis zur Deeskalation gezwungen werde. Exponenten für das mutmaßliche russische Konzept der „Escalate to De-Escalate" waren Colby Elbridge[5] (2015) im Pentagon und sicherheitspolitisch fokussierte Politikwissenschaftler wie Matthew Kroenig[6] (2018). In der Tat wurde die Theorie erstmals in der Militärzeitschrift „Voennaja Mysl" (1999) unter dem Titel „O primenenii jadernogo oruzhija dlja deeskalacii voennych dejstvij / Über den Einsatz von Atomwaffen zur Deeskalation von Feindseligkeiten" diskutiert. In die Militärdoktrin von 2000 wurde diese Theorie aber nicht aufgenommen und auch nicht in die Neufassung von 2010. Spekulation jedoch über dort vielleicht geheime Bestimmungen nährte vor der Veröffentlichung der Sekretär des Sicherheitsrats Nikolai Patruschew mit seiner Interview-Aussage: „*Russlands neue Militärdoktrin wird eine größere Betonung auf Kernwaffen legen. Moskau wird in der Lage sein, Kernwaffen in kleineren Konflikten anzuwenden und präemptive Nuklearschläge auszuführen*"[7].

Sergej Brezkun von der Akademie für Militärwissenschaften formulierte dazu 2015: „*Es liegt auf der Hand, dass die Idee eines sofortigen massiven Vergeltungsschlags im Falle einer regionalen Abschreckung irrational ist … die charakteristische Zeit für die Anfangsphase regionaler Aggression beträgt mindestens einen Tag. Dementsprechend besteht… eine echte Chance, die Aggression zu deeskalieren und sie in der Anfangsphase (im Falle einer für Russland ungünstigen Entwicklung) durch den begrenzten Einsatz des nuklearen Faktors zu beseitigen. In der Anfangsphase sollte der Einsatz des Kernfaktors Demonstrationscharakter haben*

[1]Sethi, Manpreet. URL: https://capsindia.org/dissecting-the-idea-of-limited-nuclear-war/

[2]URL: https://media.defense.gov/2018/Feb/02/2001872886/-1/-1/1/2018-NUCLEARPOSTURE-REVIEW-FINAL-REPORT.PDF

[3]URL: https://www.documentcloud.org/documents/23205180-2022_national_defense_strategy_npr_mdr?responsive=1&title=1

[4]Arbatow, Alexej. URL: https://carnegiemoscow.org/commentary/80172

[5]Kroenig Matthew. URL: https://www.atlanticcouncil.org/wp-content/uploads/2018/04/Nuclear_Strategy_WEB.pdf

[6]Colby Elbridge. URL: https://www.cnas.org/publications/commentary/countering-russian-nuclear-strategy-in-central-europe

[7]RT.Moscow, 14.10.2009: Russia to broaden nuclear strike option

und keine katastrophalen Folgen haben. Dabei geht es nicht so sehr darum, ernsthafte rein militärische Erfolge zu erzielen, sondern vielmehr darum, die Entschlossenheit Russlands zu demonstrieren, Atomwaffen in immer größerem Umfang einzusetzen, wenn die Aggression gegen das Land anhält"[1].

Zahlreiche westliche Sicherheitsexperten bezweifeln jedoch eine solche doktrinäre Implementierung. Beispielhaft dazu: Olga Oliker, Andrey Baklitskiy (2018); Wolfgang Kubiczek (2020); Burkhard Meißner, Severin Pleyer (2022). Aber diese kritischen Stimmen können sich auch nur auf veröffentlichte Quellen stützen. Einen Zugang zu internen russischen Dokumenten verfügt keiner.

POLITISCHE DEKLARATORIK – POLITISCHE HANDLUNG

Bereits in den 1950er Jahren unterschied man in der US-nuklearen Strategieforschung und -analyse zwischen der „declaratory policy" mit dem Ziel politisch-psychologischer Wirkung von atomarer Abschreckung und der „action policy" als die reale einsatzdoktrinäre nukleare Militärstrategie [Nitze, 1956]. Beide Strategien waren nicht deckungsgleich. Die Deklaratorik der Zielkategorien variierte mit den Jahren, mit zeitweiligem Fokus auf die atomare Abschreckungsbedrohung von sowjetischen Bevölkerungszentren, dann wiederum mit Schwerpunkt auf selektive Militärschläge gegen militärische Einrichtungen in der UdSSR. Die tatsächliche geheime militärstrategische Zielplanung hingegen blieb relativ stabil. Erst in den 1970er Jahren offenbarten Forschungsergebnisse diese Differenz zwischen Deklaratorik und Fakten [Friedberg, 1980; Freedman, 1981]. 2015 veröffentlichte das US-National Security Archive etwa 800 Seiten Dokumente der geheimen nuklearen Zielplanung ihres Strategischen Luftkommandos (SAC) für das Jahr 1959. Die Listen, versehen mit Zahlencodes, umfassen mehr als 1.100 Flugplätze sowie Luftwaffenbasen und mehr als 1.200 Städte in der UdSSR und ganz Osteuropa. Allein für Moskau waren 179 Ziele vorgesehen und für das damalige Leningrad 145[2]. Durch die Öffnung von Archiven in Ostmitteleuropa nach 1991 wurden auch zahlreiche sowjetische Kriegsübungspläne während des Kalten Krieges bekannt, und diese sahen im Kriegsfall den sofortigen massiven Einsatz von Kernwaffen vor [Payne, 2001], im Unterschied zur stufenweisen Eskalation der Flexible Response bei der NATO. In der sowjetischen nuklearen Zielplanung für die damalige Bundesrepublik standen Städte und militärische Infrastruktur in den Koordinaten der 157. Bomberfliegerstaffel in Schutschin / Belarus, munitioniert mit 20–30 RDS-4 Atombomben[3]. Die Problematik declaratory policy und action policy bekommt gerade in der gegenwärtigen sicherheitspolitischen Lage in Europa erneut hohe Brisanz. Dazu das letzte folgende Kapitel.

RUSSLAND ALS PERZIPIERTE BEDROHUNG

In den nachfolgenden Ausführungen können mit Blick auf die Umfang-Limitierung des Artikels nur eingeschränkt deutsche Bedrohungswahrnehmungen gegenüber Russland thematisiert werden. In der politischen Publizistik wie auch in der politikwissenschaftlichen Forschung wird heute rückblickend weitgehend als „Kipppunkt" in Richtung Bedrohungsperzeption russischer Politik die Rede Putins auf der Münchner Sicherheitskonferenz 2007 markiert[4]. Dabei handelt es sich nunmehr im Kontext von Russlands Krieg gegen die Ukraine („Spezialoperation") jedoch um eine offensichtliche nachgelagerte Bewertung. Zwar kritisierte der damalige außenpolitische Sprecher der CDU / CSU Bundestagsfraktion, Eckart von Klaeden, die Ausführungen von Putin als „unverblümten Großmachtanspruch". Doch in allen Bundestagsparteien meldeten sich auch Stimmen mit einem gewissen Verständnis für Putins dort bekundeten russischen Bedrohungssorgen gegenüber US-Plänen zur Stationierung von Aegis-Ashore Systemen sowie MK-41 Vertical Launching zur Abwehr ballistischer Raketen in Polen und Rumänien. Und in der Politikwissenschaft gab es framing-Versuche, „Russlands Rückkehr als Machtfigur der europäischen und internationalen Politik"[5] mehr verständnisvoll als kritisch einzuordnen. Das damalige deutsche Russlandbild war mehrheitlich aber noch positiv konnotiert. So ermittelte das Meinungsforschungsinstitut forsa im Dezember 2007 in einer repräsentativen Befragung: „*Insgesamt schätzt eine Mehrheit von 56 Prozent der Bundesbürger die augenblicklichen Beziehungen zwischen beiden Ländern als gut oder sogar sehr gut ein". Und „78 Prozent der Deutschen (sind) der Meinung, dass die Zusammenarbeit mit Russland im Energiebereich dazu*

[1] Brezkun Sergej. URL: https://nvo.ng.ru/concepts/2015-11-27/1_stairway.html

[2] National Security Archive. URL: https://nsarchive2.gwu.edu/nukevault/ebb538-Cold-War-Nuclear-Target-List-Declassified-First-Ever/; URL: https://nsarchive2.gwu.edu/nukevault/ebb538-Cold-War-Nuclear-Target-List-Declassified-First-Ever/documents/1st%20city%20list%20complete.pdf

[3] Mitteldeutscher Rundfunk. URL: https://www.mdr.de/geschichte/ddr/kalter-krieg/russland-udssr-atombombe-bundesrepublik-100.html

[4] URL: http://www.ag-friedensforschung.de/themen/Sicherheitskonferenz/2007-putin-dt.html

[5] URL: https://www.fes.de/ipg/arc_07_d/03_07_d/pdf/10_Schulze_D.pdf

beitragen kann, auch die politischen Beziehungen der beiden Länder zu verbessern"[1].

FURCHT VOR RUSSISCHEM ATOMKRIEG

Im Januar 2022 veröffentlichten die Staats- und Regierungschefs der fünf offiziellen Nuklearstaaten eine gemeinsame Erklärung zur Abweisung der Atomkriegsführung des Atomkrieges: „*Da der Einsatz von Kernwaffen weitreichende Folgen hätte, bekräftigen wir zudem, dass Kernwaffen – solange diese existieren – der Verteidigung, der Abschreckung und der Kriegsvorbeugung dienen sollten*". Sie betonten des Weiteren, dass „*ein Atomkrieg nicht gewonnen werden könne und niemals geführt werden darf*"[2]. Im November gab Russland noch einmal eigenständig ein analoges amtliches Bekenntnis ab: „*In seiner nuklearen Abschreckungspolitik folgt Russland rigoros und konsequent dem Gebot der Unzulässigkeit des Atomkrieges, der nicht gewonnen werden kann und niemals entfesselt werden darf*"[3].

Dennoch beurteilten im Oktober 2022 repräsentativ 86 Prozent der Deutschen Russland als „*Bedrohung der Sicherheit in der Welt*"[4]. Und 46 Prozent äußerten eine Atomfurcht[5]. Zum einen befand sich der Angriff gegen die Ukraine („Spezialoperation") zu dem Zeitpunkt bereits im achten Monat. Insbesondere aber verantworteten die Bedrohungsperzeptionen, ungeachtet der zweimaligen von Russland hervorgehobenen Beteuerungen, dass ein Atomkrieg nicht geführt werden könne, dennoch immer wieder gegenteilige Nuklearkriegs-Andeutungen bis hin zu expliziten Nuklear-Drohungen durch russische Talkshow-Journalisten, Wissenschaftler und auch hochrangige Politiker.

Ein solches Brinkmanship von russischer declaratory policy veranlasste zahlreiche Mitglieder des russischen Rates für Außen- und Verteidigungspolitik zu einer scharfen öffentlichen Verurteilung von „*Reden und Erklärungen… in denen… die Idee eines präventiven Atomschlags Russlands für den Fall einer negativen Entwicklung der militärischen Operationen in der Ukraine und ihren Nachbargebieten verbreitet wurde. Darüber hinaus beschränken sich die Autoren nicht auf die Phantasie über den Einsatz taktischer Atomwaffen auf dem Territorium der Ukraine, sondern schlagen auch vor, die wichtigsten NATO-Länder anzugreifen… Zu hoffen, dass ein begrenzter Nuklearkonflikt beherrscht werden kann und sich nicht zu einem globalen Atomkrieg ausweitet, ist der Gipfel der Verantwortungslosigkeit… Es ist unzulässig, in der Gesellschaft durch pseudotheoretische Argumente und emotionale Äußerungen im Stil der so genannten ‚Talkshows' solche Stimmungen zu erzeugen, die zu katastrophalen Entscheidungen drängen könnten… Niemand sollte die Menschheit jemals mit der Drohung erpressen, Atomwaffen einzusetzen, geschweige denn den Befehl geben, sie militärisch einzusetzen*"[6].

Für exemplarisch in westlichen Gesellschaften (insbesondere in Deutschland) hervorrufende Bedrohungsperzeptionen stehen hochrangige Politiker-Aussagen, wie die des Vizevorsitzenden des russischen Sicherheitsrates, Dimitry Medvedev, vom Juli 2023: „*Stellen Sie sich vor, die Offensive… im Tandem mit der NATO hätte Erfolg und würde dazu führen, dass uns ein Teil unseres Landes genommen wird. Dann müssten wir aufgrund der Bestimmungen des russischen Präsidialdekrets Atomwaffen einsetzen… Es gäbe einfach keine andere Lösung… Unsere Feinde sollten zu unseren Kämpfern beten, dass sie die Welt nicht in nuklearen Flammen aufgehen lassen*"[7].

Hierbei bezog er sich offensichtlich implizit auf das Präsidenten-Dekret 355 vom Juni 2020 zum Nukleareinsatz. Demnach erfolgt dieser auch bei einer „*Aggression gegen die Russische Föderation mit konventionellen Waffen, wenn die Existenz des Staates selbst bedroht ist*"[8]. Zum russischen Staatsgebiet wurden am 30.9.2022 nach westlichem Verständnis völkerrechtswidrig die ukrainischen Oblaste Cherson, Donezk, Luhansk und Saporischschja bestimmt. Aber selbst eine Rückeroberung dieser vier Bezirke durch westliche militärische Unterstützungen der Ukraine wäre noch keine existenzielle Gefährdung der russischen Staatlichkeit. Aber Moskau definiert eben selber, was es als bedrohliche existentielle Aggression bewertet.

Politikwissenschaftler verstehen den primären politischen Zweck der Aussage des russischen Staatschefs vom März 2024: „*Russland sei aus militärisch-technischer Sicht bereit für einen Atomkrieg. Waffen existieren, um sie einzusetzen. Allerdings denke er nicht, dass man auf eine nukleare Konfrontation zurase*"[9]. Es ist die nüchterne Darlegung

[1] forsa Umfrage. URL: https://cdn.lifepr.de/a/527f79e5d0469a85/attachments/0027442.attachment/filename/PI_forsa_Unsere_Russen_de.pdf

[2] URL: http://dusseldorf.china-consulate.gov.cn/det/zgyw/202201/t20220104_10478865.htm

[3] Erklärung der Russischen Föderation. URL: https://germany.mid.ru/de/aktuelles/pressemitteilungen/erkl_rung_der_russischen_f_deration_zur_verh_tung_des_atomkrieges/

[4] URL: https://www.infratest-dimap.de/umfragen-analysen/bundesweit/umfragen/aktuell/russland-bild-der-deutschen/

[5] Civey Umfrage. URL: https://civey.com/umfragen/20953/sorgen-sie-sich-dass-es-zu-einem-atomkrieg-kommen-konnte

[6] URL: https://svop.ru/main/48156/

[7] URL: https://edition.cnn.com/2023/07/31/europe/medvedev-russia-nuclear-weapons-intl-hnk/index.html

[8] Dekret 355. URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/45562

[9] Transkript. URL: https://www.youtube.com/watch?v=lWZr8O15Zy0

der „standby“ Funktionsfähigkeit der eigenen Abschreckung, die sich an zwei Zielgruppen richtet. 1. An die drei Nuklearmächte der NATO. Für diese stellt die Äußerung aber keine neue Erkenntnis dar, auch ihre Abschreckungssysteme werden einsatzbereit gehalten. Ein solches „wording“ der Verkündung der „Bereitschaft zum Nuklearkrieg“ würden ihre Staats- und Regierungschefs aber niemals öffentlich abgeben. Deshalb vermutet man in der westlichen Politikwissenschaft: Solche Sätze lösen intendierte oder zumindest in Kauf nehmende Bedrohungsperzeption insbesondere der deutschen Öffentlichkeit aus. So sorgen sich 46 Prozent der Bürger vor einem russischen Angriff auf ihr Land[1].

[1]INSA Umfrage, https://www.bild.de/politik/inland/politik-inland/fast-40-prozent-legen-vorraete-an-jeder-zweite-deutsche-fuerchtet-putin-angriff-86953702.bild.html

BIBLIOGRAPHIE

1. Kimminich O., Hobe St. Einführung in das Völkerrecht. Tübingen : Basel, 2004.
2. Epping V. Die Entwicklung und Bedeutung des Kriegsbegriffs für das Völkerrecht // Humanitäres Völkerrecht – Informationsschriften. 1991. Heft 3, S. 99–106.
3. Kaldor M. Neue und alte Kriege. Organisierte Gewalt im Zeitalter der Globalisierung. Frankfurt/M., 2000.
4. Münkler H. Die neuen Kriege. Reinbek, 2002.
5. Daase Ch. Kleine Kriege – Große Wirkung. Wie unkonventionelle Kriegführung die internationale Politik verändert. Baden-Baden, 1999.
6. Schröfl J., Pankratz Th. Asymmetrische Kriegsführung – ein neues Phänomen der internationalen Politik? Baden-Baden, 2004.
7. Schlichte K., Gewinner und Verlierer: Zu den Folgen von Bürgerkriegsökonomien // Medico international / Hg., Zur Ökonomie der „neuen“ Kriege: Ungeheuer ist nur das Normale, Medico-Report 24. Frankfurt/M., 2002.
8. Cooper R. The Breaking of Nations. Order and Chaos in the Twenty-First Century. London, 2003. S. 26–37.
9. Geis A., Wagner W. Politische Vierteljahresschrift. 2006. Heft 2. S. 276–309.
10. Mearsheimer J. J. Back to the Future: Instability in Europe after the Cold War // International Security. 1990. # 15. S. 5–56.
11. Linn G., Lapins W. Die Bedrohung. Bonn, 1985.
12. Kaufmann F.-X. Sicherheit als soziologisches und sicherheitspolitisches Problem. Stuttgart, 1973.
13. Frei D., Gaupp P. Das Konzept „Sicherheit“ – Theoretische Aspekte / Klaus-D. Schwarz (Hg.) // Sicherheitspolitik. Bad Honnef-Erpel, 1978.
14. Mazarr M. J. Understanding Deterrence // RAND Corporation. PE-295-RC, 2018.
15. Snyder G. H. Deterrence and Power // Journal of Conflict Resolution. 1960. Vol. 4. # 2. S. 163–178.
16. Czempiel E.-O. Friedensstrategien. Systemwandel durch Internationale Organisationen, Demokratisierung und Wirtschaft / Paderborn u.a. 1986.
17. Morgenthau H. Vier Paradoxien der Nuklearstrategie / Senghaas Dieter (Hg.) // Zur Pathologie des Rüstungswettlaufs. Beiträge zur Friedens- und Konfliktforschung. Freiburg 1970.
18. Nitze P. H., Atoms, Strategy and Policy // Foreign Affairs. Januar, 1956.
19. Friedberg A. L. A History of the U.S. Strategy, Doctrine – 1945 to 1980 // Journal of Strategy Studies. Dezember. 1980. S. 37–71.
20. Freedman L. The Evolution of Nuclear Strategy. New York, 1981.
21. Payne K. B. The Fallacies of Cold War Deterrence and a New Direction. Lexington: University of Kentucky Press, 2001.

REFERENCES

1. Kimminich, O., Hobe, St. (2004). Einführung in das Völkerrecht. Tübingen : Basel.
2. Epping, V. (1991). Die Entwicklung und Bedeutung des Kriegsbegriffs für das Völkerrecht. Humanitäres Völkerrecht – Informationsschriften, 3, 99–106.
3. Kaldor, M. (2000). Neue und alte Kriege. Organisierte Gewalt im Zeitalter der Globalisierung. Frankfurt/M.
4. Münkler, H. (2002). Die neuen Kriege. Reinbek.

5. Daase, Ch. (1999). Kleine Kriege – Große Wirkung. Wie unkonventionelle Kriegführung die internationale Politik verändert. Baden-Baden.
6. Schröfl, J., Pankratz, Th. (2004). Asymmetrische Kriegsführung – ein neues Phänomen der internationalen Politik? Baden-Baden.
7. Schlichte, K. (2002). Gewinner und Verlierer: Zu den Folgen von Bürgerkriegsökonomien. Medico international / Hg., Zur Ökonomie der „neuen" Kriege: Ungeheuer ist nur das Normale, Medico-Report 24. Frankfurt/M.
8. Cooper, R. (2003). The Breaking of Nations. Order and Chaos in the Twenty-First Century (pp. 26–37). London.
9. Geis, A., Wagner, W. (2006). Politische Vierteljahresschrift, 2, 276–309.
10. Mearsheimer, J. J. (1990). Back to the Future: Instability in Europe after the Cold War. International Security, 15, 5–56.
11. Linn, G., Lapins, W. (1985). Die Bedrohung. Bonn.
12. Kaufmann, F.-X. (1973). Sicherheit als soziologisches und sicherheitspolitisches Problem. Stuttgart.
13. Frei, D., Gaupp, P. (1978). Das Konzept „Sicherheit" – Theoretische Aspekte / Klaus-D., Schwarz (Hg.) Sicherheitspolitik. Bad Honnef-Erpel.
14. Mazarr, M. J. (2018). Understanding Deterrence. RAND Corporation. PE-295-RC.
15. Snyder, G. H. (1960). Deterrence and Power. Journal of Conflict Resolution, 4(2), 163–178.
16. Czempiel, E.-O. (1986). Friedensstrategien. Systemwandel durch Internationale Organisationen, Demokratisierung und Wirtschaft / Paderborn u.a.
17. Morgenthau, H. Vier Paradoxien der Nuklearstrategie / Senghaas Dieter (Hg.) // Zur Pathologie des Rüstungswettlaufs. Beiträge zur Friedens- und Konfliktforschung. Freiburg 1970.
18. Nitze, P. H. (1956). Atoms, Strategy and Policy. Foreign Affairs.
19. Friedberg, A. L. (1980). A History of the U. S. Strategy, Doctrine – 1945 to 1980 (pp. 37–71). Journal of Strategy Studies.
20. Freedman, L. (1981). The Evolution of Nuclear Strategy. New York.
21. Payne, K. B. (2001). The Fallacies of Cold War Deterrence and a New Direction. Lexington: University of Kentucky Press.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Лапинс Вульф

доктор политических наук
старший научный сотрудник
Института международных отношений WeltTrends, Потсдам, Германия

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Lapins Wulf

Doctor of Political Sciences (Dr. habil), Professor
Senior Research Fellow of the WeltTrends
Institute for International Relations in Potsdam, Germany

INFORMATIONEN ZUM AUTOR

Lapins Wolf

Doktor der Politikwissenschaft
Senior Researcher
WeltTrends Institut für Internationale Beziehungen, Potsdam, Deutschland

Статья поступила в редакцию	20.02.2024	The article was submitted
одобрена после рецензирования	20.03.2024	approved after reviewing
принята к публикации	25.03.2024	accepted for publication

Научная статья
УДК 327

Новые тенденции внешней политики Демократической Республики Конго: ориентир на восточных партнеров

Даниел Тотх

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
19tohdani95@gmail.com

Аннотация. В статье предпринята попытка анализа политической ситуации в Демократической Республике Конго на современном этапе. Основой для написания статьи послужили президентские выборы, которые, несомненно, приведут к новой расстановке сил в стране, их перегруппировке и, возможно, появлению новых платформ и других структур. Делается вывод о том, что власти Демократической Республики Конго направят свои усилия на развитие отношений скорее с восточными, нежели западными партнерами, чтобы «уйти» от неоколониалистских притязаний бывшей метрополии и по-новому выстраивать свои отношения с мировым сообществом.

Ключевые слова: Африка, Демократическая Республика Конго, президентские выборы, Феликс Чисекеди, Дени Муквеге, Мартен Файюла, Моиз Катумби

Для цитирования: Тотх Д. Новые тенденции внешней политики ДР Конго: ориентир на восточных партнеров // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2024. Вып. 2 (855). С. 33–38.

Original article

New Tendencies in the Foreign Policy of the Republic of the Congo: Focus on Eastern Partners

Daniel Toth

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
19tohdani95@gmail.com

Abstract. In the article attempts to analyze the actual political situation in the Republic of the Congo. The basis for writing the article was the presidential elections that will undoubtedly lead to a new balance of power in the country, its regrouping and, possibly, the emergence of new platforms and other structures. The author concludes that the authorities of the Republic of the Congo will direct their efforts to developing relations with eastern rather than western partners to "escape" the neocolonialist claims of the former metropolis and build their relations with the world community in a new way.

Keywords: Africa, Democratic Republic of the Congo, presidential elections, Felix Chisekedi, Denis Mukwege, Martin Fayula, Moisa Katumbi

For citation: Toth, D. (2024). New tendencies in the foreign policy of the Republic of the Congo: focus on eastern partners. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Social Sciences, 2(855), 33–38.

ВВЕДЕНИЕ

Политическая ситуация в Демократической Республике Конго (*далее* ДР Конго), одной из самых крупных по площади и населению (более 100 млн человек) стран в Африке, остается по-прежнему сложной, противоречивой и нестабильной, несмотря на проведение в декабре 2023 года очередных президентских выборов [Евдокимов, Сидорова, 2013]. Об этом свидетельствуют массовые перемещения населения как внутри страны, так и за ее пределы из-за насильственных действий со стороны вооруженных группировок на востоке страны. Именно в этой части страны длительное время не смолкают выстрелы, а гражданское население вынуждено искать более спокойные места для жизни[1]. Главная проблема – неэффективность центральной власти в восточных регионах, где сосредоточены ценнейшие стратегические полезные ископаемые, включая редкоземельные – колтан, кобальт, вольфрам и др. Создается противоречивая ситуация, когда страна обладает богатейшими природными ресурсами, а местное население остается за чертой бедности [Сидорова, 2022].

Политическая ситуация в Конго является «барометром» ситуации во всей Центральной Африке. Приграничные государства, включая Руанду, Уганду и Бурунди, неразрывно связаны с Конго в политическом и экономическом плане. Между ними остается много нерешенных проблем, таких как трансграничное перемещение населения и боевиков различных мастей, незаконная эксплуатация ресурсов Конго и их вывоз за границу [Сидорова, 2019].

В статье дается краткая характеристика политической обстановки в ДР Конго. При этом сделан акцент на недавно прошедшие президентские выборы. При анализе была использована информация МИД России, статистические данные международных организаций, исследования отечественных и зарубежных авторов.

ОСОБЕННОСТИ ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА ДР КОНГО

Политическую жизнь ДР Конго определяют крупные политические партии и их объединения. Среди них наиболее влиятельные – «Конголезская партия труда», «Панафриканский союз за социал-демократию», «Союз демократов–гуманистов–Юки», «Движение действия и обновления» – представляют большинство мест в Национальном собрании. Каждая из них имеет давнюю историю, связанную с обретением независимости. На протяжении долгих лет (1967–1990) в стране была одна правящая партия, что позволило добиться относительной политической стабильности, однако к концу правления Мобуту в 1997 году (правил страной 32 года) ситуация поменялась коренным образом. С 2001 года начала возрастать роль оппозиционного движения при поддержке популистских слоев населения. Особенность этого движения заключается в том, что конголезские оппозиционеры не были объединены в единый блок. У каждой оппозиционной партии существует своя политическая программа, что вызывает сложности у электората в предвыборную кампанию. В основной массе население страны не обладает политической грамотностью и, как следствие этого, подвержено манипуляциям со стороны влиятельных сил, которые лоббируют свои интересы, выдвигая соответствующих кандидатов в президенты. Выборы 2023 года наглядно это показали.

КОНТЕКСТ ПРЕДЫДУЩЕГО ИЗБРАНИЯ ФЕЛИКСА ЧИСЕКЕДИ

На протяжении пяти лет власть в Республике принадлежала оппозиционеру Феликсу Чисекеди. В начале срока лидер страны отличался прозападными симпатиями, однако позднее он «развернулся» в сторону восточных партнеров. На этапе прежней предвыборной гонки он высказывал обещание «превратить Конго в Германию африканского континента», но на деле оказался неспособным решить практически непрекращающиеся конфликты на востоке страны[2].

Необходимо отметить, что сам процесс избрания национального лидера был необычным, поскольку в отличие от прежнего главы государства его нельзя было назвать медийной личностью, особенно на фоне его отца оппозиционера Этьена Чисекеди, основателя «Союза за демократию и социальный прогресс». За свою политическую карьеру ему удалось обрести народную любовь и недолгий период (из-за кончины) пользоваться полномочиями премьер-министра республики [Braeckman, 2012]. Как впоследствии и его сын, в 2011 году Э. Чисекеди претендовал на пост президента, однако по официальной версии Центризбиркома уступил повторно избранному Жозефу Кабиле, который в дальнейшем отменил новые выборы в Республике «по техническим причинам».

[1]Оппозиция требует аннулировать результаты президентских выборов в ДР Конго https://afrinz.ru/2023/12/oppozicziya-trebuet-annulirovat-rezultaty-prezidentskih-vyborov-v-dr-kongo/

[2]Выборы в Африке: Конго выбирает президента. URL: https://aussiedlerbote.de/o-redakcii/

В 2018 году конкуренцию наследнику Э. Чисекеди составил М. Файюлу, лидер партии «Динамика конголезской политической оппозиции», официально занявший второе место на выборах. Тогда он объявил результаты несправедливыми, аргументируя свою позицию следующим: передачу власти прежнего президента Конго новому курировал отец Ф. Чисекеди, исходя из этого данный процесс можно назвать формальной сменой лидерства, не способствующей существенным изменениям во внутренней политике страны[1].

Несмотря на своеобразную «преемственность» власти, Ф. Чисекеди первые годы после избрания пришлось бороться с пережитками руководства прежнего политика, который не только сохранил за собой пожизненное место в парламенте, но и оставил после себя правительство более чем наполовину состоящее из его сторонников. Будучи неспособным к жестким действиям, Ф. Чисекеди начал создавать параллельную администрацию среди своих сторонников, что привело к неоднозначной ситуации, когда в стране функционировало сразу несколько политических институтов с разным ви́дением развития государства. Ситуацию осложняло и то, что Ф. Чисекеди, увлеченный борьбой с «наследием Кабилы», вовремя не заметил раскола в своей фракции, что в конечном итоге воплотилось в громкий арест в 2020 году главы президентской администрации В. Камере[2].

Урегулировать внутриполитические противоречия удалось лишь в 2021 году, спустя три года после завершения президентских выборов, когда посредством ухудшения социально-экономического положения в Конго властям удалось сформировать новое правительство. Несмотря на видимое затишье в парламенте, по-прежнему отдельным блоком оставалась проблема вооруженных конфликтов на востоке страны, где возобновила свою деятельность вооруженная группировка «Движение 23 марта», выступавшая за включение ее участников в силовой блок Республики.

Таким образом, к новым выборам Ф. Чисекеди удалось завершить лишь несколько социально-экономических реформ, таких как восстановление отношений с Международным валютным фондом, отмена платы за начальное образование и первичную госпитализацию, а также ряд изменений в горнодобывающей промышленности, составляющей основу экономики Конго. Здесь необходимо сделать акцент на том, что все указанные нововведения долгое время являлись лишь проектами решений, поэтому заслуга Чисекеди состоит не столько в инициировании и подготовке реформ, сколько в создании условий для их реализации.

КОНКУРЕНТЫ НА ПОСТ ПРЕЗИДЕНТА КОНГО В 2023 ГОДУ

В новых выборах действующий президент Конго заручился поддержкой «Священного союза нации», представляющего собой коалицию во главе с партией «Союз за демократию и социальный прогресс». Примечательно, что обеспечивать поддержку партии на востоке страны взялся амнистированный Виталь Камере, что в некоторой степени свидетельствует о нестабильности настроений государственного аппарата.

Новыми оппонентами Ф. Чисекеди на выборах 2023 года стали Д. Муквеге, М. Файюлу и М. Катумби. Определенные шансы на победу в самом начале избирательной кампании имел лауреат Нобелевской премии Дени Муквеге, врач, родом из восточных провинций Конго, лично принимавший участие в ликвидации последствий боевых действий[3]. Он возглавляет Центр реабилитации жертв сексуального насилия. Однако Муквеге так и не удалось обрести поддержку со стороны популярных оппозиционных партий. Главная причина состоит в том, что поскольку жители восточных территорий Конго (в том числе переехавшие на запад) не были включены в списки избирателей, он не сумел воспользоваться поддержкой лояльного к нему электората. М. Файюлу – лидер партии «Силы за изменение», который в 2013 году инициировал обращение к Генеральному секретарю ООН Пан Ги Муну, в котором содержалась просьба оказать содействие конголезцам в «назначении сильного лидера» для проведения в его стране «открытого диалога между всеми партиями»[4].

М. Катумби долгое время был губернатором провинции Катанга. На выборах 2018 года представлял лагерь Ф. Чисекеди, однако, обретя всестороннюю поддержку из числа жителей Катанги, в развитие инфраструктуры которой он вложил немало финансов, перешел в стан оппозиции.

Примечательно, что по поводу условий проведения выборов многие международные эксперты, в том числе представитель аналитического центра International Crisis Group (ICG) Р. Монкрифф,

[1]Руандийский контекст выборов в Конго. URL: https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/ruandiyskiy-kontekst-vyborov-v-kongo/

[2]République Démocratique du Congo. Population en 2024. URL: https://countrymeters.info/fr/Democratic_Republic_of_the_Congo

[3]Malumba P. L'opposition politique depose un memo a Ban Ki-moon // Le Potentiel. Kinshasa. 24.05.2013.

[4]Moncrieff. R. The creadilibity of the elections [in the DRC] has been severely damaged and the opposition may contest non only the outcome but the entire process. 20 dec 2023. URL: https://www.crisisgroup.org/who-we-are/people/richard-moncrieff

высказывались с опаской, подчеркивая невозможность проведения честных демократических выборов в стране, не способной организовать централизованный доступ граждан к избирательным участкам и обеспечить их безопасность[1].

Сами кандидаты и их официальные представители во время предвыборной кампании утверждали, что основная проблема, стоящая перед ДР Конго, заключается в том, что на данный момент оппозиционные лидеры не готовы выступать единым фронтом, тогда как, договорившись о выдвижении единой кандидатуры, они могли бы обеспечить себе в несколько раз больше голосов от избирателей.

В отличие от Ф. Чисекеди, намеревающегося продолжить прежнюю политику, кандидаты от оппозиции, заручившись поддержкой ряда религиозных организаций в стране, обещали людям восстановить экономику государства, а также сделать всё возможное для обеспечения политической стабильности и безопасности в регионе. Однако способы достижения данной цели у каждого из баллотирующихся в президенты были кардинально разными. Уже на этапе предвыборной гонки становилось понятным, что им не удастся выйти в лидеры.

РЕЗУЛЬТАТЫ ВЫБОРОВ 2023 ГОДА И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

Победа Ф. Чисекеди объясняется тем, что среди прочих кандидатов он является наиболее знакомым для электората, соответственно, находясь в состоянии неопределенности в плане вооруженных действий, ему проще вновь довериться тому лидеру, следующие шаги которого являются более предсказуемыми. Повторному избранию Ф. Чисекеди способствовали и некоторые позитивные результаты, достигнутые им в ходе его предшествующего президентства. Так, с территорий ДР Конго были выведены миротворческие войска Восточноафриканского сообщества, а также приостановлена деятельность миссии ООН, на протяжении длительного промежутка времени так и не сумевшей загасить конфликт [Африка: региональные проблемы безопасности, 2022].

Тем не менее не все участники избирательной кампании остались удовлетворенными результатами выборов. Например, проигравшие президентскую гонку кандидаты заявили о том, что избирательный процесс был плохо организован. В восточных территориях, где продолжали действовать боевики группировки М23, граждане не смогли принять участия в голосовании, машины для подсчета голосов выходили из строя, а сами выборы были продлены на один день (в некоторых провинциях и на несколько дней), что могло быть использовано избранным президентом как пространство для маневров[2].

Неодобрительно по поводу условий проведения выборов в Конго высказывались и международные наблюдатели. Например, наблюдатели от Центр Картера в США при посещении нескольких избирательных участков заметили там серьезные нарушения, а представители Европейского Союза и вовсе воздержались от исполнения своей миссии по наблюдению за проведением избирательного процесса в стране из-за соображений собственной безопасности.

Необходимо отметить, что, несмотря на официальную победу Ф. Чисекеди, у него по-прежнему остаются два неформальных, но сильных конкурента – М. Файюлу и М. Катумби. Причем каждый из них обладает рядом преимуществ, которые могут способствовать их будущему избранию на пост президента. Так, М. Файюлу пользуется лояльностью религиозных деятелей. К тому же, не впервые принимает участие в избирательной кампании; дважды по ее завершению он оспаривал результаты в конституционном суде Республики.

М. Катумби привлекает местное население тем, что на практике показал способность решить экономические проблемы в регионе, что позитивно отразилось на качестве жизни жителей провинции Катанга во времена его губернаторства. Улучшение имиджа Катумби среди потенциального электората не могло не вызвать обеспокоенность официальной власти, рассматривающей различные способы устранения Катумби из числа предполагаемых кандидатов. Так, в 2021 году лояльные к Чисекеди законодатели предложили проект, согласно которому занимать пост главы государства может лишь тот кандидат, оба родителя которого являются конголезцами. Такое решение можно назвать нечестным ходом по отношению к личности Катумби, происходящего из семьи сефардского еврея[3], а также боязнью официальной власти вступить в открытое противостояние с оппозицией.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Выборы в Конго 2023 года в некотором смысле можно назвать «выборами без альтернатив»,

[1]URL: https://www.crisisgroup.org/who-we-are/people/richard-moncrieff

[2]Проигравший выборы в Конго кандидат объявил себя президентом страны. URL: https://www.rbc.ru/politics/20/01/2019/5c43d4229a79473b947f90e6

[3]Сефа́рды (сефа́рдские евре́и) (ивр. סְפָרַדִּים сфаради́м, сеф. Sefaradim, sefaradis от топонима סְפָרַד Сфарад, отождествляемого с Испанией) — субэтническая группа евреев, сформировавшаяся на Пиренейском полуострове из потоков миграции иудеев внутри Римской империи, а затем внутри Халифата.

поскольку в ситуации, когда страна находится в состоянии локальных войн, любая попытка организовать справедливые выборы выглядит неубедительно, как и обещания кандидатов прекратить конфликт. Кроме того, конголезцы уже имеют опыт легитимной смены власти, когда для того, чтобы добиться изменений, новому президенту понадобилось полностью перестроить управленческий аппарат. Соответственно, поддержку избирателей действующего главы государства можно объяснить не столько его высоким рейтингом или положительным имиджем, сколько желанием общества закрепиться на нынешних позициях и довести до конца те реформы, которые долгое время находились на стадии обсуждения.

Как следует из ряда аналитических статей на тему выборов в Конго, на данный момент эксперты не готовы выразить четкую позицию по отношению к объявленным результатам. Непоследовательность Ф. Чисекеди, постоянно лавирующего между Западом и Востоком, сказывается на меняющихся ценах на энергоресурсы. Изменение их стоимости напрямую отражается на населении страны, которое в результате очередного «экономического передела» могло бы утратить то минимальное качество жизни, которого удалось достичь вновь избранному президенту за прежний срок пребывания у власти.

Во время инаугурации Ф. Чисекеди выразил готовность продолжить начатые социально-экономические реформы, среди которых наиболее важным шагом он считает обеспечение населения возможностью для трудоустройства. При анализе сегодняшней ситуации становится очевидным, что в ближайшей перспективе лидеру страны придется столкнуться с серьезной проблемой: выбором внешних партнеров, которые реально могли бы способствовать социальному и экономическому росту страны, а также стабилизировать обстановку в ее восточных провинциях.

В ситуации «перезагрузки» отношений ДР Конго с внешними партнерами сможет ли Россия занять свою нишу в этой богатейшей стране? Хотелось бы надеяться на расширение взаимодействия с этой африканской страной, поскольку для их развития у нас имеются хорошие исторические связи и африканцы, в целом, рассматривают Россию как проверенного временем партнера[1].

[1]Скончался лидер оппозиции ДРК, начинавший ещё при Мобуту. URL: https://ru.euronews.com/2017/02/01/dr-congo-veteran-opposition-leader-etienne-tshisekedi-dies-aged-84

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Евдокимов И. Д., Сидорова Г. М. «Восточный кризис» в Демократической Республике Конго и проблема его урегулирования // Международная жизнь. 2013. № 11. С. 53-65.
2. Сидорова Г. М. Африка южнее Сахары: движение к стабильности. М.: Проспект, 2022.
3. Сидорова Г. М. Африканский вектор российской дипломатии // Дипломатическая служба. 2019. № 1. С. 63-69.
4. Braeckman C. L'homme qui repare les femmes. Bruxelles: GRIP, 2012.
5. Африка: региональные проблемы безопасности: монография / М. Г. Троянский, О. Г. Карпович, Г. М. Сидорова, Р. Н. Шангараев. М.: Дипломатическая академия МИД России, 2022.

REFERENCES

1. Evdokimov, I. D., Sidorova, G. M. (2013). Eastern crisis in the Democratic Republic of the Congo and the problem of its resolution. International Affairs, 11, 53-65. (In Russ.)
2. Sidorova, G. M. (2022). Sub-Saharan Africa: moving towards stability = Afrika juzhnee Sahary: dvizhenie k stabil'nosti. Moscow: Prospect. (In Russ.)
3. Sidorova, G. M. (2019). African vector of Russian diplomacy. Diplomatic Service, 1, 63-69 (In Russ.)
4. Braeckman C. (2012). L'homme qui repare les femmes Bruxelles: GRIP.
5. Troyanskij, M. G., Karpovich, O. G., Sidorova, G. M., Shangaraev, R. N. (2022). Africa: regional security issues. Monograft. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Тотх Даниел

соискатель кафедры политологии
Института международных отношений и социально-политических наук
Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Toth Daniel

PhD Student at the Department of Political Science
Institute of International Relations and Social and Political Sciences
Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию	11.02.2024	The article was submitted
одобрена после рецензирования	02.04.2024	approved after reviewing
принята к публикации	04.04.2024	accepted for publication

Научная статья
УДК 321.1

Факторы конфликтогенности этнополитического процесса в России XXI столетия

Д. Л. Цыбаков

Академия гражданской защиты МЧС России им. генерал-лейтенанта Д. И. Михайлика, Москва, Россия
d413839@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматривается проблема развития этнополитического процесса в современной России. Выявляются предпосылки конфликтности сферы межнациональных отношений в Российской Федерации, которые связываются с влиянием глобализационных процессов и специфическими условиями институционализации этнических элит в качестве субъектов политической коммуникации. Делается вывод о необходимости пересмотра устоявшихся подходов к реализации государственной национальной политики в современной Российской Федерации.

Ключевые слова: конфликтогенность, нация, национализм, национальная политика, этнополитический процесс, этнос

Для цитирования: Цыбаков Д. Л. Факторы конфликтогенности этнополитического процесса в России XXI столетия // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2024. Вып. 2 (855). С. 39–46.

Original article

Factors of Conflictogenicity of the Ethnopolitical Process in Russia of the 21st Century

Dmitry L.Tsybakov

Civil Defence Academy Emerco of Russia, Moscow, Russia
d413839@yandex.ru

Abstract. The article deals with the problem of the development of the ethnopolitical process in modern Russia. The prerequisites for conflict in the sphere of interethnic relations in the Russian Federation are identified, which are associated with the influence of globalization processes and specific conditions for the institutionalization of ethnic elites as subjects of political communication. It is concluded that there is a need to review established approaches to the implementation of state national policy in the modern Russian Federation.

Keywords: conflictogenicity, nation, nationalism, national politics, ethnopolitical process, ethnos

For citation: Tsybakov, D. L. (2024) Factors of conflictogenicity of the ethnopolitical process in Russia of the 21st century. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Social Sciences, 2(855), 39–46.

ВВЕДЕНИЕ

Развитие этнополитического процесса в современной России продолжает оставаться противоречивым и многовекторным феноменом. Одной из причин трансформаций этнополитической палитры постсоветской России выступают глобализационные процессы. Несмотря на отчетливо выраженный вектор на унификацию социокультурного пространства и стирание национальных идентичностей, продиктованную глобализацией, практически во всех современных государствах отмечается обратная реакция на отмеченные тенденции. Актуализация и политизация этничности отмечаются представителями научного сообщества современной России, согласно чему прогнозируется невозможность в обозримой перспективе принципиального вытеснения или замещения этничности как политического фактора социальной действительности [Тишков, 2016]. Продолжается и осмысление понятийного аппарата [Белозёров, 2019].

В исследовании были применены исторический, сравнительный и системный методы. На основе исторического метода рассматривалась хронология развития межнациональной конфликтогенности в Российской Федерации и странах ближнего зарубежья в 1990–2020 годах. Сравнительный метод позволил сопоставить разные этапы этнополитического процесса и проанализировать основные концептуальные подходы к объяснению содержания и специфики. Системный метод – уточнил место этнополитических отношений в структуре политического процесса постсоветской и современной России.

Для российских условий значение национального сегмента политических отношений на протяжении всего постсоветского периода оставалось крайне высоким и имеет тенденцию к актуализации в 2020-е годы. За прошедшее после распада Советского Союза и суверенизации бывших союзных республик время этнополитические процессы не приобретали однозначно позитивный или негативный, а носили скорее волнообразный характер.

Противоречивость проявлений этнического фактора выражалась в своеобразных колебаниях градуса межнациональных отношений в российском социуме и политическом процессе: периоды напряженности чередовались с временами достаточно стабильной и бесконфликтной этноконфессиональной коммуникации.

Доказательствами отмеченного тезиса могут быть названы и последствия «парада суверенитетов» начала 1990 годов, и нарастание этнического экстремизма на рубеже XX–XXI столетий, и трагедия этнополитического конфликта в Чечне и на Северном Кавказе. В указанный период в большинстве национально-территориальных образований утвердились и существуют в той или иной форме правящие этнократии, монополизирующие представительство интересов так называемых титульных этносов. Имела место и затяжная идеологическая дезориентация социально активных представителей русского этноса, порождавшая как идейнополитические дискуссии, так и конъюнктурные спекуляции в экспертной среде и в рядах «политического класса» страны.

НАУЧНОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ СОВРЕМЕННОГО ЭТНОПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА

В последнее время актуализировался интерес к термину «этнополитический процесс». Отсутствие единого понимания данного термина в отечественной политической науке детерминирует проблемы методологического и прикладного характера межнациональных отношений в Российской Федерации и государствах СНГ и Прибалтики.

Систематизируя распространенные в исследовательской среде подходы к сущности этнополитического процесса, в качестве наиболее признанных следует выделить конфликтологический, примордиалистский, конструктивистский. Конфликтологический подход концентрируется на исследовании неравномерности социально-экономического развития, которая определяется как причина этнической мобилизации и трансформации народностей в полноценный субъект политических отношений [Горовиц, 2007].

Если подход с точки зрения конфликтологии более характерен для зарубежной политической мысли, то в отечественной традиции наиболее популярен примордиалистский метод. Его идеи восходят к разработкам классика советской этнологии академика Ю. Бромлея [Бромлей, 1983]. Определенная схожесть с конфликтологическим подходом прослеживается в части признания отправной точкой институционализации этносов ситуации борьбы между ними. Исходя из этого, отстаивание права на национальное самоопределение трактуется одним из основных признаков выделения этноса в качестве субъекта социально-исторического развития [Полунов, 2023].

Наряду с этим сторонники примордиалистского метода воспринимают этничность как объективную данность, изначальную характеристику крупных социальных агрегаций. Социализация индивида в качестве члена общества или политической нации, согласно этому подходу, носит вторичный характер по сравнению с идентификацией с определяющей этнической группой.

Всё большее распространение в последние годы приобретает конструктивистский подход, в общих чертах сводящий национальные отношения к социальному проектированию представителей интеллектуальной сферы [Анатомия этнополитики, 2015]. Для конструктивистов был и остается характерен скептицизм относительно социально-экономических предпосылок формирования наций. По мнению В. К. Белозёрова, конструктивистская модель познания акцентирует внимание на проблеме конституирования идентичности в контексте влияния факторов истории, традиций и культуры [Белозёров, 2023].

Высокий уровень развития этнических сообществ связывался конструктивистами с деятельностью национальной интеллигенции, формулирующей символы, категории и ценности, способные стать основой идентификации конкретных индивидов.

В российской науке этнополитический процесс в последние годы рассматривается преимущественно через призму соотношения гражданского, политического и этнического сознания граждан страны. На фоне имевшей место в 1990-м году эскалации межнациональной напряженности и построении специфической модели национально-территориальной федерации исследователи разрабатывали вопрос о необходимости поиска баланса между этнической идентификацией и общероссийской политической и идеологической принадлежностью.

Дополним, что помимо отмеченного противоречия, конфликтогенность этнополитических отношений предопределялась стремлением политических элит постсоветской Российской Федерации к одновременной интеграции как в атлантическое, так и в евразийское цивилизационные пространства. На этом фоне в российских условиях специфическое выражение нашли тенденции глокализации, т. е. попыток обособления от натиска глобализационных процессов за счет возрождения региональных идентичностей.

ПРЕДПОСЫЛКИ КОНФЛИКТОГЕННОСТИ ЭТНОПОЛИТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ В РОССИИ XXI СТОЛЕТИЯ

В современной России отмеченные тенденции накладывались на незавершенность конституирования гражданской идентичности как в молодежной среде, так и у представителей поколений советского времени. События 2020-х годов в республиках Северо-Кавказского региона доказывают, что региональная и конфессиональная идентификация составляют серьезный вызов идеологии общенационального единения.

Однако основными причинами деструктивных проявлений в области этноконфессиональных отношений признаются поляризация и размежевание социума Российской Федерации по социально-экономическому критерию в результате радикальных рыночных реформ. Отражением этого в области межнациональных коммуникаций становится распространение этнического и религиозно-политического экстремизма, в значительной мере нивелированное в первых десятилетиях XXI столетия благодаря своевременным политико-правовым мерам со стороны публичной власти.

При определенной стабилизации межнациональных отношений в Российской Федерации к началу 2020-х годов ситуация в этой сфере осложняется масштабным переселением в ее пределы новых этнических сообществ и новых независимых государств Закавказья и Средней Азии. Наиболее весомой причиной такого развития событий назовем направленность государственной стратегии, продиктованную утилитарно понимаемыми экономическими соображениями. Стремительно меняющийся этноконфессиональный баланс в наиболее развитых регионах России специалисты связывают с реализацией федеральной Государственной программы по переселению соотечественников и принятых на ее основе нормативных актов субъектов Российской Федерации. Основной дефект миграционной политики последних лет – ускоренная легализация выходцев из стран ближнего зарубежья в национальном правовом поле, а также формализм предусмотренных мероприятий по их социальной и культурной интеграции в российский социум.

В итоге спорадичность миграционных потоков привела к укреплению сплоченных этнических диаспор, не стремящихся к приобщению к наследию российской цивилизации. Отмеченное обстоятельство в полной мере укладывается в логику глобализационных процессов. Одним из последствий которых признается наличие нового этапа «переселения народов», поощряемого транснациональными акторами, заинтересованными в эрозии национально-государственного суверенитета и размывании классических политических наций.

Другим важным фактором этнополитического развития России в XXI веке следует признать расширение ее территориальных границ и включение в ареал этнополитического пространства новых социальных сообществ с устойчивыми антироссийскими идейными предпочтениями. Особенное значение имеет пребывание под российской юрисдикцией значительного количества бывших граждан Украины, подвергавшихся ранее пропагандистской и идеологической обработке в рамках постулатов радикального национализма и русофобии. Таким

образом, в условиях глобализационных трансформаций наличие или перемещение государственных рубежей с охватом новых территориальных ареалов уже не способно «законсервировать» этнополитический процесс по подобию практик индустриального общества. Точнее, в современной России сформировались условия, подрывающие гипотетическую национально-политическую гетерогенность. Традиционное для российской цивилизации этническое многообразие в ситуации XXI столетия дополняется весьма интенсивным пополнением структуры межнациональных отношений устойчивыми и активными компонентами, не разделяющими ценностей отечественной государственной традиции и исторической памяти.

Можно констатировать, что сущность этнополитического процесса в современном мировом сообществе наиболее полно проявляется в стремлении этнических сообществ к национально-государственному суверенитету в его абсолютном проявлении, в создании собственных национальных государств, или же ограниченном выражении, т. е. в обеспечении национально-территориального федерализма или автономизма. В условиях обвального распространения стратегий транснациональных институтов именно суверенные государственные субъекты обладают потенциалом для обеспечения как общегражданских, так и этнонациональных интересов.

С учетом вышеизложенного представляется, что задача укрепления суверенитета и политической стабильности в России XXI века должна учитывать специфику этнополитического процесса в условиях перехода к постиндустриальному обществу. Причем такой переход сам по себе оценивается как противоречивый, весьма напряженный и конфликтогенный этап для развития современного социума. Наряду с конфликтами индивида и общества потребления, противоборством между иерархической и сетевой организациями, в полной мере проявляет себя и конфликт идентичностей [Инглхарт, 1997]. В научных подходах аргументируется, что последний тип характерен для агрегаций, отождествляющих себя не с национальным государством, а с определенной устойчивой группой – этнической, конфессиональной или лингвистической.

Среди типичных характеристик таких сообществ по-прежнему выделяются: наличие убеждений в уникальности социального сообщества как этнического субъекта; приверженность национальным культурным ценностям и бытовым традициям; доминирование представлений об особом историческом наследии этнического коллектива; поглощение индивидуального сознания массовыми социокультурными установками; субъективация индивидов в качестве элементов доминирующего этнического сообщества.

Приведенные выше критерии необходимо учитывать при осмыслении проблем развития межнациональных отношений в современной России. Благодаря объективно сложившемуся этническому и конфессиональному плюрализму и географическому положению отечественная государственность традиционно испытывает на себе влияние взаимно исключающих социокультурных и политических факторов – европейского и евразийского [Аблеев, 2019]. Помимо «цивилизационных разломов», проходящих непосредственно по территории исторической России, немаловажное значение сохраняют и внутренние проблемные аспекты этнополитического процесса. Выделяются национальные и региональные сообщества, а также субэтносы, этноклановые группы, существенным образом отличающиеся по своей идентификации как от исторически доминирующего «большого этноса», т. е. русского народа, так и от собственных «титульных этносов». Именно это отрицание, на наш взгляд, пребывает в основе осознанной сепарации ряда социокультурных субъектов от ментальной и мировоззренческой основы российского общества.

Отсюда проистекает одна из предпосылок нестабильности этнополитического процесса в России – устойчивость и искажение патриархальных традиций среди этнических групп, не затронутых модернизационными проектами. Этнополитический процесс на этом уровне приобретает отчетливо трайбалистский характер, когда родоплеменные установки продолжают главенствовать над национальными и государственными идеологическими принципами.

ВЫЗОВЫ И ОПАСНОСТИ ЭТНОПОЛИТИЧЕСКОМУ ПРОСТРАНСТВУ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

С учетом вышеизложенного представляется преждевременным характерный для отечественной науки оптимизм относительно многообразия современных общественных идентичностей. На протяжении последних десятилетий утвердилось мнение, что этнокультурный и конфессиональный плюрализм продолжают оставаться базисным ресурсом общегосударственных стратегий и геополитической борьбы современной России [Федякин, 2021]. На этом фоне в научном сообществе, в отличие от практикующих политических экспертов и публицистов, зачастую идеализируются те аспекты этноконфессиональных отношений, которые при объективном рассмотрении могут трактоваться не в качестве достижений,

а как факторы риска и вызовы социальной стабильности и геополитическому положению Российской Федерации.

Следует указать, что широкий набор отличающихся моральных устоев, религиозного многообразия, экономического уклада российских этносов имеет противоречивое значение для этнополитической стабильности. Практический опыт свидетельствует, что именно полиэтнический и поликонфессиональный характер российского социума, актуализирует межнациональные противоречия предопределяя тем самым конфликтогенный характер отечественного этнополитического процесса. Суть данной проблемы видится в том, что отдельные группы национальной интеллигенция титульных народов, традиционно на протяжении многих веков пребывающие на территории исторической России, зачастую ассоциируют себя как элемент так называемых суперэтносов, культурные и мировоззренческие ценности которых в той или иной мере противоположны отечественной государственности и российской культуре. Именно отмеченное обстоятельство способствует волюнтаристской реконструкции этнополитического пространства России со стороны внешних сил. Наиболее показателен в данном контексте проект единения тюркских народов под патронажем турецких политических элит, который фактически нацелен на дезинтеграцию естественным образом сложившегося симбиоза народов Поволжья, Южной Сибири и Северного Кавказа. Менее известен, несмотря на неубывающий интерес зарубежных акторов, концепт «возрождения угро-финнов», продвигаемый в 1990 – начале 2000-х годов правительствами и подконтрольными им фондами Финляндии и Эстонии в регионе Русского Севера, Западной Сибири, Верхнего Поволжья и Прикамья.

В данном контексте следует принять во внимание и попытки искусственного конституирования новых «квазинациональностей», волюнтаристским образом выделяемых из субэтносов русского народа. Некоторые из них действительно сложились в период традиционного общества, такие как поморы Русского Севера или казачество на юго-восточных рубежах России. Другие, так называемые «ингерманландцы», не обладают обоснованной исторической идентификацией и преемственностью с ранее существовавшими региональными корпорациями. Несмотря на это, в отношении реально оформившихся субэтнических сообществ и в отношении иллюзорно трактуемых псевдоэтносов при помощи зарубежных фондов и организаций продвигаются проекты идеологического и мировоззренческого отторжения от ядра русской цивилизационной идентичности.

Однако всё более опасным дестабилизирующим фактором признается нарастающее год от года перемещение переселенцев из закавказских и центральноазиатских республик в опорные геостратегические регионы Российской Федерации. Социально-экономические издержки – очевидное дополнение к тому, что фактическое замещение титульных народов России принципиально переформатирует этноконфессиональный состав социума.

Логичным образом формирование новых секторов «теневой экономики» сопровождается появлением закрытых от межнациональной коммуникации диаспор и этнических мафий, доминирование которых существенным образом деформирует менталитет и массовое сознание мигрирующих народностей. Уклоняясь от интеграции в российское общество, их представители одновременно утрачивают взаимосвязь с изначальной патриархальной традицией, сочетая усугубляющуюся маргинализацию с завышенной мировоззренческой самооценкой.

Отмеченные факторы, умноженные на синхронизированный с миграционным давлением религиозный прозелитизм, создают предпосылки для эрозии как гражданской, так и этнической самоидентификации молодых поколений Российской Федерации. Следствием этого становится постепенная ассимиляция титульных народов России через использование ресурса конфессиональной пропаганды.

В качестве предварительных выводов определим, что ориентация государственной национальной политики одновременно на укрепление и этнокультурной, и гражданско-государственной идентичности в современных условиях фактически перестает отвечать стабилизации этнополитического процесса.

Причиной можно назвать влияние внешних факторов, продиктованных как универсалистскими тенденциями глобализации, так и опасностями индоктринации этнического национализма в политике новых независимых государств СНГ и Прибалтики. Возникающие вследствие описанных процессов угрозы суверенитету и национальной безопасности закономерно вызывают вопросы по поводу соответствия устоявшейся концепции «России как страны наций» требованиям современной эпохи. В ситуации полномасштабной конфронтации с объединенным Западом утрачивают свою обоснованность научные концепты и доктрины, объясняющие российский этнополитический процесс исходя из ситуации начала 1990-х.

Главенствующее значение в переоценке устоявшихся подходов имеют последствия международного кризиса по оси Запад – Россия, который, помимо геополитического содержания,

после победы националистических сил в Киеве в 2014 году и начала Специальной военной операции в 2022 году приобрел и выраженный этнополитический контекст. Подавление русской общины властями «постмайданной» Украины после «Русской весны» эскалировало отношения между странами и закономерно политизировало и идеологизировало содержание этнополитического процесса во многих регионах постсоветского пространства. Со стороны киевских властей и патронирующих их атлантических элит и международных организаций фактически ведется не просто противоборство с государством, но и с русским народом в ареале его традиционного расселения. Как показывает проведенное исследование, формат этой борьбы весьма многообразен и включает в себя технологии культурной ассимиляции, методики деморализации и стратегии дискриминации по признаку принадлежности к России и русскому этносу.

Основные усилия прилагаются для навязывания русской политической нации (параметры которой еще в полной мере не сформировались) «комплекса вины», распространения убеждений в неполноценности исторической национально-государственной традиции современной России.

Концепт «русской политической нации» еще не нашел своего научно-методологического и идеологического закрепления. Тем не менее эта доктрина имеет своих последователей в научном сообществе. Так, российский политолог М. В. Ремизов обосновывал, что процесс «реставрации русского» становится востребованным инструментом преодоления противоречия между идеей государственного единства и принципом многонационального государства [Ремизов, 2016].

События последних лет показывают, что этот феномен в целом утратил положение экстравагантного и едва ли не экстремистского идейно-политического конструкта, продвигаемого маргинальными политиками и публицистами. В период 2022–2024 годов такие понятия, как «Русская Весна», «Новороссия», «собирание русских земель», «Одесса – русский город», «Русский мир», «русская армии» и тому подобные стали не только неотъемлемой частью общественно-политической дискуссии. Обращение к необходимости защиты русского населения Украины и других новых независимых государств СНГ теперь является одним из тезисов официальной позиции высших должностных лиц в объяснении обществу необходимости усиления суверенной внешней политики и проведения Специальной военной операции.

В этом же ряду пребывает расширение структуры и численности субъектов Российской Федерации за счет русских национальных республик – ДНР и ЛНР, причем количество таких политико-территориальных образований в обозримой перспективе может возрасти. Столь же показательно появление общественных объединений сетевого типа, акцентирующих свою деятельность на защите прав и достоинства русских, под которыми сторонники таких движений нередко понимают представителей всех народов России, традиционно проживающих на ее территории и разделяющих общие моральные и культурные ценности. Предшественники таких известных в настоящее время движений, как «Северный человек» или «Русская община ZOV», в 2010-е годы обвинялись в радикализме и подвергались юридическому запрету. Однако в наши дни их деятельность осуществляется в тесной координации с органами исполнительной власти.

Значительная часть участников указанных объединений имеет опыт участия в СВО или оказания всесторонней помощи воюющей армии и мирному населению. Кроме того, в условиях затяжного противостояния с украинским националистическим режимом и стоящей за ним западной коалицией, именно российская армия вновь становится тем «плавильным котлом», благодаря которому институт вооруженных сил способствует мировоззренческой интеграции социально активных индивидов разных национальностей и этнических групп на основе приобщения к русской военной традиции.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, в 2020-х годах в России получили новое выражение тенденции конфликтогенности этнонационального процесса. Их происхождение относится к ситуации последней четверти XX столетия, когда в период распада СССР идеологические лакуны массового сознания заполнялись в основном постулатами этнического национализма. В 2020-е годы конфликты в сфере межнациональных отношений вновь становятся актуальными, поскольку, помимо социокультурных и идейных противоречий, провоцируемых главным образом люмпенизированной национальной интеллигенцией, теперь они дополняются соперничеством политико-экономического содержания и влиянием фактора международной напряженности.

В качестве обобщающих выводов необходимо отметить следующее:

1. Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что основными причинами конфликтного характера этноконфессиональных отношений выступают причины не социокультурного, а социально-экономического и политико-экономического характера. Во-первых, начальный

период межнациональной эскалации связывается с поляризацией и расслоением общества Российской Федерации в период радикальных рыночных реформ. Во-вторых, современная конфликтогенность воспроизводится ввиду влияния глобализационных процессов, которые объективно нацелены на унификацию этнокультурного пространства и подрыв национально-государственного суверенитета.

2. Ситуация для России осложняется воздействием внешнего фактора и выходом проблематики этнополитического процесса на международный масштаб. Утверждение агрессивного национализма в странах ближнего зарубежья и укрепление в социальной структуре Российской Федерации транснациональных этнических мафий к началу 2020-х годов создают угрозу государственной независимости и идентичности коренных народов России.

3. В ситуации нарастания конфликтогенности этнополитического процесса в Российской Федерации, заметную роль в инициировании которой теперь играют внешние акторы, доминирующая ранее доктрина «общероссийской идентичности» перестает удовлетворять насущным политическим и идеологическим задачам. Будучи весьма сложной по своей смысловой конструкции и ориентируясь, прежде всего, на толерантность и гуманизм, таковая не в полной мере учитывает ситуацию нарастания вызовов и опасностей для дальнейшего существования суверенной государственности нашей страны.

4. В качестве адекватного ответа со стороны гражданского общества и государственной власти представляется сохранение национальной идентичности государствообразующего народа страны. Стержневым направлением модернизации национальной политики после начала СВО естественным образом становится приложение усилий по отстаиванию права народа Новороссии на национальное самоопределение. Наряду с этим, стабилизация этнополитического процесса будет зависеть от модернизации государственной политики в социальной и экономической сферах, нацеленной на отказ от экстенсивной модели развития и на преодоление усугубляющегося общественного неравенства.

Защита идентичности русской нации от этнической дезинтеграции в длительной перспективе будет оставаться наиболее важным приоритетом стратегии развития России. Тем самым укрепляются предпосылки для пересмотра тезиса концепта многокомпонентной идентичности как основы российской «многонациональной нации».

Отмеченные выше обстоятельства требуют взвешенной и всесторонней оценки. Безусловно, не имеется оснований полагать, что концепт «русской политической нации» в недалеком будущем станет доминантой идеологической платформы российской национальной политики. Вместе с тем очевидно, что рассмотренная доктрина обретет всё больше сторонников как в научном сообществе, так и среди социальных групп и управленческого аппарата и проявит себя в качестве одной из конкурирующих между собой моделей этнополитического самоопределения в России XXI века.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Тишков В. А. От этноса к этничности и после // Этнографическое обозрение. 2016. № 5. С. 5–22.
2. Белозёров В. К. Понятия «народ» и «нация» в российском и международном политическом и научном дискурсе // Вестник Российской нации. 2019. № 5. С. 118–125.
3. Горовиц Д. Л. Структура и стратегия этнического конфликта // Власть. 2007. № 2. С. 29–38.
4. Бромлей Ю. В. Очерки теории этноса. М.: Наука, 1983.
5. Полунов А. Ю. Общероссийская гражданская идентичность: концептуальные основы и региональное воплощение // Государственное управление. Электронный вестник. 2023. № 96. С. 124–133.
6. Анатомия этнополитики / под науч. ред. Л. В. Савинова: Новосибирск: Изд-во СибАГС. 2015.
7. Белозёров В. К. Методы анализа стратегических культур. Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2023. 15(5). С. 29–49.
8. Инглхарт Р. Постмодерн: меняющиеся ценности и изменяющиеся общества // Полис. Политические исследования. 1997. № 4. С. 6–23.
9. Аблеев С. Р. Евразийское пространство и геополитический полицентризм // Философские исследования и современность. 2019. Вып. 8. С. 9–14.
10. Федякин А. В. Приоритеты государственной культурной политики Российской Федерации и императивы укрепления общероссийской национальной идентичности // Вестник Российской нации. 2021. № 4. С. 9–45.
11. Ремизов М. В. Русские и государство: национальная идея до и после «крымской весны». М.: Эксмо, 2016.

REFERENCES

1. Tishkov, V. A. (2016). From ethnos to Ethnisity and after. Etnograficheskoe obozrenie, 5, 5–22. (In Russ.)
2. Belozerov, V. K. (2019) The concepts of «people» and «nation» in Russian and international political and scientific discourse. Bulletin of Russian nation, 5, 118–125. (In Russ.)
3. Gorovic, D. L. (2007). The structure and strategy of ethnic conflict.Vlast', 2, 29–38. (In Russ.)
4. Bromlej, Yu. V. (1983). Ocherki teorii etnosa = Essays on the theory of ethnicity. Moscow: Nauka (In Russ.)
5. Polunov, A. Yu. (2023). All-Russian Civic Identity: Conceptual Foundations and Regional Implementation. Gosudarstvennoe upravlenie. Elektronnyj vestnik, 96, 124–133. (In Russ.)
6. Anatomiya etnopolitiki = The anatomy of ethnopolitics. (2015). Savinova L. V. (ed.). Novosibirsk: Izdatelstvo SibAGS.(In Russ.)
7. Belozerov, V. K. (2022) Methods of analysis of strategic cultures. The contours of global transformations: politics, economics, law, 15(5), 29–49. (In Russ.)
8. Inglhart, R. (1997). Postmodernism: Changing values and changing societies. Polis. Politicheskie issledovaniya, 4, 6–23. (In Russ.)
9. Ableev, S. R. (2019). The Eurasian space and geopolitical polycentrism.Filosofskie issledovaniya I sovremennost', 8, 9–14. (In Russ.)
10. Fedyakin, A.V. (2021). Priorities of the state cultural policy of the Russian Federation and imperatives of strengthening the All-Russian national identity.Bulletin of Russian nation, 4, 9–45.(In Russ.)
11. Remizov, M. V. (2016). Russkie i gosudarstvo: nacional'naya ideya do i posle «krymskoj vesny» = Russians and the State: the national idea before and after the «Crimean Spring». M.: Eksmo. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Цыбаков Дмитрий Леонидович

доктор политических наук, доцент
профессор кафедры государственного и муниципального управления
Академии гражданской защиты МЧС России

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Tsybakov Dmitry Leonidovich

Doctor of Political Science (Dr. habil), Associate Prof.
Professor of the Department of Public and Municipal Administration,
Civil Defence Academy Emerco of Russia, Moscow, Russia

Статья поступила в редакцию	21.03.2024	The article was submitted
одобрена после рецензирования	24.04.2024	approved after reviewing
принята к публикации	26.04.2024	accepted for publication

Научная статья
УДК 93/94

Политика органов государственной власти по нивелированию польского национализма в Северо-Западном крае в рамках обеспечения внутренней безопасности (60-е годы XIX века)

С. В. Ананьев

Главный центр научных исследований Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации, Москва, Россия
sergey_ananyev1982@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается деятельность органов государственной и местной власти Северо-Западного края Российской империи по разрешению *польского вопроса*. Перечисляются меры по устранению влияния польского национализма в Северо-Западном крае, взятые в дальнейшем на вооружение царской администрацией в деле управления окраинами империи, – с целью обеспечения безопасности в регионе. В работе использованы ретроспективный, проблемно-хронологический, историко-сравнительный и другие общенаучные методы исследования.

Ключевые слова: польское восстание, национализм, польский вопрос, реформы, русификация, Северо-Западный край, генерал-губернатор, унификация

Для цитирования: Ананьев С. В. Политика органов государственной власти по нивелированию польского национализма в Северо-Западном крае в рамках обеспечения внутренней безопасности (60-е годы XIX века) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2024. Вып. 2 (855). С. 47–54.

Original article

The Policy of the State Authorities on Levelling Polish Nationalism in the North-Western Territory as Part of Ensuring Internal Security (1960^{s} of the 19th Century)

Sergey V. Ananyev

Main Center for Scientific Research of the Federal Service of the National Guard of the Russian Federation, Moscow, Russia
sergey_ananyev1982@mail.ru

Abstract. The article examines the activities of state and local authorities of the North-West Territory of the Russian Empire to resolve the problem of the presence of the Polish question. It lists the measures to eliminate the influence of Polish nationalism in the North-West Territory, taken later by the tsarist administration in the management of the periphery of the Empire in order to ensure security in the region. The work uses retrospective, problem-chronological, historical-comparative, as well as general scientific methods of research.

Keywords: Polish uprising, nationalism, Polish question, reforms, Russification, North-Western Territory, Governor-General, unification

For citation: Ananyev, S. V. (2024). The Policy of the State Authorities on Levelling Polish Nationalism in the North-Western Territory as Part of Ensuring Internal Security (1960^{s} of the 19th Century). Vestnik of Moscow State Linguistic University. Social Sciences, 2(855), 47–54.

ВВЕДЕНИЕ

В статье рассматривается государственная политика по разрешению польского вопроса, возникшего на международной и внутриполитической повестке Российской империи после присоединения польских территорий бывшей Речи Посполитой. Актуальность темы состоит в исследовании политических инструментов, примененных царской администрацией после подавления польского восстания 1863–1864 годов с целью дальнейшей интеграции региона в структуру государства, и тех мер, при помощи которых влияние польского национализма в Северо-Западном крае было временно устранено.

В рамках исследования политики органов государственной власти в Северо-Западном крае Российской империи, направленной на борьбу с проявлениями польского национализма, помимо использования архивных документов, привлекался следующий круг исторических источников и литературы. Мемуарная литература в исследовании отмечена как апологетами проводимой в крае царской политики (Ратч, 1867; Миловидов, 1900; Милютин, 2003; Черевин, 1920; Валуев, 1961; Ауэрбах, 1905; Бутковский, 1883), так и ее противниками (Дмовский, 1909). Исследования в царской (Батюшков, 1890) и советской (Самбук, 1980) историографии глубоко идеологизированы и использованы в работе в меньшей степени, нежели современные труды отечественных (Горизонтов, 1999; Долбилов, 2000; Комзолова, 2005; Щукин, 2006; Долбилов, 2010; Федосов, 2021) и зарубежных – белорусских (Бендин, 2008; Карпович, 2011; Подорожняя, 2014), литовских (Aleksandravicius, 1996), польских (Glebocki, 2000; Вех, 2021) и немецких (Рольф, 2020) авторов, проливающих свет на отдельные аспекты царской политики определенного исторического периода в Северо-Западном крае.

ПРЕДПОСЫЛКИ ВОЗНИКНОВЕНИЯ ПОЛЬСКОГО ВОПРОСА

Царское правительство, органы местной власти, армия и правоохранительные структуры на протяжении XIX века боролись с польскими восстаниями и сепаратизмом местных националистов, лозунги которых были окрашены в националистические цвета на протяжении практически полутора столетий с момента разделов Речи Посполитой (1772, 1793, 1795) вплоть до распада Российской империи в 1917 году. Западные окраины Российского государства представляли исключительную важность для польской нации, консервативные политические круги которой грезили о возвращении их в общественно-политическое поле вот-вот готовящейся воскреснуть Речи Посполитой.

Северо-Западный край, именовавшийся русскими чиновниками как «губернии от Польши возвращенные», или как его называли поляки «Забранный край», – земли, отошедшие к России по трем разделам Речи Посполитой, в противоположность Царству Польскому [Дмовский, 1909]. Польские политики считали земли Западной России своего рода форпостом Восточной Европы от территориальных и иных посягательств Российской империи [Ратч, 1867]. С конца XVIII века они всячески пытались оспорить у России эти территории. Такие обстоятельства способствовали формированию национальной польской мифологии, пропитанной ненавистью к русским и их государству. Польские восстания XIX века и обострившийся «польский вопрос» стали тем фоном, на котором протекала вся политика царского правительства как в Царстве Польском, так и в Северо-Западном крае Российской империи.

РАЗРАБОТКА И ПЕРВЫЙ ОПЫТ ПРИМЕНЕНИЯ ПОЛИТИКИ ПО РУСИФИКАЦИИ ЗАПАДНЫХ ГУБЕРНИЙ

Царское правительство чередовало политику уступок с ассимиляцией польского населения [Горизонтов, 1999]. В период правления императора Николая I, особенно после подавления польского восстания 1830–1831 годов и восстановления внутриполитического спокойствия в регионе, правительство перешло к использованию праворадикальных мер, которые характеризовались методами «этнографического» воздействия на поляков: привлечением русского элемента в край, регулированием миграции и политики переселения поляков, правовой регламентацией браков и т. д.

В 1830-х годах российское правительство начинает активную разработку технологии и практики по русификации западных окраин империи. Одним из главных творцов этой политики стал гродненский губернатор М. Н. Муравьев – будущий граф Виленский, получивший данный титул за успешное подавление польского мятежа 1863–1864 годов. В своих политических записках на имя императора Николая I он представил программу поступательной русификации региона с целью его политического успокоения и недопущения дальнейших рецидивов со стороны польских сепаратистов [Четыре политические записки, 1885]. В 1830–1850-х годах все эти усилия не привели к решительному успеху, так как сильная русская культурная среда на тот момент времени еще не была создана и не могла конкурировать с господствующей польской средой. Уровень образованности и знания местных

хозяйственных условий у шляхты также оставался выше, чем у большинства российских чиновников, прибывающих на службу в край.

ОБОСТРЕНИЕ ВНУТРИПОЛИТИЧЕСКОЙ ОБСТАНОВКИ И НАЧАЛО ПОЛЬСКОГО ВОССТАНИЯ

Начало либеральной эпохи Александра II отразилось на царской политике в Польше и Северо-Западном крае. Начались послабления по отношению к польскому населению. До конца 1850-х годов высшие администраторы в повседневной служебной речи по-прежнему продолжали именовать эти земли «польскими губерниями» [Долбилов, 2000, с. 338]. Следует отметить, что политика в Северо-Западном крае тесно переплеталась с религией. В польской среде в XIX веке сохранилась сила «латинства», образовался своеобразный патриотизм, любовь к старой католической Польше и вера в ее возрождение [Миловидов, 1900]. Начало царствования Александра II ознаменовал период либерализации политики в Северо-Западном крае.

С февраля 1861 года в крае начались антиправительственные демонстрации и манифестации. В 1862 году получило распространение пение националистических песен и гимнов. Демонстранты часто несли с собой портреты участников польских восстаний, брошки и значки с изображением Белого орла, устраивали «кошачьи концерты» под окнами жандармерии и т. д. Чиновник Я. Н. Бутковский писал о том, что тогда ношение траура и пение гимнов в костелах производило впечатление общественных похорон, а народ не выходил на улицы в яркой одежде из-за провокаций и агрессивности манифестантов [Бутковский, 1883]. Среди поляков бытовало мнение, что именно траур определит будущие границы Польши.

В январе 1863 года, после объявления правительством проведения рекрутского набора, в Польше вспыхнуло вооруженное восстание. Оно бросило русскому правительству не только военный, но и интеллектуальный вызов. В январе 1863 года в губерниях Северо-Западного края снова было объявлено военное положение. Начались грабежи и насилие над русским населением края. Известно, что польскими карателями было убито, по разным оценкам, от 300 до 600 человек, в том числе несколько католиков и православных священников. 23 апреля Ковенский жандармский штаб-офицер И. Н. Скворцов докладывал вышестоящему начальству в Петербург: «Действия мятежников совершенно уронили законную власть. Исправники, становые приставы, судебные следователи и другие чиновники, не имея возможности выехать в уезды без военного отряда, лишились возможности исполнять свои обязанности... Нижние же полицейские чины, из опасения быть повешенными, отказываются от службы правительству или, оставаясь на службе, исполняют распоряжения не своего начальства, а мятежников»[1].

СМЕНА ПРАВИТЕЛЬСТВЕННОГО КУРСА И ПЕРЕХОД К ЖЕСТКИМ АДМИНИСТРАТИВНЫМ МЕРАМ

Польское восстание 1863–1864 годов убедило царское правительство в том, что политика сотрудничества с местными политическими элитами западных окраин себя не оправдала и зашла в тупик [Рольф, 2020]. Ключевую роль в сложившихся условиях сыграло назначение в мае 1863 года крайне консервативного министра М. Н. Муравьева виленским генерал-губернатором края, который стал одним из главных вдохновителей борьбы с поляками. Ему официально ставилась задача по «усмирению» края, восстановлению правительственной власти в крае и приобретению доверия к ней со стороны местного населения. В сложившихся условиях наместник края получал практически неограниченные права, к которым относилось право объявлять на военном положении различные районы предоставленного ему края, увольнять чиновников с должностей, предавать суду служащих полиции, утверждать приговоры военных судов и т. д. Сам Муравьев данные меры назвал «системой». Он создал собирательный образ «мятежника» 1863 года и был убежден, что в крае народ – русский; шляхта – «ополяченная»; католическая вера – знамя в борьбе [Ратч, 1867].

Начальник края начал с поощрения военно-полицейского управления. Появившиеся военные начальники наделялись такими полномочиями, при которых им подчинялись военные и гражданские власти. Они следили за действиями помещиков, духовенства, обывателей края, а также имели право ареста неблагонадежных лиц, изъятия оружия, розыска повстанцев и т. п. Был ужесточен контроль за населением края. Муравьев форсировал жесткие меры к ношению траура, за что взимались штрафы [Милютин, 2003]. Показательным явлением стали публичные казни лидеров польских инсургентов и вдохновителей населения на общественно-политический протест. Первая публичная казнь при Муравьеве произошла в Вильно 22 мая 1863 года за чтение в костеле революционного манифеста ксендзом С. Ишорой. К концу 1864 года было казнено семь ксендзов[2]. Эти меры произве-

[1]Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ), Ф. 109. 1 эксп. Оп. 38. Д. 23. Ч. 175, Л.60.

[2]ГАРФ. Ф.811. Оп.1. Д. 57, Л. 42–45.

ли жуткое впечатление на католическое население края. Не избежали подобной участи, в том числе, и влиятельные представители польского дворянства. Так, император Александр II просил помиловать польского магната Л. Плятера, но на эту просьбу генерал-губернатор М. Н. Муравьев в тот же день телеграфировал свой ответ: «Плятер повешен» [Ауэрбах, 1905, с. 42]. Другому лидеру мятежников З. Сераковскому не помогло даже ходатайство английской королевы Виктории.

В мае 1863 года восстание в Минской, Могилевской, Витебской губерниях фактически уже было подавлено. Как отмечается в исследованиях современных белорусских историков [Бендин, 2008; Карпович, 2011] Муравьев не заслужил ярлыков «палача и вешателя», напротив, своими энергичными административными действиями спас население региона от перспективы гораздо больших жертв. Что касается действий мятежников, то убийства мирных жителей, подстрекательства к мятежу, неповиновение представителям правоохранительных структур являлось безусловным нарушением тогдашнего законодательства и подлежали уголовному наказанию [Бендин, 2008]. Напротив, польские исследователи выносят вполне ожидаемый вердикт – политика Муравьева и его последователей граничила с «государственным терроризмом» [Вех, 2021].

Муравьев полагал, что материальную ответственность должны нести все группы населения края, принимавшие, так или иначе, участие в восстании. Он говорил о двух способах борьбы с польским восстанием: «Поляка надобно смирить страхом и копейкой» [Письма М. Н. Муравьева к А. А. Зеленому, 1913, с. 259]. Другими направлениями его политики стала конфискация (секвестр) имущества у участников польского восстания, денежная контрибуция в виде штрафов, ссылка участников восстания в Сибирь. Безусловно, это были довольно жесткие административно-полицейские меры по отношению к помещикам «польского происхождения», мятежной шляхте и католическому клиру, но они были вполне оправданны и носили ответный характер на террор со стороны мятежников, а виленский генерал-губернатор действовал строго по законам Российской империи.

Параллельно проводимым военно-полицейским мерам создавалась новая администрация края. Костяк канцелярии Муравьева составили русские чиновники из состава МВД, Военного министерства, Министерства юстиции, приехавшие вслед за ним и не имевшие в крае недвижимости и родственных связей. Служба чиновников в крае поощрялась награждением конфискованными у польских помещиков имениями, которые они могли покупать по более дешевой цене. Оппозиционное польское дворянство дискредитировалось и лишалось материальной базы. Водворение русского землевладения также стало важным элементом политики правительства, направленной на дальнейшую интеграцию Северо-Западного края в состав Российской империи. В результате этих мер удельный вес польских помещиков упал с 95 до 79 %. В дальнейшем сокращение польского землевладения продолжилось [Самбук, 1980]. М. Н. Муравьев сделал ставку на местное крестьянство, значительно облегчив его положение, противопоставив его местному польскому дворянству.

Важным элементом борьбы с польским национализмом и его влиянием на население края был подрыв деятельности римско-католической церкви и укрепление позиций православия. По глубокому убеждению Муравьева, католический клир являлся одним из самых главных организаторов восстания 1863 года. Официально было выявлено 183 случая прямого или косвенного участия лиц католического духовенства в восстании 1863–1864 годов. Это послужило основанием к применению репрессий по отношению к ним. Началась политика «располячения католицизма» – вводилось богослужение на русском языке, а польский католический клир заменялся русским. Из 30 католических монастырей края 22 было закрыто. Таким образом, форсировалась политика, основанная на жестком вмешательстве светской власти в дела духовенства. Другой важной мерой Муравьев считал строительство и ремонт православных церквей. На эти цели он выделил из имевшихся в его распоряжении средств более 900 тыс. руб. Также было построено 98 новых церквей и 63 часовни, возобновлено и отремонтировано 126 церквей. С другой стороны, Муравьев избегал массового обращения местного населения в православие, чтобы пресечь разговоры крестьян о том, что «царское правительство ломает их веру» [Черевин, 1920, с. 66]. В период наместничества Муравьева в практику вошла ежегодная денежная прибавка православному духовенству края по 400 тыс. рублей.

В 1863–1864 годах в Северо-Западном крае царское правительство приступает к выработке определенного стандарта политики русификации национальных окраин. «Борьба за души» литовцев, белорусов, евреев стала важной составляющей русско-польской «войны за цивилизацию» [Щукин, 2006, с. 344–345]. Муравьев резонно полагал, что русская школа сделает в крае больше, чем русская армия. Если к началу 1863 года в крае насчитывалось 115 народных школ, то до конца года было открыто еще 120 школ, а в конце

1864 года их стало уже 520[1]. В Северо-Западном крае тем временем полным ходом шла пропаганда православия. Он декларативно объявлялся «древним достоянием» России. Унификации подверглось не только польское образование, а также транспорт, таможенная и почтовая службы и т. д. В польских, немецких и еврейских школах вводилось обязательное преподавание русского языка. Польские учителя повсеместно замещались русскими. Согласно циркуляру Муравьева 24 марта 1864 года, все вывески, объявления, надписи на польском языке должны были быть заменены русскими за короткий срок. Всё делопроизводство вплоть до низшего уровня теперь должно было вестись на русском языке. Русским было также запрещено жениться на польках [Бутковский, 1883]. Повсеместно велась борьба с польской символикой, организовывались инспекции в типографии и фотостудии. Перед поляками стали закрываться двери и военно-учебных заведений, а в армейских частях устанавливался 20-процентный барьер.

Все эти меры должны были поднять престиж русского языка в глазах жителей края. Генерал-губернатор считал, что восстание 1863 года должно было убедить правительство в несостоятельности проводимой до этого политики полумер, снисхождений и уступок, ибо любые реформы априори воспринимались польским дворянством как слабость, что в конечном счете только усиливало мятежные настроения[2]. Выражаясь современной терминологией, против поляков и католичества края М. Н. Муравьев успешно провел своего рода «информационную войну», «вдохнув» в русское население края моральные силы. Кроме того, учитывая польско-шляхетский характер восстания 1863 года, оно не было поддержано большей частью населения Северо-Западного края. В своих «Записках» Муравьев прозорливо отметил, что поляки и большая часть Европы «постепенно стремились отторгнуть Западный край от России, и отодвинуть нас к пределам Азии… они хорошо знают, что с лишением Западных губерний мы должны будем потерять и значение наше в Европе»[3].

ПОСЛЕДОВАТЕЛИ ПОЛИТИКИ М. Н. МУРАВЬЕВА В СЕВЕРО-ЗАПАДНОМ КРАЕ

После отставки в 1865 году генерал-губернатора М. Н. Муравьева остро встал вопрос о выборе направлений по дальнейшей русификации края. Принятая на вооружение «система» Муравьева стала выступать образцом политики не только в Северо-Западном крае, но и в других национальных окраинах империи, продемонстрировав обеспечение стабильности в регионе. По утверждению современного литовского историка Д. Сталюнаса, именно тогда парадигма националистической национальной политики (в ответ на идентичную польскую – *авт.*) вошла в доминирование [Сталюнас, 2022]. Однако представляется, что русский национализм применительно к западным окраинам империи после 1863 года создавался ситуативно и носил в большей степени защитный характер [Бендин, 2008].

Новый виток ужесточения политики по русификации края произошел уже после отставки Муравьева – в 1865–1867 годах, когда сопротивление польских повстанцев уже было окончательно подавлено. Новым генерал-губернатором Северо-Западного края и командующим войсками Виленского военного округа в 1865 году был назначен К. П. Кауфман (1865–1866). Многие современники считали его преемником складывавшейся «системы Муравьева» в крае. Он также исходил из представления, что Северо-Западный край – исконно русский и, по его мнению, польская народность не имела оснований заявлять свои права на данную территорию империи[4]. Можно сказать, что Кауфман шел по стопам своего предшественника и содействовал укреплению русского землевладения в крае, применял различные способы вовлечения местного населения в православную веру. Только в течение 1863–1868 годов усилиями чиновников и военной администрации края в православие было переведено около 70 тыс. человек [Долбилов, 2010]. Русскоязычное православное население получало право на льготных условиях и без торгов приобретать свободные казенные земли из фонда конфискованных имений участников восстания. Это являлось следствием утверждения на практике политической установки генерал-губернатора – отождествление национальности с вероисповеданием. Были изданы указы о ведении делопроизводства исключительно на русском языке, а в дальнейшем польский язык и вовсе был исключен из учебных программ в крае. Современными польскими историками отмечается, что данные мероприятия имели четкую цель – разрушение оставшихся польских административных структур и установление российского культурно-политического господства [Bex, 2021] и даже стремление «русифицировать» само население «польского происхождения» в крае [Glebocki, 2000]. Наличие мер по ассимиляции местного польского насе-

[1]ГАРФ. Ф.811. Оп.1. Д.48. Л. 48.

[2]ГАРФ. Ф. 811. Оп.1. Д. 51. Л. 8об, Л. 8об.

[3]ГАРФ. Ф. 811. Оп.1. Д. 45, Л. 14.

[4]ГАРФ. Ф. 109. 1 эксп. Оп. 38. Д. 23. Ч. 175, Л. 80-81об.

ления признают современные российские историки, начиная с исследования А. А. Комзоловой [Комзолова, 2005]. В дальнейшем эта политика подстегнула новую волну недовольства местного польского населения.

Сподвижник М. Н. Муравьева жандармский полковник П. А. Черевин писал: «Если бы система генерала Кауфмана выдержала бы 5 лет, латинство бы навсегда погибло в Западном крае, но легален ли подобный способ? Мое мнение – да, если вы считаете себя достаточно сильным, чтобы выдержать до конца дело. Но где же колеблющемуся правительству преследовать подобную трудную задачу…» [Черевин, 1920, с. 66]. Еще одним фактором, повлиявшим на решение об отставке Кауфмана, стало прибывшее на службу из внутренних губерний России чиновничество, дискредитировавшее своим аморальным поведением (взяточничество, некомпетентность) на должностях как самого генерал-губернатора, так и все «русское дело» в крае. Жалобы на администрацию Кауфмана регулярно доводились до сведения императора Александра II.

Новый генерал-губернатор граф Э. Т. Баранов (1866–1868) сменил бескомпромиссную позицию в отношении «польского элемента» края на более гибкую с отказом от применения чрезвычайных мер [Самбук, 1980]. Он начал муссировать предложения о снятии военного положения в Северо-Западном крае, которое, начиная с восточных белорусских губерний, постепенно отменялось. По свидетельству ряда высших чиновников той поры, этот наместник мало интересовался делами края, которым большую часть времени управлял, находясь в Петербурге [Валуев, 1961], бросив начинания своих предшественников фактически на самотек.

С приходом генерал-губернатора А. Л. Потапова (1868–1874) «система» Муравьева подверглась существенному пересмотру. Началась «чистка» рядов местной администрации от выдвиженцев М. Н. Муравьева и К. П. Кауфмана. Достаточно отметить, что в крае были сменены все губернаторы [Черевин, 1920]. Наметившийся реверс в правительственной политике по отношению к западным окраинам империи, с одной стороны, был вызван самоуспокоением власти и высшего чиновничества от наметившейся, казалось бы, стабильности в политической жизни Северо-Западного края. С другой стороны, в правительственных верхах Российской империи существовали иные взгляды на решение «польского вопроса». Так, в частности, министр внутренних дел П. А. Валуев протестовал против сугубо «полицейского» его разрешения [Валуев, 1961, т. 1].

В 1870-х годах стал понемногу разрешаться доступ полякам к государственной службе. Определенные смягчения имелись и в культурно-религиозной сфере. Ослабилась цензура, стало наблюдаться меньше нападок на католичество. Муравьевский принцип применительно к польскому населению края, что «все они в той или иной степени виноваты» был чужд политике А. Л. Потапова. В отличие от Кауфмана, Потапов не лелеял надежд на ассимиляцию польского населения края. Он считал, что принадлежность к русской народности еще не являлась гарантом верноподданничества. В отличие от своих предшественников, Потапов пошел на меру по снятию военного положения со всех губерний Северо-Западного края, которое снималось в крае постепенно и по уездам. При этом стратегическая задача царского правительства в крае оставалась неизменной – интеграция и русификация бывших земель Речи Посполитой, перешедших в состав Российской империи.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Все эти послабления привели в конце 1860 – начале 1870-х годов к оживлению польского революционного движения в регионе. Возобновилось пение местной публикой запрещенных правительством патриотических гимнов и песен, ношение траурной одежды, портретов участников восстания 1863 года. Кроме этого, кадровая политика по замене административного управленческого аппарата Северо-Западного края чиновниками русского происхождения по-прежнему оставляла желать лучшего. Политика подрыва польского землевладения в конечном итоге также оказалась неэффективной. Пропорция русского и польского землевладения была почти равной и сохранялась вплоть до начала Первой мировой войны.

Генерал-губернатор И. С. Каханов уже в годы правления императора Александра III пришел к справедливому выводу, что рано или поздно снова придется приниматься за работу, начатую М. Н. Муравьевым [Горизонтов, 1999]. Соответственно, непоследовательная, половинчатая политика царского правительства по русификации Северо-Западного края так и не привела к конечному установлению подавляющего русского влияния в регионе, но показала эффективный путь решения этого вопроса.

Проводимая политика русификации в целом возымела успех, и к началу XX века Северо-Западный край почти перестали называть «польским». В правящих политических кругах к тому времени устоялось убеждение, что институт генерал-губернаторства в западных окраинах полностью выполнил свою роль и способствовал интеграции региона

в структуру империи[1]. Однако искоренить полностью польское как культурное, так и экономическое влияние в крае все же не удалось. Исторический опыт борьбы с проявлениями польского национализма как в политической, так и в социально-экономической, а также культурной сферах свидетельствует, что некоторые выработанные с тех времен методы по их деэскалации и пресечению актуальны на западных окраинах современного Российского государства.

1 Российский государственный исторический архив. Ф. 1284. Оп. 185. Д. 36. Л. 9-32

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Дмовский Р. Германия, Россия и польский вопрос. СПб.: Изд-во Н. П. Карбасникова, 1909.
2. Ратч В. Ф. Сведения о польском мятеже 1863 года в Северо-Западной России. Вильна, 1867.
3. Горизонтов Л. Е. Парадоксы имперской политики: поляки в России и русские в Польше. М.: Индрик, 1999.
4. Четыре политические записки М. Н. Муравьева // Русский архив. 1885. № 5–6. С. 161–200.
5. Долбилов М. Д. Конструирование образа мятежа: политика М. Н. Муравьева в Литовско-Белорусском крае в 1863–1865 гг. или объект историко-антропологического анализа // Actio Nova. М.: Глобус. 2000. С. 338–408.
6. Миловидов А. И. Заслуги М. Н. Муравьева для православной церкви в Северо-Западном крае. Харьков: тип. Губ. правл, 1900.
7. Бутковский Я. Н. Из моих воспоминаний // Исторический вестник. 1883. № 10. С. 78–106.
8. Рольф М. Польские земли под властью Петербурга. От венского конгресса до Первой Мировой. М: Новое литературное обозрение, 2020.
9. Милютин Д. А. Воспоминания 1863–1864 гг. М.: РОССПЭН, 2003.
10. Ауэрбах А. Воспоминания // Исторический вестник. 1905. № 10. С. 37–61.
11. Бендин А. Ю. Без ярлыков и штампов. Образ Виленского генерал-губернатора М. Н. Муравьева в современной белорусской историографии // Белорусская думка. 2008. № 6. С. 42–46.
12. Карпович О. В. Репрессии в отношении участников восстания 1863–1864 гг.: правда и вымыслы // Вестник Брестского государственного технического университета. 2011. № 6. С. 33–37.
13. Вех С. Западный край («захваченные земли») во внутренней политике Российской империи // WSCHODNI ROCZNIK HUMANISTYCZNY. 2021. T. XVIII. № 2. С. 97–123.
14. Письма М. Н. Муравьева к А. А. Зеленому // Голос минувшего. 1913. № 9. С. 240–265.
15. Самбук С. М. Политика царизма в Белоруссии во второй половине XIX века. Минск: Наука и техника, 1980.
16. Черевин П. А. Воспоминания. 1863–1865. Кострома: Изд-во Костромского научного общества по изучению местного края, 1920.
17. Щукин В. Pro et contra «честной чичиковщины» // Новое литературное обозрение. 2006. № 81. С. 343-350.
18. Сталюнас Дарюс. Польша или Русь? Литва в составе Российской империи. М.: Новое литературное обозрение, 2022.
19. Долбилов М. Д. Русский край, чужая вера: Этноконфессиональная политика империи в Литве и Белоруссии при Александре II. М: Новое литературное обозрение, 2010.
20. Glebocki H. Fatalna sprawa. Kwestia polska w rosyjskiej mysli politycznej (1856–1866). Krakow: Arcana, 2000.
21. Комзолова А. А. Политика самодержавия в Северо-Западном крае в эпоху Великих реформ. М.: Наука, 2005.
22. Валуев П. А. Дневник П.А. Валуева министра внутренних дел: в 2 т. Т. 1: 1861–1864 гг. ; Т. 2: 1865–1876 гг. М.: Изд-во АН СССР, 1961.

REFERENCES

1. Dmowski, R. (1909). Germaniya, Rossiya i pol'skiy vopros = Germany, Russia and the Polish question. St. Petersburg: Izdatel'stvo N. P. Karbasnikova. (In Russ.)
2. Ratch, V. F. (1867). Svedeniya o pol'skom myategche 1863 goda v Severo-Zapadnoy Rossii = Information about the Polish rebellion of 1863 in Northwest Russia. Vilna. (In Russ.)
3. Gorizontov, L. E. (1999). Paradoxy imperskoy politiki: polyaki v Rossii I russkie v Pol'sche = Paradoxes of imperial politics: poles in Russia and russians in Poland. Moscow: Indrik. (In Russ.)
4. Four political notes by M. N. Muraviev (1885). Russian archive, 5–6, 161–200. (In Russ.)

5. Dolbilov, M. D. (2000). Construction of the image of rebellion: politician M. N. Muraviev in the Lithuanian-Belorussian Territory in 1863–1865 or the object of historical and anthropological analysis. In Actio Nova (pp. 338–408). Moscow: Globus, (In Russ.)
6. Milovidov, A. I. (1900). Zaslugi M. N. Murav'eva dlya pravoslavnoy cerkvi v Severo-Zapadnom krae = Merit M. N. Muraviev for the Orthodox Church in the North-Western Territory. Kharkov: tip. Gub. pravl. (In Russ.)
7. Butkovskiy, Y. N. (1883). From my memories. In Historical bulletin, 10, 78–106. (In Russ.)
8. Rolf, M. (2020). Pol'skie zemli pod vlast'u Peterburga. Ot Venskogo kongressa do Pervoy mirovoy = Polish lands under the rule of St. Petersburg. From the Congress of Vienna to the First World War. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russ.)
9. Milyutin, D. A. (2003). Vospominaniya 1863–1864 gg. = Memories of 1863–1864. Moscow: ROSSPEN. (In Russ.)
10. Auerbah, A. (1905). Memories. In Historical bulletin, 10, 37–61. (In Russ.)
11. Bendin, A. Yu. (2008). Bez jarlykov i shtampov. Obraz Vilenskogo general-gubernatora M. N. Murav'eva v sovremennoj belorusskoj istoriografii = No labels or stamps. The image of Vilnius Governor-General M. N. Muravyov in modern Belarusian historiography. In Belarusian duma, 6, 42–46. (In Russ.)
12. Karpovich, O. V. (2011). Repressions against participants in the uprising of 1863–1864: truth and fiction. In Bulletin of the Brest State Technical University, 6, 33–37. (In Russ.)
13. Veh, S. (2021). Western Territory («captured lands») in the domestic politics of the Russian Empire. In Wschodni Rocznik Humanistyczny, XVIII(2), 97–123. (In Russ.)
14. Letters of M. N. Muraviev to A. A. Zelenom (1913). In Voice of the past, 9, 240–265. (In Russ).
15. Sambuk, S. M. (1980). Politika carizma v Belorussii vo vtoroy polovine XIX veka = The policy of tsarism in Belarus in the second half of the 19th century. Minsk: Nauka I Tehnika. (In Russ.)
16. Cherevin, P. A. (1920). Vospominaniya. 1863–1865. = Memories by P. A. Cherevin. 1863–1865. Kostroma: Publishing House of the Kostroma Scientific Society for the Study of the Local Territory. (In Russ.)
17. Schukin, V. (2006). Pro et contra "honest chichikovshchina". In New Literary Review, 81, 343–350. (In Russ.)
18. Stalyunas, D. (2022). Pol'scha ili Rus'? Litva v sostave Rossiyskoy imperii = Poland or Russia? Lithuania as part of the Russian Empire. Moscow: New Literary Review. (In Russ.)
19. Dolbilov, M. D. (2010). Russkiy kray, chugchaya vera: etnokonfessional'naya politika imperii v Litve I Belorussii pri Alexandre II = Russian territory, someone else's faith: The ethno-confessional policy of the empire in Lithuania and Belarus under Alexander II. Moscow: New Literary Review. (In Russ.)
20. Glebocki, H. (2000). Fatalna sprawa. Kwestia polska w rosyjskiej mysli politycznej (1856–1866). Krakow: Arcana.
21. Komzolova, A. A. (2005). Politika samodergchaviya v Severo-Zapadnom krae v epochu Velikich reform = The politics of autocracy in the North-West Territory in the era of Great Reforms. Moscow: Nauka (In Russ.)
22. Valuev, P. A. (1961). Dnevnik P. A. Valueva ministra vnutrennich del: v 2 t. T. 2: 1865–1876. = Diary of P. A. Valuev Minister of the Interior: in 2 volumes. Vol. 1: 1861–1864; Vol. 2: 1865–1876. Moscow: Publishing House of the USSR Academy of Sciences. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Ананьев Сергей Валерьевич

кандидат исторических наук, доцент
старший офицер отдела Главного центра научных исследований
Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Ananyev Sergey Valerievich

PhD (History), Associate Professor
Senior Officer of the Department of the Main Center for Scientific Research
of the Federal Service of the National Guard of the Russian Federation,

Статья поступила в редакцию	14.02.2024	The article was submitted
одобрена после рецензирования	23.04.2024	approved after reviewing
принята к публикации	24.04.2024	accepted for publication

Научная статья
УДК 94(970)

Проблема выбора этажности жилых зданий при переходе к массовому жилищному строительству в СССР в 1950-е годы

В. Н. Горлов

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
gorlov812@mail.ru

Аннотация. После окончания Великой Отечественной войны жилищная проблема стояла остро и обрела политическое значение. Исследование выполнено на основе исторического анализа с учетом социальных условий того времени и основано на решениях партийных съездов, постановлений ЦК КПСС. Строительство пятиэтажных домов по типовым проектам было исторически обусловленным и технически оправданным направлением, которое позволило ликвидировать жилищный кризис в стране.

Ключевые слова: индустриальные методы, массовое жилищное строительство, типовое проектирование, пятиэтажные дома, жилищная проблема, сборный железобетон, лифтовое хозяйство

Для цитирования: Горлов В. Н. Проблема выбора этажности жилых зданий при переходе к массовому жилищному строительству в СССР в 1950-е годы // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2024. Вып. 2 (855). С. 55–62.

Original article

The Problem of Choosing the Number of Storeys of Residential Buildings During the Transition to Mass Housing Construction in the USSR in the 1950s

Vladimir N. Gorlov

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
gorlov812@mail.ru

Abstract. After the war, the housing problem was particularly acute and, by its nature, had political significance. The study is based on a problem-historical analysis taking into account the social conditions of that time and is based on an analysis of decisions of party congresses, resolutions of the Central Committee of the Communist Party of the Soviet Union. The construction of five-storey houses according to standard projects was historically determined and technically correct direction, which made it possible to eliminate the housing crisis in the country.

Keywords: industrial methods, mass housing construction, standard design, five-storey buildings, housing problem, precast reinforced concrete, elevator facilities

For citation: Gorlov, V. N. (2024). The Problem of Choosing the Number of Storeys of Residential Buildings During the Transition to Mass Housing Construction in the USSR in the 1950s. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Social Sciences, 2(855), 55–62.

ВВЕДЕНИЕ

После Великой Отечественной войны миллионы советских граждан проживали в подвалах, полуподвалах, бараках в крайне тяжелых условиях. Жилищная проблема имела особую остроту и по своему характеру обрела политическое значение. Объем жилищного строительства в Москве совершенно не соответствовал жилищным потребностям москвичей. Еще при И. В. Сталине эту насущную проблему обсуждали в высших эшелонах власти. Первый секретарь московского горкома партии Г. М. Попов в начале 1948 года написал письмо Н. А. Вознесенскому (заместителю председателя Совета министров СССР), в котором указал на превышение темпов промышленного строительства в столице СССР над темпами роста жилищного строительства в Москве, что неминуемо приводило к жилищному кризису Москвы[1].

Постановлением Совмина СССР от 3 октября 1949 года в Москве за 10 лет планировалось построить 10 млн кв м^2 метров жилой площади[2]. Постановление содержало предложение И. В. Сталина довести этажность жилых домов до 10–12–14 этажей[3]. Московский горком партии и Моссовет поддержали предложение И. В. Сталина на повышение высотности строящихся зданий. Важной задачей пятой пятилетки становится развитие индустриального домостроения [Маленков, 1952].

Главный архитектор столицы А. В. Власов на X городской партконференции в 1952 году подтвердил указание И. В. Сталина, что в Москве «должны строить жилые дома нового типа, максимально благоустроенные, высотой 8–10–12–14 этажей[4].

Председатель исполкома Моссовета М. Яснов в марте 1953 года на одном из совещаний по жилищному строительству заявил: «…коренным образом меняется застройка города в связи с переходом строительных организаций на основные магистрали, набережные и въезды в город Москву, где, как правило, сооружаются многоэтажные дома»[5]. Первый секретарь горкома КПСС И. В. Капитонов эти слова подтвердил: «Повышается этажность, будет строиться много домов в 8–12–14 этажей»[6]. И. В. Капитонов был расстроен тем обстоятельством, что трест «Строитель» не располагал необходимым количеством экскаваторов, бульдозеров, башенных кранов и других машин[7], оказавшись неподготовленным к сооружению многоэтажных зданий на магистралях Москвы.

Те же тенденции были характерны для многих крупных городов Советского Союза. Опыт 1951–1952 годов показал, что 10-летний план жилищного строительства в столице выполняется министерствами и ведомствами с неимоверными трудностями. Главной причиной строительных проблем был недостаток мощностей подведомственных им строительных организаций.

ОБСУЖДЕНИЕ ВОПРОСА ЭТАЖНОСТИ ЖИЛЫХ ДОМОВ

В 1953–1954 годах вопрос об этажности в жилищном строительстве в СССР становится первостепенным. 1 июля 1953 года Секретарь московского горкома партии Н. А. Михайлов направляет Председателю Совмина СССР Г. М. Маленкову записку с конкретными предложениями: «Строительные организации, прежде всего, должны быть пополнены недостающим количеством рабочих, для чего требуется жилая площадь. МК партии просит министерства и ведомства построить в 1954–1955 годах пятиэтажные жилые дома типа общежитий для одиночек и квартирного типа для семейных – рабочих-строителей»[8].

Заместитель заведующего отделом строительства Московского горкома партии В. П. Абызов в августе 1953 года отправил докладную И. В. Капитонову «О поточно-скоростном строительстве домов в Измайлове», где с гордостью сообщалось о сдаче двух пятиэтажных домов за 30 дней[9]. И. В. Капитонов доложил об этом почине секретарю ЦК КПСС Н. С. Хрущёву, которого эта новость особенно обрадовала[10].

После смерти И. В. Сталина к вопросу о жилищном строительстве неоднократно обращался Г. М. Маленков. Н. С. Хрущёв, борясь за политическое лидерство в советском государстве, не мог оставить этот вопрос в стороне. Еще при жизни И. В. Сталина он на собрании избирателей Калининского избирательного округа изложил свое мнение: «…прежде всего, нужно взяться за улучшение проектирования жилых домов. Это создает большие возможности для индустриализации строительства»[11]. По воспоминаниям бывшего Первого секретаря МГК КПСС В. В. Гришина «…он часто бывал на стройках, всегда находил новые интересные решения и потом стремился полезные

[1]ЦГА Москвы – Центральный государственный архив города Москвы. Ф. П-3. Оп. 145. Д. 9.Л. 126-130.

[2]ЦГА Москвы. Ф. П-3. Оп. 119. Д. 109. Л. 54–57.

[3]ЦГА Москвы. Ф. П-3. Оп. 119. Д. 109. Л. 55.

[4]ЦГА Москвы. Ф. П-4. Оп. 79. Д. 1. Л. 418.

[5]ЦГА Москвы. Ф. П-4. Оп. 88. Д. 9. Л. 155.

[6]ЦГА Москвы. Ф. П-4. Оп. 88. Д. 9. Л. 233.

[7]ЦГА Москвы. Ф. П-4. Оп. 88. Д. 9. Л. 235.

[8]ЦГА Москвы. Ф. П-4. Оп. 88. Д. 2. Л. 157.

[9]ЦГА Москвы. Ф. П-4. Оп. 88. Д. 34. Л. 172-178.

[10]ЦГА Москвы. Ф. П-4. Оп. 88. Д. 1. Л. 158.

11ЦГА Москвы. Ф. П-4. Оп. 111. Д. 8. Л. 219.

опыт и предложения осуществить на практике» [Гришин, 1996, с. 147]. Н. С. Хрущёв предлагал идеи создания наиболее дешевого жилья, поиска новых технологий и приглашал к обсуждению этих идей. Он акцентировал внимание на строительство пятиэтажных домов, считая их более экономичными, невзирая на мнение И. В. Сталина строить в столице и в других крупных городах дома повышенной этажности.

В октябре 1953 года промышленно-транспортный отдел ЦК КПСС на своем совещании обсуждал вопрос этажности жилых домов. На совещании выступил заместитель директора завода «Серп и Молот» М. К. Иноземцев: «Мы несколько раз ставили перед Моссоветом вопрос о строительстве в Москве не более 5-этажных здании общежитий, но этот вопрос не решается…»[1]. Секретарь Московского горкома КПСС В. И. Прохоров с ним не согласился: «Я должен напомнить, что малоэтажное строительство, к которому относится и строительство пятиэтажных зданий, Постановлением Совета Министров СССР от 1951 года запрещено. В Москве малоэтажных зданий построено в три раза больше, чем установлено решением Совета Министров СССР от 1951 года»[2]. Далее он указывал на то, что Моссовет не уполномочен решать вопрос этажности зданий, и поэтому упрекать Моссовет по этому вопросу нельзя. В. И. Прохоров на совещании сообщил, что Моссовет ходатайствует перед Правительством о разрешении строительства пятиэтажных зданий в столице[3]. Начальник политотдела окружной железной дороги С. Я. Волков заметил: «Необходимо разрешение Моссовета на постройку 5-этажных стандартных общежитий для строительных рабочих»[4].

В ноябре 1953 года Мосгорисполком утвердил план возведения пятиэтажных домов для строительных рабочих (в 1954–137 домов; в 1955 – 146 домов)[5]. В мае 1954 года в московском горкоме партии состоялось совещание московских архитекторов, на котором зам. заведующего отдела строительства Московского горкома партии В. П. Абызов сообщил: «Мы вышли с предложением в Правительство о некоторых изменениях 10-летнего плана реконструкции. Вы знаете, что эти изменения касаются этажности строительства. Мы знаем, что эти предложения поддержаны ЦК партии, поддержаны т. Хрущёвым»[6]. Следует заметить, что В. П. Абызов поначалу обратился к руководителю партии Н .С. Хрущёву и только потом к главе Правительства СССР Г. М. Маленкову.

На этом совещании председательствовал секретарь МГК КПСС В. Ф. Промыслов, который строго придерживался решения Генплана реконструкции и развития Москвы на 1951–1960 годы: «Здесь встает вопрос об этажности. Я считаю, что правильно критикуем пятиэтажные дома, главенствующую роль не они должны играть, там будут жить строительные рабочие»[7]. Однако выступления В. П. Абызова и других его сторонников не прошли даром. Секретарю МГК КПСС В. Ф. Промыслову позднее пришлось заметить: «…надо подсчитать, чем Москва располагает, сколько механизмов, башенных кранов имеется для того, чтобы направить строителей на скорейшее выполнение планов»[8].

С каждым месяцем число сторонников пятиэтажного строительства становилось всё больше. И причиной этому явлению была экономическая целесообразность данной этажности жилых домов. Главный архитектор столицы А. В. Власов в июне 1954 года, выступая на совещании по жилищному строительству, еще пытался сохранить сооружение многоэтажных зданий, объясняя неудачи жилищного строительства тем, что «…некоторые застройщики мало заботились о развитии производственной базы своих строительных организаций, оказались неспособными строить крупные жилые дома»[9]. Свою речь он закончил следующими словами: «Необходимо прежде всего окончательно установить для Москвы классификацию жилых зданий по их этажности. На магистралях установить здания в 8–10 этажей. Для второстепенной территории этажность может быть представлена в 4–5 этажей»[10].

На совещании присутствовал Первый секретарь Московского обкома партии И. В. Капитонов, который в своем выступлении подвел итог, поставив все точки над «и»: «За последнее время наблюдается неоправданная тенденция к повышению этажности домов. Нельзя увлекаться сооружением 12–14-этажных зданий, так как это приводит к резкому увеличению трудоемкости строительства, влечет за собой увеличение стоимости строительства. Если сейчас пятиэтажные дома строятся за 5–6 месяцев, а дома 6–8 этажей за 10 месяцев, то на строительство домов в 10–14 этажей требуется затрачивать 20 и более месяцев»[11].

[1]ЦГА Москвы. Ф. П-4. Оп.88. Д. 14. Л. 167.

[2]ЦГА Москвы. Ф. П-4. Оп.88. Д. 14. Л. 179.

[3]ЦГА Москвы. Ф. П-4. Оп.88. Д. 14. Л. 180.

[4]ЦГА Москвы. Ф. П-4. Оп.88. Д. 14. Л. 184.

[5]ЦГА Москвы. Ф. П-4. Оп. 88. Д. 2. Л. 144.

[6]ЦГА Москвы. Ф. П-4. Оп. 88. Д. 2. Л. 124.

[7]ЦГА Москвы. Ф. П-4. Оп. 91. Д. 4. Л. 125.

[8]ЦГА Москвы. Ф. П-4. Оп. 91. Д. 4. Л. 126.

[9]ЦГА Москвы. Ф. П-4. Оп. 91. Д. 8. Л. 10.

[10]ЦГА Москвы. Ф. П-4. Оп. 91. Д. 8. Л. 37.

[11]ЦГА Москвы. Ф. П-4. Оп. 91. Д. 8. Л. 179.

Профессор Б. Я. Ионас, автор многочисленных статей по экономике строительства, выступая на совещании на следующий день, особо отметил: «В течение ряда лет мы вместе с Академией коммунального хозяйства ставили вопрос о неэкономичности зданий 12–14 и выше этажей. Вчерашнее выступление секретаря МК партии т. Н. В. Капитонова внесло в этот вопрос полную ясность»[1]. Через несколько месяцев главный архитектор Москвы А. В. Власов был вынужден признать: «Существенным тормозом жилищного строительства явилось то, что с 1949 года в основу застройки Москвы были приняты жилые дома в 8–10, 12–14 этажей и выше. Большинство строительных организаций к этому не были подготовлены. Для строительных рабочих действует новый типовой проект 5-этажного общежития и пятиэтажных домов квартирного типа»[2].

Таким образом, поворот в определении этажности в массовом жилищном строительстве созревал и был в сущности своей, закономерен. В декабре 1954 года в Кремле состоялось переломное в деле проектирования и строительства СССР Всесоюзное совещание строителей, на котором критиковалось отсутствие типовых проектов жилых домов в пять этажей. Совещание дало стимул массовому жилищному строительству пятиэтажных домов. Ряд выступающих на совещании предлагали застроить пятиэтажными домами все свободные места в столице[3].

С 1955 года московский городской комитет партии придерживался курса строить дома только высотой в пять этажей. Моссовету было дано разрешение переправлять для строительства пятиэтажных домов часть средств, которые шли на ремонт жилого фонда. Капитальный ремонт многих бараков, из которых переселяли советских граждан, был лишен практической пользы и не являлся рациональным. В августе 1955 года Правительство Советского Союза выносит постановление «О ходе строительства жилых домов в 3–5 этажей для переселения из ветхих домов и бараков»[4].

Моссовет в 1955 году дал разрешение на строительство пятиэтажных домов хозяйственным способом[5], что позволило районным Советам и ведущим предприятиям самим выступать с инициативой по строительству домов для своих сотрудников, стоящих в очереди на получение отдельной квартиры. В тот год более 80 столичных предприятий приступили к строительству пятиэтажных жилых домов[6].

Большинство жилых домов в Москве до 1955 года строилась по индивидуальным проектам, лишь десятая часть жилых зданий Москвы строилась из крупных блоков[7]. Исполком Моссовета не уделял крупноблочному строительству достаточного внимания. Такое положение кардинально изменилось после знаменитых постановлений партии и правительства по жилищному строительству в 1954–1955 годах. Эта была настоящая жилищная революция, которая должна была за очень короткий срок (всего за 10–12 лет) преодолеть жилищный кризис в Советском Союзе. Надо отметить, что индустриализация домостроительного производства и переход к типовому проектированию жилых домов были исторически неизбежны.

Традиционное кирпичное жилищное строительство, которое велось посезонно, тормозило темпы строительства. Даже в столице в 1950-е годы пятиэтажный кирпичный дом возводился за два года. Такие темпы строительства становились неприемлемыми. В начале 1954 года в столице проходила XI городская партийная конференция, на которой было указано, что в жилищном строительстве не уделяется должного внимания внедрению железобетона в строительстве[8]. На памятном и вошедшем в историю Всесоюзном совещании строителей в 1954 году Н. С. Хрущёв отметил: «В наше время, при наличии бетона, нельзя продолжать работу по старинке» [Всесоюзное совещание ... 1955, с. 385]. Н. С. Хрущёв сделал ставку на сборный железобетон, который должен был в исторически короткий период справиться с самой важной общественной задачей – обеспечить население СССР отдельными квартирами. Кирпичу, как он ни хорош, такая задача была не по силам. В кратчайшие сроки в столице построили десятки заводов сборного железобетона, которые кардинально модифицировали отрасль промышленности строительных материалов.

В 1955 году на II Всесоюзном съезде советских архитекторов развернулись оживленные дискуссии по этажности жилищного строительства. В них принимал участие и Г. А. Градов (секретарь правления Союза советских архитекторов СССР), который доказывал обязательность начала массового пятиэтажного жилищного строительства. Г. А. Градов оперировал технико-экономическими показателями, которые показывали преимущества пятиэтажного строительства, так как стоимость жилых домов другой этажности была более высокая [Второй Всесоюзный съезд ... 1956].

В своих воспоминаниях Н. С. Хрущёв высказывал определенное мнение по поводу этажности

[1]ЦГА Москвы. Ф. П-4. Оп. 91. Д. 8. Л. 227.

[2]ЦГА Москвы. Ф. П-4. Оп. 91. Д. 7. Л. 209.

[3]ЦГА Москвы. Ф. П-4. Оп. 91. Д. 6. Л. 155.

[4]ЦГА Москвы. Ф. П-4. Оп. 99. Д. 4. Л. 187.

[5]ЦГА Москвы. Ф. П-4. Оп. 99. Д. 4. Л. 189.

[6]ЦГА Москвы. Ф. П-4. Оп. 102. Д. 3. Л. 53.

[7]ЦГА Москвы. Ф. П-4. Оп. 102. Д. 3. Л. 30-31.

[8]ЦГА Москвы. Ф. П-4. Оп. 90. Д. 1. Л. 27-30.

жилых домов: «Из-за невероятной нужды в жилье мы вынуждены были пересматривать проекты. Прежде всего, возник вопрос этажности и высоты комнаты в ущерб некоторым удобствам» [Хрущёв, 1997, с. 393].

Моссовет и горком партии за очень короткий срок (1954–1956) сумели создать условия для организационно-технической перестройки всех звеньев строительной индустрии столицы. Лидер государства добился своего. Благодаря внедрению сборного железобетона повсеместно применялись индустриальные методы строительства. С индивидуальным строительством практически было покончено. На XII городской партконференции 1958 года Первый зампредседателя Исполкома Московского горсовета В. Ф. Промыслов признался: «Мы строили по индивидуальным проектам. Теперь такой ошибки делать не будем»[1]. После известного Постановления Правительства СССР от 7 июля 1958 года «О расширении применения типовых проектов в строительстве» типовые проекты в столице охватили 98 % жилых домов, против 18 % в 1954 году [Справочник ... 1959].

ПРИЧИНЫ ПЕРЕХОДА К ПЯТИЭТАЖНОМУ ЖИЛИЩНОМУ СТРОИТЕЛЬСТВУ

Таким образом, в 1950-е годы крупноблочное строительство по типовым проектам значительно снизило стоимость сооружаемых домов и сократило срок строительства. Строительство жилых зданий было поставлено на поток. Страна перешла к массовому пятиэтажному жилищному строительству. Н. С. Хрущёв был прав, придавая огромное значение повышению экономичности жилища, упорядочению жилищного строительства по этажности.

Находясь в феврале 1960 года с официальным визитом в Индии, Н. С. Хрущёв учил уму-разуму индийских государственных деятелей: «Надо учитывать, что строительство пятиэтажных домов дает огромные преимущества с точки зрения экономии средств на фундаменте и крыше. К тому же, если строить жилые дома в пять этажей, то это значительно уменьшит расходы на сооружение мостовых, тротуаров, канализации, водопроводы, электросети»[2].

Следует отметить и другую причину перехода к пятиэтажному жилищному строительству. В 1954 году Первый секретарь Московского обкома КПСС И. В. Капитонов, выступая на совещании по жилищному строительству, подчеркнул: «...по-прежнему неблагополучно дело с лифтами. Организация лифтовой промышленности не обеспечивает всех запросов в лифтах»[3]. Г. А. Градов, выступая на Втором Всесоюзном съезде советских архитекторов в 1955 году, отметил значимость лифтового хозяйства в СССР: «Существует мнение, что строить без лифтов следует жилые дома до четырех этажей включительно. Это соображение действительно имеет основание, если учесть, что высота подъема на пятый этаж, при высоте этажа 3,3–3,6 м и при наличии в большинстве случаев встроенного в первый этаж магазина, достигает 14,5–16 м. Однако, если снизить высоту жилого этажа и отказаться от встроенных в первый этаж магазинов, то высота подъема на пятый этаж составит всего 12,5 м. В этих условиях было бы целесообразно широко применять в массовом строительстве 5-этажные жилые дома без лифтов» [Второй Всесоюзный съезд ... 1956. с. 66]. В результате уменьшения высоты этажа существенно понижалась высота подъема в пятиэтажных жилых домах, что обусловило всеобщее распространение пятиэтажных домов.

Напомним, что производственное объединение «Мослифт» было создано только в 1953 году. Серийное изготовление лифтов на Карачаровском механическом заводе началось лишь в 1957 году. Производство лифтов для многоэтажного строительства в 1950-е годы еще не было развито, что стало причиной применения в основном пятиэтажного типа жилых домов в массовом жилищном строительстве в СССР. Специалисты рассчитали, что на пятый этаж без лифта подниматься еще можно, а вот выше – уже нельзя.

Не только экономические причины обусловили форсирование строительства жилых домов в пять этажей. Угроза будущей ядерной войны была вполне реальной. Принимались меры по защите советских граждан от оружия массового поражения. Здесь надо обратиться к мемуарам Н. С. Хрущёва: «Вторая причина возведения пятиэтажек – военного характера. Я видел страдания людей и многочисленные разрушения городов. Чем выше здания, тем при бомбежке больше разрушений и жертв... После войны Англия под ее воздействием приняла решение не строить здания выше пяти этажей. Если опять разразится военная катастрофа, то взрывная волна, которая распространяется веерообразной воронкой снизу вверх, сокрушит меньше» [Хрущёв, 1997, с. 398–399].

По указанию Н. С. Хрущёва в Правительстве СССР и в ЦК партии приступили к тщательному изучению практики жилищного строительства в европейских государствах. До перехода на массовое жилищное строительство в страны

[1]ЦГА Москвы. Ф. П-4. Оп. 102. Д. 1. Л. 147.

[2]Жить в мире и дружбе // Правда. 1960. 17 февр.

[3]ЦГА Москвы. Ф. П-4. Оп. 91. Д. 8. Л. 174.

Европы регулярно выезжали советские архитекторы и строители. Данные поездки подтвердили решение о непременности пятиэтажного строительства жилых домов, дающего отдельные квартиры десяткам миллионов советских граждан.

Н. С. Хрущёв, побывав во многих странах, очень внимательно изучал опыт европейского жилищного строительства. Особенно ему приглянулся опыт французской строительной фирмы «Камю», создающей в массовом порядке крупноразмерные железобетонные панели, позволяющие стремительно собирать дома. Советской правительство в 1956 году договорилось о сооружении в Баку и Ташкенте заводов фирмы «Камю» для строительства разных типов пятиэтажных жилых домов.

В 1950-е годы изменения в советской архитектуре вполне соответствовали западной. В СССР в жилищном строительстве 1950-х годов развивались такие тенденции, как типизация, индустриальные методы жилищного строительства, экономичность, стандартизация, утилитаризм, которые также имели место и в западноевропейских странах. Другое дело, что вскоре в Европе отошли от этих тенденций. У нас же они были канонизированы. Строительный процесс был ориентирован исключительно на массовое полносборное строительство. Экстенсивная застройка пятиэтажными домами заняла огромные территории советских городов.

Таким образом, ведущую роль в принятии решения о массовом строительстве безлифтовых пятиэтажных домов сыграли экономические факторы. В Москве предписывалось строить почти исключительно пятиэтажные дома с простой конфигурацией, которые по расчетам Н. С. Хрущёва окажутся маневренным фондом перед началом строительства более крупных квартир. О временности этой меры он говорил, выступая на XX съезде КПСС.

Постановление 31 июля 1957 года «О развитии жилищного строительства в СССР» законодательно утвердило переход на массовое пятиэтажное жилищное строительство, без которого нельзя было упрочить материально-техническую базу коммунизма. В сентябре 1957 года Моссовет утвердил типовые проекты пятиэтажных жилых домов как обязательных для индустриального домостроения. В столице размножился типовой пятиэтажный дом с высотой потолков в квартирах всего 2,5 м. Н. С. Хрущёв 14 мая 1958 года, выступая перед избирателями, заявил: «Есть архитекторы, считающие, что надо строить многоэтажные здания сцелью лучшего архитектурного оформления города, они ошибаются» [Хрущёв, 1958, с. 19].

Советский инженер-строитель В. П. Лагутенко разработал проект пятиэтажного дома серии К-7, который изготавливался конвейерным способом из тонкостенных панелей на заводах ЖБК и собирался как этажерка за 30 дней [Москва. Архитектурный путеводитель, 1960]. Это было настоящим прорывом в сфере индустриального домостроения. Такие дома давали экономию 6–7 % по сравнению с многоэтажными[1]. Пятиэтажки – дома первой серии – строились вплоть до 1967 года.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

За 1951–1960 годы в Москве фактически ввели в строй 16 млн кв. м^2 [Селиванов, Гальперин, 1970]. За 1959–1965 годы массовое жилищное строительство пятиэтажных домов позволило 3 млн человек (45 % населения столицы) получить отдельные, рассчитанные на одну семью, квартиры [Москва в цифрах, 1988]. По мнению Первого секретаря МГК КПСС с 1962 по 1967 год Н. Г. Егорычева: «…пятиэтажки для того времени были единственной возможностью дать мощный импульс разрешению острейшей жилищной проблемы» [Егорычев,1989, с. 19]. Бывший председатель Госплана СССР Н. К. Байбаков считал, что «…именно благодаря ускоренному строительству пятиэтажек нам удалось в сравнительно короткие сроки переселить большое число людей из бараков и подвальных помещений. И многие в те годы были благодарны Хрущёву за такое решение жилищной проблемы» [Байбаков, 1993, с. 72].

В июне 1961 года на заседании Президиума ЦК КПСС рассматривали вопрос о повышении этажности жилых домов, решающее слово было за Н. С. Хрущёвым: «…если мы поднимем сейчас этажное строительство, тогда мы должны обязательно ввести лифт, а это потребует выделения металла для жилищного строительства. Следовательно, тогда потребуется сократить жилищное строительство с тем, чтобы строить дома с лифтами. Я, товарищи, считаю, что, видимо, надо, как правило, остаться на старых позициях, строить в пять этажей. Это абсолютно правильно, и это доказывает самое рациональное и дешевое строительство…» [Президиум, 2003. с. 516–517].

После отставки Н. С. Хрущёва пятиэтажные дома были подвергнуты очень жесткой критике на Пленуме Московского горкома партии в июне 1965 года. Хрущёвские пятиэтажки без мусоропроводов и лифтов призвали заменить массовым строительством домов повышенной этажности[2].

Критика жилищной реформы Н. С. Хрущёва вполне понятна, так как пятиэтажки стали примером очевидного достижения властей в социальной политике советского государства. Н. С. Хрущёв способствовал совершению настоящей жилищной

[1]ЦГА Москвы. Ф. П-4. Оп. 144. Д. 10. Л. 92.

[2]Пленум Московского горкома КПСС // Правда. 1965. 26 июн.

революции в СССР. В период правления Л. И. Брежнева этот этап жилищного строительства не всегда оценивался объективно, часто оценки его были весьма негативными. Время показало, что строительство пятиэтажных домов было правильным шагом. Массовое жилищное строительство во многом способствовало экономическому росту советского государства в 1960-е годы. Пятиэтажки стали памятником культуры своего времени.

Объективно рассматривая начальный период массового жилищного строительства, следует отметить, что альтернативы внедрению пятиэтажных жилых домов в исследуемый период не было. Действительно, это было единственно правильное решение, которое позволило ликвидировать жилищный кризис в стране. И в этом положительная социальная роль пятиэтажных домов этого периода.

Высшее руководство советского государства сумело справиться с важнейшей социально-политической задачей – обеспечить значительное большинство советских семей отдельными квартирами.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Маленков Г. М. Отчетный доклад XIX съезду партии о работе ЦК ВКП (б). М.: Госполитиздат, 1952.
2. Гришин В. В. От Хрущёва до Горбачёва. М.: АСПОЛ, 1996.
3. Всесоюзное совещание строителей, архитекторов и работников промышленности строительных материалов. 30 ноября – 7 декабря 1954 г. М.: Гос. изд-во литературы по строительству и архитектуре, 1955.
4. Второй Всесоюзный съезд советских архитекторов. М.: Госстройиздат, 1956.
5. Хрущёв Н. С. Воспоминания. М.: Вагриус, 1997.
6. Справочник партийного работника. Вып. 2. М.: Госполитиздат, 1959.
7. Хрущёв Н. С. Речь на Собрании избирателей Калининского избирательного округа города Москвы 14 марта 1958 года. М.: Госполитиздат, 1958.
8. Москва. Архитектурный путеводитель. М.: Госстройиздат, 1960.
9. Селиванов Т. А., Гальперин М. А. Планирование городского хозяйства. М.: Экономика, 1970.
10. Москва в цифрах, 1988. Статистич. сборник. М.: Финансы и статистика, 1988.
11. Егорычев Н. Г. Посол в Афганистане // Огонёк. 1989. № 6. С.19.
12. Байбаков Н. К. Сорок лет в правительстве. М.: Республика, 1993.
13. Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. Т. 1. Черновые протокольные записи. М.: РОССПЭН, 2003.

REFERENCES

1. Malenkov, G.M. (1952). Otchetnyj doklad XIX s»ezdu partii o rabote CK VKP (b) = Report to the XIX Party Congress on the work of the Central Committee of the CPSU (b). Moscow: Gospolitizdat. (In Russ.)
2. Grishin, V. V. (1996). Ot Hrushchyova do Gorbachyova = From Khrushchev to Gorbachev. Moscow: ASPOL. (In Russ.)
3. Vsesoyuznoe soveshchanie stroitelej, arhitektorov i rabotnikov promyshlennosti stroitel'nyh materialov. 30 noyabrya – 7 dekabrya 1954 g. (1955) = All-Union Meeting of builders, architects and workers of the building materials industry. November 30 – December 7, 1954. Moscow: Gos. Izd-vo. literatury po stroitel'stvu i arhitekture. (In Russ.)
4. Vtoroj Vsesoyuznyj s'ezd sovetskih arhitektorov = The Second All-Union Congress of Soviet Architects. (1956). Moscow: Gosstrojizdat. (In Russ.)
5. Khrushchev, N. S. (1997). Vospominaniya = Memories. Moscow: Vagrius. (In Russ.)
6. Spravochnik partijnogo rabotnika. Vyp. 2. = Handbook of a party worker. (1959), 2.
7. Khrushchev, N. S. (1958). Rech' na Sobranii izbiratelej Kalininskogo izbiratel'nogo okruga goroda Moskvy 14 marta 1958 goda = Speech' at a meeting of voters of the Kalininsky electoral district of Moscow on March 14, 1958. Moscow: Gosstrojizdat. (In Russ.)
8. Moskva. Arhitekturnyj putevoditel' = Moscow. Architectural Guide. (1960). Moscow: Gosstrojizdat. (In Russ.)
9. Selivanov, T. A., Galperin, M. A. (1970). Planirovanie gorodskogo hozyajstva = Urban planning. Moscow: Ekonomika. (In Russ.)
10. Moskva v cifrah, 1988. Statistich. Sbornik (1988) = Moscow in numbers, 1988. Statistical. Collection. Moscow: Statistika. (In Russ.)
11. Egorychev, N. G. (1989). Posol v Afganistane = Ambassador to Afghanistan. Ogonyok, 6, 19. (In Russ.)

12. Baibakov, N. K. (1993). Sorok let v pravitel'stve = Forty years in government. Moscow: Respublika. (In Russ.)
13. Prezidium CK KPSS. 1954–1964. T. 1. CHernovye protokol'nye zapisi. Stenogrammy = Presidium of the Central Committee of the CPSU. 1954–1964. (2003). Vol. 1. Draft protocol records. Moscow: ROSSPEN. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Горлов Владимир Николаевич

доктор исторических наук, доцент
профессор кафедры исторических наук и архивоведения
Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Gorlov Vladimir Nikolaevich

Doctor of Historical Sciences (Dr. habil.), Associate Professor
Professor of the Department of Historical Sciences and Archival Studies
Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию	29.02.2024	The article was submitted
одобрена после рецензирования	22.03.2024	approved after reviewing
принята к публикации	01.04.2024	accepted for publication

Научная статья
УДК 94

Проблема Черноморских проливов в отношениях России и Турции: история и современность

Н. В. Поспелов

*Дипломатическая академия
Министерства иностранных дел Российской Федерации, Москва, Россия
nikpos96@bk.ru*

Аннотация. В статье анализируется проблема Черноморских проливов в отношениях России и Турции. Рассматриваются особенности внешнеполитического курса двух стран в историческом контексте и на современном этапе. Определены последствия нарушения баланса сил в случае возникновения нового конфликта Москвы и Анкары. Использованы исторический и аналитический методы исследования, которые позволили изучить характерные черты взаимодействия двух стран в XX – XXI веках и понять их намерения в обеспечении национальных интересов.

Ключевые слова: Черноморские проливы, Россия, Турция, национальные интересы, баланс сил

Для цитирования: Поспелов Н. В. Проблема Черноморских проливов в отношениях России и Турции: история и современность // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2024. Вып. 2 (855). С. 63–67.

Original article

The Problem of the Black Sea Straits in Relations Between Russia and Turkey: History and Modernity

Nikita V. Pospelov

*The Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Moscow, Russia
nikpos96@bk.ru*

Abstract. The article analyzes the problem of the Black Sea straits in the relations between Russia and Turkey. It considers the peculiarities of the foreign policy course of the two countries in the historical context and at the present stage. The consequences of the violation of the balance of power in case of a new conflict between Moscow and Ankara are determined. Historical and analytical methods of research are used, which allowed to study the characteristic features of interaction between the two countries in the XX - XXI centuries and to understand their intentions in ensuring national interests.

Keywords: Black Sea Straits, Russia, Turkey, national interests, balance of power.

For citation: Pospelov, N. V. (2024). The Problem of the Black Sea Straits in Relations between Russia and Turkey: History and Modernity. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Social Sciences, 2(855), 63–67.

ВВЕДЕНИЕ

Черноморские проливы играют существенную роль в развитии отношений России и Турции. Рассматриваемая проблема находится в центре внимания руководства двух стран и требует внимательного отслеживания событий в связи со сложной геополитической обстановкой. Стремление Москвы и Анкары обеспечить национальные интересы на данной территории указывает на их сложное и неоднозначное взаимодействие, вследствие чего существует вероятность повторения ошибок прошлого. Основная задача исследования – определение последствий нарушения баланса сил в случае возникновения конфликта России и Турции – сопряжена с насущной необходимостью изучения особенностей внешнеполитического курса в Черноморских проливах. Обращение к истории дает возможность понять значение в поддержании контактов между странами на современном этапе. Если говорить о самой тематике, то проблеме Черноморских проливов в историческом контексте и на современном этапе посвящены как отечественные, так и зарубежные публикации. К ним относятся статьи Э. Д. Эшбы (2014), Э. Татлиоглу (Tatlıoğlu, 2023), Н. Пензвалто (Penzvalto, 2019), Н. Демиреля (Demirel, 2020), М. Йылдырыма (Yıldırım, 2023), материалы в сборниках статей Я. Лю (2020), А. А. Правденкова (Правденков, 2021).

РОССИЙСКО-ТУРЕЦКИЕ ОТНОШЕНИЯ В ЧЕРНОМОРСКИХ ПРОЛИВАХ В XX ВЕКЕ

После окончания Первой мировой войны 11 ноября 1918 года проблема черноморских проливов встала на повестку дня. Об этом свидетельствует проведение Лозаннской конференции 1922–1923 годов, по итогам которой руководство СССР отказалось от установления контроля на их территории из-за ограничения судоходства и утраты своих позиций на Чёрном море [Борков, Ильин, 2014].

Подобной точки зрения придерживалась и Анкара, вследствие чего возникла необходимость пересмотреть основные положения Лозаннского мирного договора от 24 июля 1923 года. Летом 1936 года СССР и Турция приняли участие в международной конференции в Монтрё, где стороны подписали упомянутую в начале статьи Конвенцию, которая предусматривала свободный проход военных и торговых кораблей в Черноморских проливах [Рогов, Фарапонова, 2019]. Поскольку турецкое руководство получило право контролировать данную зону, то это вызвало разногласия между двумя странами. Проблема режима проливов Босфор и Дарданеллы вышла на первый план в августе 1946 года, когда Москва направила дипломатическую ноту в Анкару для выдвижения требований на их территории: а) обеспечение свободного прохода военных и торговых кораблей; б) определение режима судоходства для черноморских стран; в) осуществление военно-оборонной деятельности [Кайгусуз, 2017].

Турция при поддержке Великобритании и США отказалась идти на уступки СССР. Решение проблемы было найдено в начале 1950-х годов, благодаря отказу Москвы от своих требований по Проливам. Еще одним немаловажным моментом является заключение Соглашения о разграничении континентального шельфа 23 июня 1978 года, в соответствии с которым устанавливалась модифицированная срединная линия дна Чёрного моря [Шангараев, Поспелов, 2021]. Это показало заинтересованность руководства двух стран в установлении границ для обеспечения экономических интересов. В то же время, как утверждает эксперт по евразийским исследованиям И. Камалов, СССР не в полной мере контролировал проливы Босфор и Дарданеллы в связи с противостоянием с Турцией как государством – членом НАТО [Kamalov, 2009].

В 1991 году СССР прекратил свое существование. По-новому стали развиваться отношения двух стран в Черноморских проливах. В июле 1994 года турецкое руководство приняло новые правила судоходства на их территории для повышения гарантий безопасности [Аватков, 2020]. Такой поворот событий вызвал негативную реакцию России в связи с предоставлением Турции возможности обеспечивать национальные интересы в ущерб другим странам. Последующая корректировка данного законодательного акта позволила двум странам достичь компромисса в проведении внешнеполитического курса в Проливах. 6 ноября 1998 года Анкара обнародовала текст Национального регламента после учета замечаний Москвы [Зайцев, Ульченко, 2008]. Как утверждает профессор университета Балыкесир М. Э. Йылмаз, он предусматривал большую свободу прохода военных и торговых кораблей на данной территории [Yılmaz, 2010]. Это означает, что укрепление своих позиций в Черноморских проливах стало одной из актуальных проблем в конце XX века и предопределило дальнейшее взаимодействие России и Турции.

РОССИЙСКО-ТУРЕЦКИЕ ОТНОШЕНИЯ В ЧЕРНОМОРСКИХ ПРОЛИВАХ В ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XXI ВЕКА

Начало 2000-х годов ознаменовалось двумя важными событиями в развитии отношений Москвы

и Анкары – избранием на пост Президента В. В. Путина и приходом к власти Партии справедливости и развития во главе с Р. Т. Эрдоганом. Их стремление пересмотреть внешнеполитический курс дало возможность найти общие взгляды в недопущении ухудшения геополитической обстановки. Проливы Босфор и Дарданеллы – не исключение из правил. 2 апреля 2001 года Россия и Турция подписали Соглашение о создании группы «Блэксифор», которое предусматривало принятие совместных мер для борьбы с ассиметричными угрозами на Чёрном море [Жильцов, 2019]. Руководство двух стран совместно с Болгарией, Грузией, Румынией и Украиной обнародовали текст Документа о мерах укрепления доверия и безопасности в военно-морской области. В соответствии с ним в рамках инициативы происходит обмен информацией о количестве десантных кораблей и подводных лодок [Губанов, 2014]. Одновременно с этим необходимо отметить, что главным элементом стало проведение встреч офицеров и экспертов соответствующего уровня. В январе 2007 года Россия и Турция продолжили взаимодействие друг с другом в Черноморских проливах в связи с нарастающей динамикой в энергетической сфере [Вартаньян, 2017]. После начала грузино-осетинской войны 8 августа 2008 года Анкара была настроена на прекращение военных действий. Такой поворот событий вызвал положительную реакцию Москвы и способствовал дальнейшему развитию отношений.

До 2014 года руководство двух стран было настроено на укрепление многопланового партнерства и проведение конструктивного диалога по обеспечению национальных интересов в проливах Босфор и Дарданеллы. Как утверждают А. А. Ирхин и Л. П. Нелина, принято выделять следующие этапы их взаимодействия на Чёрном море: а) объединение усилий для противостояния распространению влияния нерегиональных акторов (2002–2014); б) наличие разногласий из-за вхождения Крыма в состав России (2014–2020) [Ирхин, Нелина, 2020].

Это способствовало нарушению баланса сил. По мнению турецкого исследователя М. Динчера, присоединение Крымского полуострова к России оказало негативное влияние на усилия турецкого руководства по сохранению статус-кво в Черноморских проливах [Dinçer, 2023]. Ухудшение отношений двух стран по причине инцидента с Су-24 в ноябре 2015 года затормозило процесс поиска решений о свободном передвижении военных и торговых кораблей. После восстановления контактов 9 августа 2016 года в Санкт-Петербурге проблема режима Проливов встала на повестку дня. 6 сентября 2018 года Турция объявила о корректировке условий для военного мореплавания по данной территории [Демирель, 2020]. Внимательное наблюдение за ходом событий позволит определить его роль в Черноморских проливах. Одновременно с этим существует вероятность обострения ситуации в сфере безопасности, вследствие чего будет нанесен ущерб российским интересам [Аватков, Гудев, 2021]. Таким образом, авторский вклад заключается в том, что можно выделить третий этап взаимодействия двух стран (начиная с 2020 и заканчивая 2025–2027 годами), который будет охарактеризован как намерение Турции превзойти Россию и добиться господства на Чёрном море.

РОССИЙСКО-ТУРЕЦКИЕ ОТНОШЕНИЯ В ЧЕРНОМОРСКИХ ПРОЛИВАХ В КРАТКОСРОЧНОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ

Поставленная в заголовке проблема имеет тесную взаимосвязь с проведением внешнеполитического курса Москвы и Анкары. Об этом свидетельствует их заинтересованность в укреплении своих позиций в проливах Босфор и Дарданеллы. Начало специальной военной операции 24 февраля 2022 года позволило по-новому взглянуть на российско-турецкие отношения в Черноморских проливах. Поскольку воссоединение Крыма с Россией до сих пор является камнем преткновения, то Турция вынуждена искать новых союзников для обеспечения национальных интересов. Такой поворот событий не только не решает проблему, но и продолжает нарушать баланс сил. В то же время нельзя не согласиться с утверждением Б. Эрдила о том, что обеспечение стабильности на Чёрном море является одной из главных задач внешнеполитического курса России и Турции [Erdil, 2018].

Несмотря на геополитическую обстановку в Черноморских проливах, Москва и Анкара готовы учитывать ошибки прошлого и поддерживать контакты друг с другом. Как указано в газете Aydınlık, по состоянию на 28 июня 2022 года была достигнута договоренность в объединении усилий для противостояния стран Запада на данной территории[1]. Нельзя забывать о том, что внимание турецкого руководства направлено и на развитие отношений с Украиной после заключения Соглашения о поставке беспилотных летательных аппаратов национального производства «Bayraktar T2» в 2019 году.

В связи с этим возникает вопрос, каковы будут последствия в случае возникновения нового конфликта Москвы и Анкары? Такой поворот событий может оказать негативное влияние на укрепление

[1]National Interest: Rusya ve Türkiye, Karadeniz bölgesini yeniden şekillendiriyor. URL: https://www.aydinlik.com.tr/haber/national-interest-rusya-ve-turkiye-karadeniz-bolgesini-yeniden-sekillendiriyor-323776 (дата обращения: 21.04.2024).

безопасности в Черноморских проливах и вызвать очередное нарушение баланса сил. Если Турция объединится с Украиной ради собственной выгоды, то это нанесет ущерб национальным интересам, прежде всего, России. Самой главной угрозой будет являться вооруженное столкновение Москвы и Анкары при участии государств – членов НАТО.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, с одной стороны, Россия и Турция заинтересованы в обеспечении стабильности в Черноморских проливах. Защита границ на данной территории позволяет сохранить геополитическую обстановку. С другой – имеющиеся разногласия в связи с последними событиями на Украине указывают на их сложное и неоднозначное взаимодействие. Одновременно с этим Анкара стремится укрепить свое влияние на Чёрном море, что может вызвать очередные разногласия с Москвой. Поскольку влияние двух стран в проливах Босфор и Дарданеллы будет усиливаться в краткосрочной перспективе, необходимо проводить сбалансированный внешнеполитический курс.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Борков А. В., Ильин А. В. Черноморские проливы и советско-турецкие отношения в 1917–1923 гг. // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2014. № 3 (31). С. 36–47.
2. Рогов И. И., Фарапонова Т. К. Российско-турецкие отношения в ретроспективе: геополитика и энергетика // Ученые записки. 2019. № 3. С. 212–217.
3. Кайгусуз Дж. Турецко-советские отношения в контексте международной военно-политической конфронтации (1920–1991): дис. … канд. ист. наук. Нижний Новгород, 2017.
4. Шангараев Р. Н., Поспелов Н. В. Россия и Турция: исторические особенности взаимодействия и перспективы сотрудничества // История и современное мировоззрение. 2021. Т. 3. № 4. С. 80–85.
5. Kamalov I. Karadeniz Bölgesindeki Bazı Güncel Sorunlar // Karadeniz Araştırmaları. 2009. Cilt 6. № 21. S. 13–21.
6. Аватков В. А. Внешнеполитический курс Турецкой Республики в рамках современной системы международных отношений: дис. … д-ра полит. наук. М., 2020.
7. Зайцев И. В., Ульченко Н. Ю. Турция на рубеже XX–XXI вв. М.: Институт востоковедения Российской академии наук, 2008.
8. Yılmaz M. E. Soğuk Savaş Sonrası Dönemde Türk-Rus Ilişkileri // Journal of Management and Economics Research. 2010. Vol. 8. № 13. S. 27–41.
9. Жильцов С. С. Политика России в Черноморском регионе: итоги и новые вызовы // Проблемы постсоветского пространства. 2019. Т. 6. № 2. С. 149–164.
10. Губанов А. С. Политика безопасности Турции в Чёрном море: военно-морской аспект регионального сотрудничества и конкуренции // Ученые записки Таврического национального университета имени В. И. Вернадского. Серия: Философия. Культурология. Политология. Социология. 2014. Т. 27. № 1–2 (66). С. 308–319.
11. Вартаньян Э. Г. Основные тенденции российско-турецкого сотрудничества в бассейне Чёрного моря // Причерноморье. История, политика, культура. 2017. № 21. С. 23–32.
12. Ирхин А. А., Нелина Л. П. Россия и Турция в Черноморском регионе: диалектика сотрудничества и конкуренции региональных держав после 2014 года // Причерноморье. История, политика, культура. 2020. № 29. С. 21–27.
13. Dinçer M. Montrö Sözleşmesi Bağlamında Karadeniz'de Türkiye-Rusya Ilişkileri // Uluslararası Ilişkiler ve Politika Dergisi. 2023. Cilt 3. № 1. S. 50–67.
14. Демирель Н. Влияние внешней политики Турции в Черноморском регионе на политику глобальных и региональных акторов современного мира // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2020. Т. 20. № 2. С. 236–241.
15. Аватков В. А., Гудев П. А. Геополитика российско-турецких отношений в Черноморском регионе // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2021. Т. 23. № 3. С. 348–363.
16. Erdil B. Yeni Güç Savaşlarının Yeni Karadeniz Stratejeleri // Karadeniz Araştırmaları. 2018. Cilt 15. № 59. S. 106–136.
17. Баранов А. В. Политика Турции в Черноморском регионе: новые тенденции в контексте Украинского кризиса. Севастополь: Черноморское высшее военно-морское училище имени П. С. Нахимова, 2022.

REFERENCES

1. Borkov, A. V ., Ilyin, A. V. (2014). Chernomorskie prolivy i sovetsko-tureckie otnoshenija v 1917–1923 gg. = The Black Sea Passages and the Soviet-Turkish Relations in 1917–1923. In Izvestiya visshikh uchebnikh zavedeniy. Povolzhskiy region. Gumanitarniye nauki, 3(31), 36–47. (In Russ.)
2. Rogov, I. I., Faraponova, T. K. (2019). Russian-Turkish Relations in Retrospective: Geopolitics and Energy. Gosudarstvennoye i municipal'noye upravleniye. In Ucheniye zapiski, 3, 212–217. (In Russ.)

3. Kaygusuz, J. (2017). Turecko-sovetskiye otnosheniya v kontekste mezhdunarodnoy voenno-politicheskoy konfrontacii (1920–1991) = Turkish-Soviet Relations in the Context of International Military-Political Confrontation (1920–1991): PhD in History. Nizhny Novgorod (In Russ.)
4. Shangaraev, R. N., Pospelov, N. V. (2021). Rossiya i Turciya: istoricheskiye osobennosti vzaimodeystviya i perspektivy sotrudnichestva = Russia and Turkey: Historical Features of Interaction and Prospects for Cooperation. In History of Foreign Affairs and External Policy, 4(3), 80–85. (In Russ.)
5. Kamalov, I. (2009). Karadeniz Bölgesindeki Bazı Güncel Sorunlar. Karadeniz Araştırmaları, 6(21), 13–21.
6. Avatkov, V. A. (2020) Vneshnepoliticheskiy kurs Tureckoy Respubliki v ramkakh sovremennoy sistemy mezhdunarodnikh otnosheniy = The Foreign Policy Course of the Turkish Republic Within the Framework of the Modern System of International Relations: Senior Docrorate in Political Science. Moscow. (In Russ.)
7. Zaitsev, I. V., Ulchenko, N. U. (2008) Turciya na rubezhe XX–XXI vv. = Turkey at the Turn of the XX–XXI Centuries. Moscow: Institut Vostokovedenya Rossiiskoy Akademii Nauk. (In Russ.)
8. Yılmaz, M. E. (2010). Soğuk Savaş Sonrası Dönemde Türk-Rus Ilişkileri. In Journal of Management and Economics Research, 8(13), 27–41.
9. Zhiltsov, S. S. (2019). Politika Rossii v Chernomorskom regione: itogi i noviye vizovy = Russian Policy in the Black Sea Region: Results and New Challenges. In Problemi postsovetskogo prostranstva, 2(6), 149–164. (In Russ.)
10. Gubanov, A. S. (2014). Politika bezopasnosti Turcii v Chjornom more: voenno-morskoj aspekt regional'nogo sotrudnichestva i konkurencii = Security Policy of Turkey in the Black Sea: Naval Aspects of Regional Cooperation and Competition. In Ucheniye zapiski Tavricheskogo nacional'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo, 27, 1–2(66), 308–319. (In Russ.)
11. Vartanyan, E. G. (2017). Osnovnye tendencii rossijsko-tureckogo sotrudnichestva v bassejne Chjornogo morja = Main Trends of Russian-Turkish Cooperation in the Black Sea Region. In Prichernomorye. Istoriya, politika, kul'tura, 21, 23–32. (In Russ.)
12. Irkhin, A. A., Nelina, L. P. (2020). Russia and Turkey in the Black Sea Region: Dialectics of Cooperation and Rivalry of the Regional Powers after 2014. Prichernomorye. Istoriya, politika, kul'tura, 29, 21–27. (In Russ.)
13. Dinçer, M. (2023). Montrö Sözleşmesi Bağlamında Karadeniz'de Türkiye-Rusya Ilişkileri. Uluslararası Ilişkiler ve Politika Dergisi, 3(1), 50–67.
14. Demirel, N. (2020) The Influence of Turkish Foreign Policy in the Black Sea Region on the Politics of Global and Regional Actors of the Modern World. Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Sociologia. Politologiya, 2(20), 236–241. (In Russ.)
15. Avatkov, V. A., Gudev, P. A. (2021). Geopolitics of Russian-Turkish Relations in the Black Sea Region. In Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhbi narodov. Seriya: Politologiya, 3(23), 348–363. (In Russ.)
16. Erdil B. (2018). Yeni Güç Savaşlarının Yeni Karadeniz Stratejeleri. Karadeniz Araştırmaları, 15(59), 106–136.
17. Baranov, A. V. (2022). Politika Turcii v Chernomorskom regione: novye tendencii v kontekste Ukrainskovo krizisa = Turkey's Policy in the Black Sea Region: New Trends in the Context of the Ukrainian Crisis. Sevastopol': Chernomorskoye vissheye voenno-morskoye uchilishche imeni P. S. Nahimova. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Поспелов Никита Валерьевич

аспирант Дипломатической академии Министерства иностранных дел Российской Федерации

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Pospelov Nikita Valeryevich

Postgraduate Student of the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation

Статья поступила в редакцию	28.02.2024	The article was submitted
одобрена после рецензирования	21.04.2024	approved after reviewing
принята к публикации	22.04.2024	accepted for publication

Научная статья
УДК 329.1/.6

Концепция государства всеобщего благосостояния в Норвегии и роль Рабочей партии в 1945–1965 и 2021–2024 годах

И. В. Ровинская

Дипломатическая академия Министерства иностранных дел Российской Федерации
Москва, Россия
irinarovinskaya97@gmail.com

Аннотация. В статье рассматривается роль Рабочей партии в становлении и развитии концепции «государства всеобщего благосостояния» в Норвегии. Анализ документов позволил аккумулировать представления Рабочей партии о государстве благосостояния и оценить политику партии в 1945–1965 и в 2021–2024 годах. Сравнительный анализ подходов в политике партии позволяет сделать вывод, что политика благосостояния постулируется как один из основных элементов в эти периоды. Отмечаются противоречия между официальной программой и реальной политикой Партии в 2021–2024 годах.

Ключевые слова: государство всеобщего благосостояния, Норвегия, Рабочая партия Норвегии, внутренняя политика, социальная политика

Для цитирования: Ровинская И. В. Концепция государства всеобщего благосостояния в Норвегии и роль Рабочей партии в 1945–1965 и 2021–2024 годах // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2024. Вып. 2 (855). С. 68–74.

Original article

The Concept of the Welfare State in Norway and the Role of the Workers' Party in 1945–1965 and 2021–2024

Irina V. Rovinskaya

The Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Moscow, Russia
irinarovinskaya97@gmail.com

Abstract. The article examines the role of the Labor Party in the formation and development of the concept of "welfare state" in the Kingdom of Norway. The method of document analysis allowed the accumulation of the Workers' Party's conceptions of the welfare state and an assessment of the party's policy in 1945–1965 and in 2021–2024. A comparative analysis of the approaches of party policy leads to the conclusion that welfare policy is postulated as one of the central elements in these periods. The contradictions between the official program and the actual Party policy in 2021–2024 are noted.

Keywords: welfare state, Norway, Norwegian Labour Party, internal policy, social policy

For citation: Rovinskaya, I. V. (2024). The Concept of the Welfare State in Norway and the Role of the Workers' Party in 1945–1965 and 2021–2024. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Social Sciences, 2(855), 68–74.

ВВЕДЕНИЕ

Государство всеобщего благосостояния в данном контексте применительно к Норвегии – можно рассматривать не только как реализацию концепции, направленной на борьбу с социально-экономическими проблемами начала XX века, но как стремление создать лучшее общество, чья социальная и экономическая безопасность гарантировались бы государством, которое видит общее благо в создании условий для формирования справедливого, тесно интегрированного общества и его процветания.

Королевство Норвегия как независимое государство возникло только в 1905 году. Несмотря на то, что Конституция, структура управления, механизмы принятия решений, основы национальной идентичности оформились еще до расторжения Унии со Швецией, первые 40 лет независимости были связаны с двумя мировыми войнами, постоянными социально-экономическими потрясениями, высоким уровнем безработицы, политическим, экономическим и эмиграционным кризисами и бедностью. После 1945 года норвежскому обществу не были свойственны ностальгические чувства, скорее, было распространено мнение, что послевоенное общество должно быть другим: лучше, чем то, что существовало до войны.

РОЛЬ РАБОЧЕЙ ПАРТИИ

Рабочая партия пребывала у власти в разные периоды (1945–1965; 1973–1981; 1986–1989; 1990–1997) и состояла в коалиции с Социалистической левой (SV) и Центристской партиями (Sp) (2005–2013). В 2021–2025 годы Рабочая партия (Ap) и Центристская партия (Sp) формируют правительство.

Ключевой для норвежского государства благосостояния законодательный акт «О социальном обеспечении»[1] был принят в период нахождения Рабочей партии (Ap) в оппозиции (1945–1965). Партия сыграла ведущую роль в создании социальных и экономических условий, при которых развитие государства всеобщего благосостоянии стало возможным [Зайков, 2007]. Международная кризисная атмосфера, политическая конъюнктура и общественные настроения позволяют сравнить только подходы правительств 1945–1965 и 2021–2025 годов и их отношение к государству благосостояния.

[1]Folketrygdloven: (Lov om folketrygd av 17. juni 1966 nr 12), Oslo: Ad notam Gyldendal, 1995, 143 s.

1945–1965 ГОДЫ: РАЗВИТИЕ ЛУЧШЕГО НОРВЕЖСКОГО ОБЩЕСТВА

1945–1965 годы были связаны с проведением регулярных последовательных реформ в социальной, экономической, налоговой сферах и промышленности, что обусловливалось тем, что быстро восстановить страну можно было, только организовав «умное управление» и следуя конструктивному плану, которым стала программа Рабочей партии 1945 года[2]. «Рабочая партия возрождается как политическое движение, на которое ложится ответственность за восстановление и развитие лучшего норвежского общества»[3].

Важным с экономической точки зрения решением Рабочей партии было сохранение контроля государства над ценами военного времени и нормирование, которое продолжалось до 1960 года, дольше, чем где-либо в Европе [Lange, 1998]. Такая политика социал-демократическая власть позволила:

- реализовать справедливое распределение дефицитных товаров и товаров первой необходимости в условиях сильной нехватки ресурсов на восстановление страны;
- предотвратить превращение норвежского общества в общество потребления;
- направить валюту не на покупку иностранных товаров, а на модернизацию промышленности.

КОМПЛЕКСНЫЙ ПОДХОД, КОНТРОЛЬ И «УМНОЕ УПРАВЛЕНИЕ»

Введение плановой экономики, непопулярных ограничений свободного рынка, а также политика частичной национализации промышленности обеспечили координацию восстановления приоритетных сфер промышленности. Тот факт, что государство кое-где выступало еще и в роли собственника земли и регулировало налогообложение, содействовал как развитию промышленности, так и развитию бизнеса. В стране поддерживалась низкая регулируемая процентная ставка для компаний, чей вид деятельности государство хотело в тот или иной момент сделать приоритетными[4].

Государственное управление производством вводилось в два этапа:

[2]Arbeidsprogram 1945 // Официальный сайт Рабочей партии Норвегии URL: https://res.cloudinary.com/arbeiderpartiet/image/upload/fl_attachment:arbeidsprogram-1945/v1

[3]Там же, с. 1.

4Lie E. Andre verdenskrig som historisk bruddpunkt // Norgeshistorie. Institutt for arkeologi, konservering og historie ved UiO. 2015, November 25. URL: https://www.norgeshistorie.no/velferdsstat-og-vestvending/1822-andre-verdenskrig-som-historisk-bruddpunkt.html

– 1945–1950-е годы: повышение уровня выработки электростанций (в основном ГЭС) и восстановление производств;

– 1960-е годы: перепрофилирование производств под нужды государства при поддержке иностранного капитала.

Взаимодействие государства и бизнеса обеспечили колоссальные темпы экономического роста, а привлечение в 1960-е годы иностранных инвесторов дало Норвегии возможность перейти к непосредственной модернизации страны. Уровень производственных мощностей страны уже в 1950 годы превышал довоенный показатель 1939 года в два раза, а количество трудоустроенных в промышленности к 1950 году возросло на 100 тыс. человек и на 200 тыс. человек – к 1970 году [Hanisch, Lange, 1986].

Помимо обеспечения населения рабочими местами и доходом, перед правительством остро стоял жилищный вопрос. Только в Финнмарке, одной из [на тот момент] 20 губерний, требовалось расселить 60 тыс. человек. Государство участвовало в решении жилищной проблемы, во-первых, как институт, регулирующий налогообложение и ценообразование, во-вторых, как собственник земли и ряда промышленных предприятий, способных обеспечить массовое строительство. В этой связи уже в 1946 году учреждается Жилищный банк, основными задачами которого стали:

1) приобретение нового жилья, сохранение и восстановление имеющегося;
2) безопасность сделок на рынке жилья;
3) поддержание низкой арендной и кредитной ставки;
4) финансирование строительства нового жилья.

Государство также ставило задачу создать новое городское сообщество, поэтому предпочтение отдавалось строительству многоэтажных районов со своей инфраструктурой. Такое строительство по сравнению с одноэтажным способствовало соседскому единению, было компактным и финансово выгодным. Строительство инфраструктуры, а именно – магазинов, школ и садов, а также проведение телефонной и транспортных линий, происходило с большим опозданием. В новых районах, например, в пригородах Осло, к 1949 году проживало 40 тыс. человек, что составляло 10 % населения города, а к 1979 году численность жителей таких районов достигла 195 тыс. человек – 40 % населения Осло [Benum, 1994].

Восстановление промышленности, модернизация, обеспечение страны дешевой гидроэнергией и решение жилищного вопроса сопровождались сокращением безработицы, существенным снижением социальной напряженности в обществе и укреплением политической воли и общественной готовности к дальнейшим социальным и политическим преобразованиям.

Ключевым замыслом Рабочей партии было обеспечение населения максимально возможной защитой от потери дохода [Hanisch, Lange, 1986]. Реализация этой задачи стала возможной благодаря оптимизации налогового законодательства, в основе которого была прогрессивная шкала налогообложения как для физических лиц, так и для бизнеса.

В 1948 году знаменательным событием стало принятие первых поправок в Закон о бедных и его расширение в 1953 году. Закон устанавливал не только возможность получения помощи от государства, но и закреплял систему государственной поддержки, которая увеличивает бюджет индивида, а через государственные структуры способствует его самостоятельному выходу из состояния бедности и стимулирует дальнейшее развитие [Масолыгин, 2022].

Соразмерно экономическому росту страны внимание уделялось постепенному повышению среднего уровня заработной платы, развитию систем пенсионного и социального обеспечения, повышению качества и доступа к услугам здравоохранения и образования [Seip, 1994].

В 1945–1965 годах были существенно расширены пособие на детей (1946), системы страхования по безработице и болезни; введено комплексное страхование от несчастных случаев; полное пенсионное обеспечение по старости (1957) и пенсия по инвалидности (1960). Государство в сотрудничестве с профсоюзами строго контролировало вопросы оплаты труда, проводило политику выравнивания, касающуюся не только сокращения разницы зарплат рядовых сотрудников и начальников, но и мужского и женского персонала. Так к 1970 году разрыв зарплат начальника и подчиненного сократился соответственно в два раза, а мужчины и женщины на 1/4 [Lange, 1998].

Окончание войны, экономические и социальные реформы обусловили рост рождаемости в Норвегии (1945–1960). Это, в свою очередь, стимулировало проведение государством серьезной работы с молодежью: популяризация физической культуры, разнообразные спортивные и творческие секции как инвестиции в здоровье и организованный досуг для послевоенного поколения. Это способствовало гомогенизации общества, росту взаимоуважения и интеграции среди норвежцев[1].

Развивались и системы здравоохранения и образования. В 1945–1965-е годы количество

[1]Olstad F. Fra løkka til organisert idrett // Norgeshistorie. Institutt for arkeologi, konservering og historie ved UiO. 2015, November 25. URL: https://www.norgeshistorie.no/oljealder-og-overflod/1956-fra-lokka-til-organisert-idrett.html

работников этих сфер возросло в три раза, одновременно ужесточались и требования к их компетентности. В 1960-е годы наблюдался рост доли пожилого населения. Забота о пожилых, инвалидах и неспособных к самообеспечению гражданах было делом исключительно их родственников до 1964 года, когда был введен Закон о социальной помощи[1]. Теперь забота о них возлагалась на государство, включая обеспечение их достойными жильем, пенсией, медицинской и иной помощью.

Последние годы правления Рабочей партии были сосредоточены на систематизации мер социальной и экономической поддержки, на снижении нагрузки государства и ее распределении между коммунами-муниципалитетами, которые должны были более или менее уравняться по количеству производственных ресурсов, налоговым поступлениям и населению. В этой связи начало 1960-х годов связано с реструктуризацией коммун и сокращением их числа с 747 до 454. Преобразование учитывало, что новое муниципальное деление должно отражать естественные местные единицы и сообщества, так чтобы новые коммуны стали устойчивыми административными единицами, экономически и социально отвечающими целям государства благосостояния, а их границы должны проходить так, чтобы облегчать управление и распределение ресурсов[2]. Иными словами, создавались лояльные и активные органы местного самоуправления, способные самостоятельно функционировать в рамках государства, оказывая социально-экономические услуги населению.

В 1964 году выл принят первый всеобъемлющий Закон о социальной помощи[3], закрепляющий за коммунами финансирование и предоставление образовательных и здравоохранительных и др. услуг.

Благодаря комплексному подходу Рабочей партии, в основе которого лежали государственный контроль и «умное управление», норвежское общество стало более однородным как с социальной, так и экономической точек зрения. Экономическая и социальная политика Рабочей партии способствовала становлению системы распределения и перераспределения экономических ресурсов, выравниванию доходов населения, сокращению разрыва в уровне жизни. В 1945–1965 годах. Рабочая партия заложила основы системы государства всеобщего благосостояния в Норвегии.

[1]Lov om sosial omsorg // Lovdata URL: https://lovdata.no/dokument/NLO/lov/1964-06-05-2?q=lov om sosialhjelp

[2]Baldersheim H., Formannskapslovene 175 år: skiftande vilkår for lokalt sjølvstyre 1837–2012. Oslo, 2012. Lov om sosial omsorg // Lovdata. URL: https://lovdata.no/dokument/NLO/lov/1964-06-05-2?q=lov om sosialhjelp

[3]Lov om sosial omsorg // Lovdata. URL: https://lovdata.no/dokument/NLO/lov/1964-06-05-2?q=lov om sosialhjelp

КРИЗИСНЫЕ ВРЕМЕНА И ВОЗВРАЩЕНИЕ РАБОЧЕЙ ПАРТИИ

Благодаря политике благосостояния, специфике современной норвежской экономики, ориентированной в значительной степени на нефтегазовые доходы, и способности системы противостоять кризисным явлениям (1970–2000), в 2020-е годы социально-экономическая ситуация в Королевстве Норвегия изменилась в лучшую сторону по сравнению с 1945 годом [Талагаева, Тращенко, 2015]. Однако в преддверии последних выборов в программах на 2021–2025 годы всеми партиями отмечалось «проседание» целого ряда сфер государства всеобщего благосостояния и усугубление демографической ситуации в стране. Помимо внутренних кризисных явлений, Норвегия, будучи европейской страной и членом НАТО, столкнулась с последствиями экономического, энергетического и миграционного кризисов.

На этом фоне в 2021 году коалиция во главе с Рабочей партией пришла к власти, обещая сосредоточится на обеспечении безопасной работы для всех, справедливой экономической системы, универсальных схем социального обеспечения, сильного профсоюзного движения, разумного отношения к природе, климату и природным ресурсам, принадлежащим всему норвежскому обществу[4]. Программа Партии на 2021–2025 годы[5] предлагает в сфере политики благосостояния следующую работу по направлениям:

- *экономика*: обеспечение устойчивой и предсказуемой экономики муниципалитетов для сохранения системы благосостояния;
- *налоговая политика*: предсказуемая налоговая политика, способствующая росту занятости, справедливому обеспечению ресурсов и сохранению в долгосрочной перспективе политики благосостояния;
- *жилищная политика*: организация жилищной программы для молодежи и пожилых людей, а также расширение муниципальных инструментов помощи населению в поиске и приобретении жилья;
- *политика труда*: пересмотр закона об условиях труда, поддержка бизнеса, направленная на создание новых рабочих мест, программы по привлечению молодежи на рабочие места;

[4]Våre grunnleggende verdier // Официальный сайт Рабочей партии Норвегии URL: https://program.arbeiderpartiet.no/de-store-oppgavene-loser-vi-best-sammen/vare-grunnleggende-verdier/

[5]Aps partiprogram 2021-2025 // Официальный сайт Рабочей партии Норвегии URL: https://res.cloudinary.com/arbeiderpartiet/image/upload/fl_attachment:arbeiderpartiets-partiprogram-2021-2025

– *здравоохранение и опека*: строительство новых больниц и увеличение их финансирования; меры по привлечению персонала в сферу здравоохранения и опеки;
– *семейная политика*: проведение качественной реформы, направленной на защиту детей, увеличение пособий на детей, сохранение за ним принципа универсальности, закрепление максимальной стоимости пребывания ребенка в детском саду в размере 3000 крон / мес., бесплатные программы продленного дня для первоклассников;
– *образование*: обеспечение школ необходимыми помещениями и оборудованием, больше практических занятий в школах;
– *пенсионная политика*: увеличение минимального уровня пенсий для одиноких пенсионеров, снижение налога на пенсию.

НА ПРАКТИКЕ

Официальный подход Рабочей партии и ее стремление сохранить государство всеобщего благосостояния не согласуется с ее реальными действиями. За 2021–2023 годы демографическая, миграционная, энергетическая политика и политика труда привели к тому, что в 2023–2024 годы кризис затронул жилищную и экономическую сферы. Так, жилищный кризис характеризуется прежде всего повсеместной нехваткой жилья, ростом цен на покупку и аренду недвижимости, недостаточной юридической защищенностью граждан на рынке жилья и аренды, высокими рисками для девелоперов[1]. Экономические проблемы, в свою очередь, связаны с ростом расходов на содержание системы благосостояния в принципе[2]. При этом заполнять «дыры» в бюджете, среди прочего, было решено за счет сокращения существующих социальных гарантий в стране: введения платного образования для иностранных граждан[3] и отмены бесплатного питания в средней и старшей школах[4].

В таблице 1 представлена демографическая ситуация в стране. Статистика показывает, что при создании системы пенсионного обеспечения в 1950-е годы на одного пенсионера приходилось более семи работников, к 2050-м годам показатель сократится до двух человек на одного пенсионера[5]. При этом в течение 2021–2023 годов не было принято ни одного законодательного акта, направленного на повышение пенсионного возраста (сейчас 67 лет), на стимулирование рождаемости и облегчение сочетания трудовой и семейной жизни (например, через решение проблем с нехваткой детских садов и программ продленного дня и их стоимости).

Первостепенным различием в подходах Рабочей партии 1945–1965 годов и 2021–2025 годов является переход от политики протекционизма к благотворительности в отношениях с другими странами. Особенно это касается энергетической политики, где решение о продаже излишков электроэнергии в Германию и Великобританию в конце 2021 года привело к увеличению внутренних цен на электричество в 6–8 раз в зависимости от региона[6], и миграционной политики, которая стала сокрушительным вызовом для муниципалитетов. Норвегия в 2022–2023 годы принимает около 1000 человек в неделю, что больше, чем суммарно принимает Дания, Швеция и Финляндия. Норвежские муниципалитеты уже разместили более 57 000 беженцев, из которых 50 000 – беженцы из Украины. В 2024 году им предстоит разместить еще 37 000[7]. Прибывших обеспечивают временным жильем, едой, медицинской помощью, а при положительном рассмотрении прошений об убежище мигранты становятся реципиентами политики благосостояния того или иного муниципалитета, проходят обязательную языковую подготовку и наравне с гражданами могут рассчитывать на субсидии, пособия, места в школе для детей и пр.

Неспособность правящей партии урегулировать внутриполитические проблемы, а также сократить давление на экономику страны извне подкрепляется также постоянными фактами свершения должностных преступлений, в том числе действующими министрами. Только за 2023 год с министерской должности была снята министр иностранных дел А. Хюитфельдт (Ар), в отставку

[1]Torp S. Boligpolitikk på villspor // Dagsavisen (2023, July 25) URL: https://www.dagsavisen.no/debatt/2023/07/25/boligpolitikk-pa-villspor/

[2]Statsbudsjettet 2023: Statens inntekter og utgifter // Официальный сайт правительства Норвегии. 2023, October 6. URL: https://www.regjeringen.no/no/statsbudsjett/2023/statsbudsjettet-2023-statens-inntekter-og-utgifter/id2931252/

[3]Trædal T. J. Utenlandske studenter i Norge må betale // aftenposten.no 2022, October 6. URL: https://www.aftenposten.no/norge/i/Knz1j4/utenlandske-studenter-i-norge-maa-betale

[4]Kristiansen A. A., Bergsmo M. H. Over 75000 elever mister gratismåltid neste ar // Aftenposten 2023, Desember 6. URL: https://www.aftenposten.no/norge/politikk/i/pQaPwX/over-75000-elever-mister-gratismaaltid-neste-aar

[5]SSB: Seniorer i Norge // SSB. 2005, Juni 15. URL: https://www.ssb.no/sosiale-forhold-og-kriminalitet/artikler-og-publikasjoner/seniorer-i-norge--36888

[6]Historiske strømpriser // Fjordkraft.no URL: https://www.fjordkraft.no/strom/strompriser/historiske-strompriser/

[7]Ber kommunane busetja 37 000 flyktningar i 2024 // Официальный сайт Правительства Норвегии 2023, November 10. URL: https://www.regjeringen.no/no/aktuelt/ber-kommunane-busetja-37-000-flyktningar-i-2024/id3013821/

Таблица 1

НАСЕЛЕНИЕ НА 2015 ГОД, 2020 ГОД. ТЕНДЕНЦИЯ НА 2040 ГОД И ИЗМЕНЕНИЕ В ПРОЦЕНТНОМ СООТНОШЕНИИ ПО ВОЗРАСТНЫМ ГРУППАМ

Возраст	2015	2020	Изменение, %	Тенденция на 2040	Изменение 2020–2040, %
0–17 лет	1 125 604	1 118 608	-0,6	1 071 854	-4
18–49 лет	2 266 084	2 296 103	1,3	2 252 102	-2
50–66 лет	1 051 373	1 125 449	7,0	1 205 854	7
67–79 лет	502 304	596 710	18,8	819 398	37
80–89 лет	176 933	185 480	4,8	384 167	107
старше 90 лет	43 504	45 230	4,0	108 241	139

ушла министр науки и образования С. Борк (Sp), а в конце 2023 год разгорелся скандал вокруг министра промышленности Я. К. Вестре (Ap).

Сокращение государственного контроля, приоритет внешней политики над внутренней, бездействие в вопросах социально-экономического развития, удорожание жизни при снижении ее качества только усиливают разрыв в уровне жизни населения, увеличивает нагрузку на систему благосостояния и стоимость ее содержания, что сопровождается ростом социального и экономического напряжения в обществе и увеличением числа реципиентов государства благосостояния.

ПОДДЕРЖКА

Такое положение вещей не могло не отразиться на поддержке Рабочей партии. Так, выборы в Стортинг в 2021 году завершились для крупнейших партий следующим образом: Рабочая партия (Ap) 26,3 %, Правая партия (H) 20,4 %, Центристская партия (Sp) 13,5 %, Партия Прогресса (FrP) 11,6 %, другие партии набрали менее 8 %[1]. При этом опросы общественного мнения, проведенные в марте 2024 года, отражают следующую расстановку сил: Правая партия (H) 26,5 %, Рабочая партия (Ap) 18,2 %, Партия Прогресса (FrP) 14,8 %, Центристская партия (Sp) 6,5 %, другие партии набрали менее 6 %[2].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, роль Рабочей партии (Ap) в становлении и современном развитии государства всеобщего благосостояния в 1945–1965 годах трудно недооценить. Проводимая в 1950-е годы политика позволила не только восстановить страну в кратчайшие сроки, но и создать тесно интегрированное общество, где политика благосостояния в течение более полувека рассматривается как неотъемлемый элемент отношений общество – государство. Однако в 2024 году стало очевидно, что Партия проверяет на прочность систему, выстоявшую даже в кризисные 1980–1990 годы. Политика партии в 2021–2024 годы противоречит собственным целям и стремлениям, опубликованным в 2021 году, теряет общественную поддержку и авторитет.

[1]Valgresultat 2021 // NRK.no URL: https://www.nrk.no/valg/2021/resultat/

[2]Gjennomsnitt av nasjonale meningsmålinger om stortingsvalg // pollofpolls.no 2024, March. URL: https://www.pollofpolls.no/?cmd=Stortinget&do=visallesnitt

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Зайков К. С. Норвежская рабочая партия и социал-демократическое движение Норвегии: 1945–1973 гг.: дис. ... канд. ист. наук. Архангельск, 2007.
2. Lange E. Samling om felles mål 1935–1970, Helle K.(red.). Oslo 1998.
3. Hanisch T. J., Lange E. Veien til velstand: industriens utvikling i Norge gjennom 50 år. Oslo. 1986.

4. Benum E. et al. Byråkratienes by: fra 1948 til våre dager / red. S. Langholm, E. Benum, K. Helle. Oslo, 1994.
5. Масолыгин А. В. Инструменты борьбы с бедностью в Норвегии в рамках ее социально-экономического развития в XX–XXI вв. // Экономика зарубежных стран. 2022. № 3–4 (60). URL: https://mirec.mgimo.ru/2022/2022-03/norway-poverty-alleviation
6. Seip A. L. Veiene til velferdsstaten: norsk sosialpolitikk 1920–75. Oslo, 1994.
7. Талагаева Д. А., Тращенко А. А. Роль нефтяных ресурсов северного моря в экономике Норвегии // Вестник МГИМО (У). 2015. № 4 (43). С. 263–270.

REFERENCES

1. Zaykov, K. S. (2007). Norvezhskaya rabochaya partiya i social-demokraticheskoe dvizhenie Norvegii: 1945–1973 gg. = The Norwegian Labour Party and the Social Democratic Movement of Norway: 1945–1973: PhD in History. Arkhangelsk. (In Russ).
2. Lange, E. (1998). Samling om felles mål 1935–1970. Red. Helle K. Oslo.
3. Hanisch, T. J., Lange, E. (1986). Veien til velstand: industriens utvikling i Norge gjennom 50 år. Oslo.
4. Benum, E. (1994). Byråkratienes by: fra 1948 til våre dager. Red. S. Langholm, E. Benum, K. Helle. Oslo.
5. Masolygin, A. V (2022). Poverty alleviation in the framework of socio-economic development of Norway in XX–XXI centuries. In World and National Economy, 3–4(60). https://mirec.mgimo.ru/2022/2022-03/norway-poverty-alleviation (In Russ.).
6. Seip, A. L. (1994). Veiene til velferdsstaten: norsk sosialpolitikk 1920–75. Oslo.
7. Talagaeva, D. A., Trashchenko, A. A. (2015). The role of the North Sea oil resources in Norway´s economy. MGIMO Review of International Relations, 4(43), 263–270.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Ровинская Ирина Владимировна

аспирант Дипломатической академии Министерства иностранных дел Российской Федерации

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Rovinskaya Irina Vladimirovna

Phd Student
of The Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation

Статья поступила в редакцию	25.03.2024	The article was submitted
одобрена после рецензирования	26.04.2024	approved after reviewing
принята к публикации	30.04.2024	accepted for publication

Научная статья
УДК 316.334.3

Исследовательские тренды в изучении проблем непрерывного образования (на примере журнала «Вопросы образования»)

М. О. Бессонова

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
margobes@mail.ru

Аннотация. В статье анализируются тренды развития концепции непрерывного образования, в основе которой лежит идея о том, что не только подрастающее поколение, но и взрослое население может и должно получать новые знания и навыки. Для определения актуальности данной проблематики в современном научном поле были рассмотрены подходы к данному понятию, количественные показатели представленности темы в литературных источниках, а также проанализирована направленность публикаций в академическом рецензируемом журнале «Вопросы образования».

Ключевые слова: непрерывное образование, дополнительное образование, образование взрослых, анализ документов

Для цитирования: Бессонова М. О. Исследовательские тренды в изучении проблем непрерывного образования (на примере журнала «Вопросы образования») // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2024. Вып. 2 (855). С. 75–82.

Original article

Research Trends in the Study of Lifelong Education Problems (case of the Journal «Educational Studies»)

Margarita O. Bessonova

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
margobes@mail.ru

Abstract. The article explores the trends in the development of the concept of lifelong education, which is based on the idea that not only the younger generation, but also the adult population can and should receive new knowledge and skills. To determine the relevance of this issue in the modern scientific field, approaches to this concept, quantitative indicators of the topic's representation in literary sources were considered, and the directions of publications in the academic peer-reviewed journal «Educational Studies Moscow» were analyzed.

Keywords: lifelong education, additional education, adult education, document analysis

For citation: Bessonova M. O. 2024. Research trends in the study of lifelong education problems (case of the Journal «Educational Studies»). Vestnik of Moscow State Linguistic University. Social Sciences, 2(855), 75–82.

ВВЕДЕНИЕ

Развитие теоретических основ непрерывности образовательного процесса имеет давние традиции – они закладывались и формировались на протяжении всего XX века, постоянно актуализируя идею пожизненного обучения. Так, сегодня исследователи под непрерывным образованием понимают «учебные действия, реализуемые на протяжении всей жизни человека, с целью улучшения его знаний, навыков и компетенций в рамках личной, гражданской, социальной и / или трудовой занятости» [Коршунов, Гапонова, Пешкова, 2019, с. 24]. Важно понимать, что мир изменчив и скорость возникающих перемен растет. По мнению экспертов, это, в свою очередь, приводит к тому, что нужно «постоянно развиваться, учиться жить по-новому и получать те знания, которые будут применимы в будущем» [Атлас новых профессий 3.0, 2020, с. 9], что и повышает актуальность не только участия в процессе, но и исследования непрерывного образования.

ОСНОВНЫЕ ПОДХОДЫ К ПОНЯТИЮ «НЕПРЕРЫВНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ»

Предположим, что одной из ключевых предпосылок формирования интереса к непрерывному образованию в *научно-практическом* аспекте послужил доклад французского общественного деятеля Э. Фора, опубликованный Юнеско в 1972 году. Данный документ частно рассматривается как один из первых *официальных подходов* к анализу системы образования и его места в современном мире, а также выявлению проблематики обучения взрослых как неотъемлемого элемента жизненного пути личности [Field, Leicester, 2002; Learning to be: the world of education today and tomorrow, 1972].

Англоязычный вариант термина «непрерывное образование» (*lifelong learning*), исходя из своего содержания, предполагает «пожизненное» обучение, т. е. образование не только на «втором этапе детства» и начале подросткового возраста, но и на протяжении всего периода взрослой жизни. Таким образом, образование взрослых большинством исследователей рассматривается в виде различных форм *дополнительного образования*.

Идеи продолженного образования людей во взрослом сознательном возрасте затрагивалась исследователями еще в начале XX века. Так, например, английский исследователь Б. Йексли, несмотря на сомнения некоторых ученых относительно значимости этого социального явления, считал, что *взрослое образование* нельзя определить только как хобби или роскошь для отдельных групп населения, оно неотделимо от обычной жизни так же, как и физиологические потребности личности. Развивая идеи «образования взрослых», Б. Йексли приходит к выводу о том, что сама человеческая природа «создает голод и необходимость в явлении *пожизненного образования* (*lifetime education*)» [Yeaxlee, 1929, с. 27].

Таким образом, была продемонстрирована связь преемственности и взаимообусловленности двух взаимосвязанных видов образования: дополнительного и непрерывного.

Интересно отметить, что термин «непрерывное образование» в советский период одним из первых использовал военно-морской теоретик Н. Л. Кладо. Согласно его заключению, концепции непрерывного образования следовал великий российский полководец А. В. Суворов, который считал, что достойным военачальником можно стать, только постоянно изучая труды выдающихся исторических личностей: «Генералу … необходимо непрерывное образование себя науками с помощью чтениев» [Кладо, 1919, с. 138].

Как уже отмечалось ранее, интерес к идее «непрерывности» образования в СССР получил новый стимул к развитию с начала 1980-х годов, когда необходимость непрерывного обучения диктовалась требованиями научно-технического прогресса в ликвидации разрыва между индивидуальным потенциалом работника и требованиями к его должностной модели путем повышения уровня квалификации индивида. В качестве основных направлений рассматривались самостоятельная учеба, а также обучение внутри организации [Тваринавичюс, 1982]. Данная модель индивидуально-институционального дополнительного образования реализовывалась практически на протяжении всего советского периода.

Современный функционал непрерывного образования наиболее последовательно был представлен в известной работе американского социолога и культуролога Э. Тоффлера «Шок будущего». Он, в частности, утверждал, что в информационном обществе каждый человек должен научиться работать с информацией, оценивать ее достоверность и анализировать, так как в будущем неграмотным будет считаться не тот, кто не умеет читать, а тот, кто не знает, как учиться. Э. Тоффлер проводит связь между ускоряющимся темпом жизни и необходимостью развития способностей индивида адаптироваться к нему, «уметь учиться, разучиваться и переучиваться» [Toffler, 1970, с. 414]. Данная идея легла в основу современной концепции «непрерывности» образования.

Новые технологии порождают новые знания и требуют обновления уже приобретенных навыков. В результате взрослые индивиды выступают такой

же целевой группой для системы образования, как и детская аудитория. Однако важно учитывать существенные различия в содержании обучения детей и взрослых. Если детское и юношеское образование строго контролируется традиционными институтами и агентами социализации, то интеллектуальные стремления уже состоявшихся личностей менее формализованы [Lindeman, 1926, с. 27–30]. В последнем случае получение образования перестает выступать некоторой обязанностью индивида и становится его персональным выбором. Соответственно, взрослый человек несет самостоятельную ответственность за получение знаний, навыков и умений и их практическое применение в реальной жизни.

Однако роль государства и его институтов в предоставлении и реализации таких возможностей в виде реализации функций вторичной социализации рассматривается двояко. С одной стороны, государство, как основной субъект, заинтересованный в перманентном повышении квалификации экономически активного населения, должно создавать для этого определенные условия любому желающему. Соответственно, каждый гражданин имеет определенные права для повышения своей квалификации. С другой – постепенно ***право*** трансформировалось в ***обязанность***, что определенным образом снимает долю ответственности с органов власти. Таким образом, поддержание непрерывности своего обучения полностью становится задачей самого индивида [Biesta, 2022]. Это еще раз подтверждает, что мотивация к продолженному образованию, в первую очередь, базируется на личностных интересах и ценностных ориентациях взрослого населения.

Отдельно следует обратить внимание на функции, которые выполняет непрерывное образование в обществе. Так, согласно одному из подходов, оно в течение всей жизни может способствовать развитию и распространению социального и человеческого капитала [Holford, 2008]. В социальном плане дополнительное образование как часть непрерывного образовательного процесса определенным образом способствует сплочению людей, их объединению в общем стремлении к самосовершенствованию и повышению профессиональной квалификации. В этой связи интересна теория «человеческого капитала», предложенная А. Смитом, который полагал, что основной капитал включает не только средства производства, но и приобретенные, полезные способности всех членов общества [Smith, 2005]. Другими словами, «человеческий капитал» является необходимым «драйвером» развития любого общества. Перманентный процесс обучения позволяет каждому специалисту обновлять и совершенствовать свои профессиональные знания, навыки и умения. И ключевая роль принадлежит институту дополнительного образования.

Опираясь на современные подходы к определению концепции «непрерывности», можно обратить внимание на существование трех ключевых точек зрения на данное явление [Мальчукова, 2023]:

1. Непрерывное образование как образование на протяжении всей жизни (lifelong learning).
2. Непрерывное образование как образование взрослых.
3. Непрерывное образование как непрерывное профессиональное образование.

Наиболее общим принято выделять первый концепт, который охватывает весь жизненный путь человека и включает как обязательное (государственное) образование, так и внеклассные занятия. Другие два пункта больше ориентируются именно на категорию *дополнительного образования* (как элемента непрерывного образования), которые соотносятся со следующими направлениями, выделяемыми исследователями. Первый сегмент, который можно определить как профессиональный аспект, в первую очередь, ориентируется на практическую пользу обучения и рассматривает его в контексте экономического поля. Другими словами, цель дополнительного образования компенсировать разрыв между уровнем образованием и бизнесом с позиции формирования и развития знаний и компетенций для профессионального роста [Завгородняя, Рыбина, 2019]. Вторая сторона исследований концентрирует внимание на личностном компоненте учебного процесса [Горшков, Ключарев, 2011]. Другими словами, дополнительное образование может, с одной стороны, способствовать построению профессиональных траекторий, с другой – стимулировать интерес к всесторонней социализации человека. Такой подход наглядно иллюстрируется идеей Э. Гидденса о том, что, хотя развитие трудовых навыков в рамках конкретной специальности и необходимо, расширение когнитивных и эмоциональных компетенций является гораздо более важным для самого человека [Giddens, 1998, с. 126–127].

ОСВЕЩЕНИЕ ПРОБЛЕМ «НЕПРЕРЫВНОГО ОБРАЗОВАНИЯ» В НАУЧНОЙ ПЕРИОДИКЕ

Для понимания того, как исследуется явление «непрерывного образования» в научном поле, можно обратиться к анализу документов, а точнее литературных источников. Так, например, американские исследователи Дж. Филд и М. Лестер изучили статистику публикаций в базе онлайн-библиотеки ERIC (Education Resources Information Center). В период 1930–1980-х годов по проблемам непрерывного

образования (по их данным) в среднем публиковалось около 30 работ в год, а в 1980–1990-е годы этот показатель вырос более чем в три раза (более 100 работ в год) [Field, Leicester, 2002].

В отечественном обществознании в течение XX века и начале XXI века фиксируется устойчивый рост внимания к данной проблематике. Это подтверждается проведенным анализом электронных ресурсов Российской государственной библиотеки им. В. И. Ленина (табл. 1).

Показательны сравнительные данные 1900–1990 годы, когда только за последнее десятилетие (1981–1990) количество источников превышает значения всего предыдущего 80-летнего периода. В последующие же два десятилетия (1991–2000; 2001–2010) наблюдается рост, соответственно, в три и почти в пять раз. Это, прежде всего, связано с процессом развития новых информационных и коммуникационных технологий, в том числе появившихся возможностей для дистанционного обучения, когда идеи непрерывного образования получили новый импульс для развития.

Однако в последнее десятилетие (2011–2020) отмечается некоторое снижение объемов публикационной активности по исследуемой тематике, что может свидетельствовать об определенной перенасыщенности проблематики непрерывного образования в отечественной литературе. Для примера и проверки этой гипотезы был осуществлен анализ публикаций в специализированном ежеквартальном журнале «Вопросы образования» (издатель: Высшая школа экономики, НИУ ВШЭ)[1]. Издание индексируется в международных и российских базах данных, в том числе в Scopus (Q2) и РИНЦ (К-1), что свидетельствует о его высоком экспертном статусе в области образования.

[1]О журнале // Вопросы образования, 2024. URL: https://vo.hse.ru/index.php/vo/aboutJournal

Для анализа были отобраны все номера (выпуски) журнала за двадцатилетний период его функционирования (2004–2023): 80 номеров, содержащих в совокупности 1208 статей. Опубликованные материалы отличаются широким жанровым и тематическим разнообразием по различным аспектам образования. Кроме того, авторский состав публикаций представлен не только отечественными, но и зарубежными исследователями образовательной проблематики. Наличие специальной рубрики с рецензиями на вышедшие работы позволяет отслеживать последние тренды в развитии данной исследовательской области.

Рассматривая динамику публикаций журнала, следует обратить внимание на постепенное снижение ежегодного количества статей (рис. 1).

Здесь возможно действие, как минимум, двух факторов: 1) изменений в редакционной политике, связанных как с повышением требований к поступающим материалам (рецензирование, отбор), к отбору авторов – желанием представить экспертное мнение признанных авторитетов в сфере исследования проблем образования, так и с прагматическими целями сокращения расходов на издание путем уменьшения объема печатных листов; 2) с определенным снижением внимания исследователей к проблемам образования.

Несмотря на сформированный достаточно пессимистичный прогноз о существующей вероятности продолжения тренда к снижению количества публикаций, можно предположить, что изменения, которые будут происходить в ближайшие несколько лет в реформируемой системе образования (прежде всего, высшего), послужат триггером и повысят заинтересованность исследователей данным научным полем. Схожая ситуация наблюдалась в 2020–2021 годах, когда из-за пандемии широкое распространение получило дистанционное обучение в виде онлайн-образования. И, соответственно, возрос

Таблица 1

РЕЗУЛЬТАТЫ ПОИСКА В РЕСУРСНОЙ БАЗЕ РГБ ПО КЛЮЧЕВОМУ ТЕРМИНУ «НЕПРЕРЫВНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ»

Период времени (годы)	Количество книжных единиц		Период времени (годы)	Количество книжных единиц
1900–1910	1 844		1961–1970	3 347
1911–1920	1 322		1971–1980	2 113
1921–1930	2 592		1981–1990	17 402
1931–1940	2 633		1991–2000	54 513
1941–1950	1 639		2001–2010	259 704
1951–1960	2 652		2011–2020	242 783

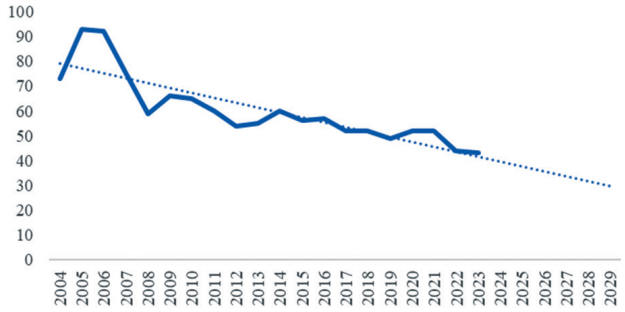

Рис. 1. Динамика количества статей в ежегодных выпусках журнала «Вопросы образования» (НИУ ВШЭ)

исследовательский интерес к изучению этого явления. Следует упомянуть, что данная тема встречалась и в более ранние годы. Можно предположить, что рассматриваемый тренд рано или поздно стал бы популярным независимо от ситуации в мире, тем не менее введенные ограничения способствовали ускорению процесса адаптации и внедрения модернизированного формата получения знаний, что сделало онлайн-образование одним из наиболее обсуждаемых направлений для изучения.

Таким образом, в условиях турбулентности международных отношений и процессов возможны и другие трудно прогнозируемые изменения в образовательной сфере. Например, сначала отказ от советской модели образования и замещение ее Болонской системой, а затем попытки создания отечественной модели, основанной как на советском, так и современном российском опыте. Всё это требует изучения и научного анализа. В связи с этим можно предположить определенный рост публикаций по данной проблематике.

Прежде чем перейти к анализу освещения проблем непрерывного и дополнительного образования, отметим некоторые общие тенденции в развитии данного периодического издания.

Во-первых, несмотря на то что абсолютное большинство публикаций принадлежит отечественным авторам, до 2022 года доля зарубежных публикаций стабильно составляла 1/5 часть (авторы из США, Бразилии, Польши, Казахстана, Ямайки и др.), а также практиковалась публикация переводов оригинальных статей и интервью ведущих мировых экспертов. Начиная с 2022 года произошло сокращение таких материалов, а процент отечественных публикаций вырос до 90 %.

Во-вторых, помимо сокращения зарубежного представительства изменилась и структура таких публикаций – можно отметить, что переводы и интервью постепенно заменялись полноценными статьями зарубежных авторов. Другими словами, процент иностранных исследователей сохранялся в содержании журнала, но в несколько ином формате. Однако необходимо отметить существенное сокращение количества зарубежных статей в 2022–2023 годах. Вероятно, это связано с политической ситуацией в мире, которая оказывает влияние и на другие сферы общества.

В-третьих, начиная с 2010 года, регулярно стали публиковаться материалы в рубриках: «Рецензия на книгу», «Комментарии к выступлению», «Вступительное слово к труду», содержащих элементы дискуссии и критического анализа новых и опубликованных ранее научных работ. Это значительно расширяет возможности для понимания читателями журнала новых тенденций в сфере образования.

Рассматривая содержание номеров журнала, можно утверждать, что важная для нашего исследования проблема непрерывного и дополнительного образования не является ключевой для издания. Около половины публикаций ежегодно посвящается двум основным областям исследования: высшее образование и систематическое образование детей (дошкольное и школьное). К последнему также относятся единичные материалы по проблемам внешкольной занятости детей.

Статьи, рассматривающие проблему дополнительного образования взрослых или обучение в течение всей жизни, публикуются достаточно редко. Так, только 21 статья за 20 лет существования журнала затрагивала тематику «непрерывного» или «дополнительного» образования в заголовках и / или ключевых словах. Это составляет менее 2 % от всех публикаций. Наибольшее количество публикаций пришлось на период 2009–2018 годы – 18 публикаций (максимальное количество статей за год (4 материала) было выпущено в 2009 году). Данная проблематика рассматривалась преимущественно в аспектах неравенства, эффективности, профессиональных компетенций и т. д.

Проиллюстрируем на примерах содержание отдельных характерных для данного издания статей. Так, одна из публикаций анализирует термин «взрослость» с точки зрения науки андрагогики (теории образования взрослых). Доктор педагогических

наук С. Г. Вершловский, анализируя проблемы «взрослости» через включение индивидов в трудовую деятельность, рассматривает самообразование как дополнительную учебную деятельность и как возможность выхода из профессионального кризиса, в котором может оказаться каждый работник. По результатам эмпирического исследования, автор делает вывод, что потребители зачастую предпочитают самостоятельно контролировать и организовывать свое обучение, так как такой формат «неформального» образования более подвижный и в большей степени удовлетворяет потребности специалистов, чем институциональное или «формальное», т. е. основанное на конкретных нормативах и процедурах, системе статусов и ролей [Вершловский, 2013].

Данная публикация интересна тем, что описывает проблематику непрерывного образования как аспект изучения взрослого населения в целом. Это иллюстрирует один из описанных ранее существующих современных подходов к пониманию термина «непрерывности».

Другая статья демонстрирует результаты исследований, посвященных дополнительному профессиональному образованию. Несмотря на заключительный вывод об отсутствии единой методологии для анализа непрерывного образования, автор приводит большое количество статистических данных, иллюстрирующих состояние рынка дополнительных образовательных услуг на момент выхода публикации. Результаты исследований позволили выявить различия в показателях вовлеченности в дополнительное профессиональное образование среди возрастных групп и отраслей экономики. Один из таких выводов заключается в том, что дополнительное образование больше ориентируется на молодежную аудиторию: более половины опрошенных в возрасте от 25 до 39 лет получали дополнительное образование в течение последних пяти лет, в то время как после 60 лет этот показатель составил только около 30 % [Каравай, 2016]. Таким образом, если предыдущий материал рассматривал педагогический аспект проблемы, то данный сосредоточен на анализе экономических факторов обучения сотрудников в контексте непрерывного образования.

Перекликается с ним по содержанию и статья, касающаяся проблем дополнительного образования взрослых в контексте общего роста экономической сферы и индивидуального развития работников. Особый акцент здесь сделан на рассмотрении мер государственной поддержки, стимулирующих интерес, прежде всего, работающего населения в повышении и совершенствовании своих трудовых навыков и осознании их значимости для рынка труда [Коршунов, Гапонова, 2017].

Помимо темы непрерывного и дополнительного образования в журнале встречались публикации, затрагивающие проблемы рынка труда и возможности для профессионального роста на примере педагогов (школы / вуза). Такой подход также представляет определенный интерес для исследования, так как он рассматривает уровень квалификации сотрудников образовательных учреждений как фактор, влияющий на удовлетворенность их работой, мотивацию, а также на экономические факторы (в том числе уровень оплаты труда). Таким образом, на страницах издания отражены следующие тенденции, свойственные современному анализу проблем «непрерывности» образования.

Во-первых, концепция «непрерывности» характеризуется низким уровнем представленности в тематике журнала.

Во-вторых, в выделенных публикациях наблюдается рассмотрение преимущественно только одного его аспекта – дополнительного (профессионального) образования взрослого населения в виде повышения квалификации, профессионального развития и обучения.

В-третьих, отсутствует комплексный подход к описанию проблемы, она в основном анализируется в рамках влияния либо педагогического, либо экономического факторов на удовлетворенность работников условиями и результатами своего труда.

Однако важно уточнить, что выявленные черты, в первую очередь, характерны именно для рассматриваемого издания и не следует делать обобщенные выводы. Тем не менее основываясь на качественном анализе, можно проследить тенденции дальнейшего изучения проблематики, в том числе посредством и других методов.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Изучение проблем «непрерывного образования» имеет давнюю исследовательскую традицию, любые новации в социально-экономической и общественно-политической сферах неизбежно привлекали внимание к совершенствованию профессиональных знаний, умений и навыков экономически активного населения, а, следовательно, способствовали повышению исследовательского интереса к этой сфере.

Вместе с тем на определенном этапе произошло «насыщение» теоретическими концепциями, методологическими и методическими наработками в данной области, что привело к относительному снижению исследований по интересующей нас проблематике. Исследования «непрерывности» в образовательном процессе в настоящее время в основном ограничиваются сегментом

дополнительного профессионального образования в различных сферах трудовой деятельности.

Наиболее перспективным представляется комплексный подход к изучению данной тематики, но пока мало исследований отвечают его требованиям. Определенные перспективы связаны с социологическим анализом проблемы непрерывного образования.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Коршунов И. А., Гапонова О. С., Пешкова В. М. Век живи – век учись: непрерывное образование в России : монография / под ред. И. Д. Фрумина, И. А. Коршунова. М.: Издат. дом Высшей школы экономики, 2019.
2. Атлас новых профессий 3.0. / Д. Судаков, Е. Виноградов, Д. Варламова [и др.] ; под ред. Д. Варламовой, Д. Судакова. М.: Альпина Паблишер, 2020.
3. Field J., Leicester M. Lifelong Learning: Education Across the Lifespan // Taylor & Francis, London, 2002.
4. Learning to be : The world of education today a. tomorrow / Edgar Faure, Felipe Herrera, Abdul-Razzak Kaddoura et al. Paris : UNESCO ; London : Harrap, 1972.
5. Yeaxlee B. A. Lifelong Education // Cassell and Company, LTD, 1929.
6. Кладо Н. Этюды по стратегии // Морской сборник. 1919. Т. CDVII. № 1. С. 117–145.
7. Тваринавичюс П. Непрерывное обучение: настоящее и перспективы // Коммунист. Вильнюс: Изд-во ЦК КП Литвы, 1982. № 5 (695). С. 59–65.
8. Toffler A. Future Shock. Toronto ; New York: Bantam, 1970.
9. Lindeman E. The Meaning of Adult Education. New York : New Republic, inc. 1926.
10. Biesta G. Reclaiming a future that has not yet been: The Faure report, UNESCO's humanism and the need for the emancipation of education // International Review of Education. 2022. Vol. 68. P. 655–672.
11. Holford J. Patterns of Lifelong Learning: Policy & Practice in an Expanding Europe. Vienna: LitVerlag. 2008.
12. Smith A. An inquiry into the nature and causes of the wealth of nations // An Electronic Classics Series Publication, 2005. URL: https://www.rrojasdatabank.info/Wealth-Nations.pdf
13. Мальчукова Н. Н. Основы непрерывного профессионального образования : учебное пособие. Тюмень : ГАУ Северного Зауралья, 2023.
14. Завгородняя А. В., Рыбина В. Б. Непрерывное образование: вчера, сегодня, завтра // Непрерывное образование: новые реальности. СПб. : Изд-во СПбГЭУ, 2019. С. 31–39.
15. Горшков М. К., Ключарев Г. А. Непрерывное образование в контексте модернизации. М.: ИС РАН, ФГНУ ЦСИ, 2011.
16. Giddens A. The third way: the renewal of social democracy. Malden, Mass. : Polity Press. 1998.
17. Вершловский С. Взрослость как категория андрагогики // Вопросы образования. 2013. Вып. 2. С. 285–297.
18. Каравай А. Включенность работающих россиян в получение дополнительного профессионального образования // Вопросы образования / Educational Studies Moscow, 2016. Вып. 4. С. 123–143.
19. Коршунов И., Гапонова О. Непрерывное образование взрослых в контексте экономического развития и качества государственного управления // Вопросы образования / Educational Studies Moscow. 2017. Вып. 4. С. 36–59.

REFERENCES

1. Frumin, I. D., Korshunova, I. A. (Ed.). (2019). Vek zhivi — vek uchis: nepreryvnoe obrazovanie v Rossii = Live for a century — learn for a century: lifelong education in Russia. M. : Izd. dom Vysshej shkoly ekonomiki. (In Russ.)
2. Varlamova, D., Sudakov, D. (Eds.). (2020). Atlas novyh professij 3.0. = Atlas of New Professions 3.0. Moscow: Intellektualnaya Literatura. (In Russ.)
3. Field, J., Leicester, M. (2002). Lifelong Learning: Education Across the Lifespan. Taylor & Francis, London.
4. Learning to be: the world of education today and tomorrow. (1972). Edgar Faure, Felipe Herrera, Abdul-Razzak Kaddoura et al. Paris : UNESCO ; London : Harrap.
5. Yeaxlee, B. A. (1929). Lifelong Education. Cassell and Company, LTD.
6. Klado, N. (1919). Etyudy po strategii = Studies on strategy. In Morskoj sbornik. CDVII, 1, 117–145. (In Russ.)
7. Tvarinavichyus, P. (1982). Nepreryvnoe obuchenie: nastoyashchee i perspektivy = Lifelong learning: the present and prospects. In Kommunist. Vil'nyus: Izdatel'stvo CK KP Litvy, 5(695), 59–65. (In Russ.)
8. Toffler, A. (1970). Future Shock. A Bantam Book, Random House, Inc.
9. Lindeman, E. (1926). The Meaning of Adult Education. New York : New Republic, inc.

10. Biesta, G. (2022). Reclaiming a future that has not yet been: The Faure report, UNESCO's humanism and the need for the emancipation of education. International Review of Education, 68, 655–672.
11. Holford, J. (2008). Patterns of Lifelong Learning: Policy & Practice in an Expanding Europe. Vienna: LitVerlag.
12. Smith, A. (2005). An inquiry into the nature and causes of the wealth of nations. An Electronic Classics Series Publication. https://www.rrojasdatabank.info/Wealth-Nations.pdf
13. Malchukova, N. N. (2023). Osnovy nepreryvnogo professionalnogo obrazovaniya : uchebnoe posobie = Fundamentals of lifelong professional education : textbook. Tyumen: GAU Severnogo Zauralya.
14. Zavgorodnyaya, A. V., Rybina, V. B. (2019). Nepreryvnoe obrazovanie: vchera, segodnya, zavtra = Lifelong education: yesterday, today, tomorrow (pp. 31–39). Nepreryvnoe obrazovanie: novye realnosti. SPb.: Izd-vo SPbGEU. (In Russ.)
15. Gorshkov, M. K., Klyucharev, G. A. (2011). Nepreryvnoe obrazovanie v kontekste modernizacii = Lifelong education in the context of modernization. M.: IS RAN, FGNU CSI. (In Russ.)
16. Giddens, A. (1998). The third way: the renewal of social democracy. Malden, Mass.: Polity Press.
17. Vershlovskij, S. (2013). Vzroslost kak kategoriya andragogiki = Adulthood as a category of andragogy. In Voprosy obrazovaniya. Educational Studies Moscow, 2, 285–298. (In Russ.)
18. Karavaj, A. (2016). Vklyuchennost rabotayushchih rossiyan v poluchenie dopolnitelnogo professionalnogo obrazovaniya = The involvement of working Russians in obtaining additional professional education. In Voprosy obrazovaniya. Educational Studies Moscow, 4, 123–143. (In Russ.)
19. Korshunov, I., Gaponova, O. (2017). Nepreryvnoe obrazovanie vzroslyh v kontekste ekonomicheskogo razvitiya i kachestva gosudarstvennogo upravleniya. In Voprosy obrazovaniya. Educational Studies Moscow, 4, 36–59. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Бессонова Маргарита Олеговна

аспирант кафедры социологии
Института международных отношений и социально-политических наук
Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Bessonova Margarita Olegovna

PhD Student of the Department of Sociology
Institute of International Relations and Social and Political Sciences
Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию	28.03.2024	The article was submitted
одобрена после рецензирования	18.04.2024	approved after reviewing
принята к публикации	20.04.2024	accepted for publication

Научная статья
УДК 316. 344. 6

Социологическое осмысление медикализации возраста пожилых людей в рамках повседневных взаимодействий

К. А. Галкин

Социологический институт Российской академии наук – филиал Федерального научно-исследовательского центра Российской академии наук, Санкт-Петербург, Россия
Kgalkin1989@mail.ru

Аннотация. В настоящей статье рассматривается медикализация жизненного цикла старения в рамках повседневных практик взаимодействия пожилых людей со средним медицинским персоналом, врачами и социальными работниками. На основании тематического анализа нами обозначены три субъективных дискурса (дискурс профессиональной заботы «Медицинский персонал – пациент», дискурс экспертности; «врач – пожилой человек», дискурс комфортной заботы; «социальный работник – пожилой человек»), которые позволили определить, как происходит смена представлений о медикализации в целом.

Ключевые слова: пожилые люди, медикализация возраста, старение, повседневность пожилых людей, эффект от медикализации, коммуникация пожилых людей с врачами, коммуникация пожилых людей с социальными работниками

Для цитирования: Галкин К. А. Социологическое осмысление медикализации возраста пожилых людей в рамках повседневных взаимодействий // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2024. Вып. 2 (855). С. 83–88.

Original article

Sociological Understanding of the Medicalization of the Age of the Older in the Framework of Everyday Interactions

Konstantin A. Galkin

Sociological Institute of the Russian Academy of Sciences – a branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Saint-Petersburg, Russia

Abstract. In this article, we consider the medicalization of the aging life cycle within the framework of everyday practices of interaction between older people and nursing staff, doctors and social workers. Based on the thematic analysis, we have identified three subjective discourses that allowed us to determine how the ideas about medicalization in general change (the discourse of professional care «medical staff – patient»; the discourse of expertise. «a doctor / older person», a discourse of comfortable care; «a social worker / older person»).

Keywords: older people, medicalization of age, aging, everyday life of the older, the effect of medicalization, communication of the older with doctors, communication of the older with social workers

For citation: Galkin, K. A. (2024). Sociological understanding of the medicalization of the age of the older in the framework of everyday interactions. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Social Sciences, 2(855), 83–88.

ВВЕДЕНИЕ

Изменения отношения к возрасту и старению подразумевают политику активного долголетия, расширение возможностей для пожилых людей, их интеграцию в социальную жизнь [Walker, 2002]. Пандемия COVID-19 также задала негативные стереотипы рассмотрения возраста [Petretto, Pili, 2020; Григорьева, Богданова, 2020].

Исследования, рассматривающие концепт «медикализация» пожилых людей, анализируют его как с позиции самого пожилого человека, так и с позиции медицинских и социальных работников [Greil et. al, 2020; Binney, Estes, Ingman, 1990; Conrad, 1992]. С помощью различных направлений и методов важным и перспективным является исследование «медикализации» как особой модели взаимодействия с пожилым человеком, отличительными чертами которой выступает особая коммуникация с пожилыми людьми [Zola, 2017]. Классическим контекстом медикализации можно назвать понимание возраста пожилых людей как времени старости и немощи [Wallace, Estes, 2020; Soldo, Freedman, 1994].

До пандемии в рамках концепции активного долголетия был сформирован образ пожилых людей как активных субъектов, не нуждающихся в постоянной поддержке и заботе. Но, пандемия COVID-19 вернула прежнее понимание возраста, не как времени активностей, а как времени угроз и проблем со здоровьем. И образ пожилого человека стал ассоциироваться вновь с медициной и лечением.

Пожилые рассматриваются во многих странах и культурах как немощные люди, и этот стереотип довольно устойчив. При этом часто сами пожилые люди воспринимают медикализацию своего возраста как неуважительное отношение в свой адрес, что безусловно сказывается на их психологическим самочувствии. Стало быть, медикализация возраста может быть рассмотрена с позиции жесткого обращения с пожилыми людьми.

Цель настоящего исследования – *анализ медикализации* пожилых людей в рамках взаимодействия с медицинскими сестрами, врачами и социальными работниками.

ОБЗОР ИССЛЕДОВАНИЙ

Концепт «медикализация», понимаемый как описание гегемонии, доминирования медицины над всеми сферами общественной жизни, имеет как позитивные, так и негативные свойства. Одним из наиболее проблемных последствий медикализации выступает формирование экспертного доминирования в медицине и, как следствие, развитие полного контроля этой сферы над другими направлениями, что в итоге определяет низкую врачебную культуру, которая сказывается на налаживании эффективного диалога медицинских работников с пациентами [Lock, 2003; Nye, 2003].

Мишель Фуко описывает медикализацию как особую медицинскую технологию, которая рождает особое искусство управления [Самовольнова, 2017]. Биовласть в классических трактовках М. Фуко осуществляет надзор над рождаемостью и смертностью. Именно биовласть создает для людей определенные стандарты, в которые интегрируется телесность и происходит контроль самой телесности. С позиции М. Фуко, медикализация выступает главным инструментом, маркером экспертности и контроля медицины над человеческими телами [MacKinnon, 2018; Powell, 2019]. При этом концепт медикализации, рассмотренный в исследованиях М. Фуко, представляется не просто как концепт, связанный с жизнью конкретных индивидов, а как инструмент социального и политического контроля над обществом через экспертное регулирование медициной всех необходимых процессов. Возможность надзирать и контролировать, определять инвалидность и констатировать смерть людей, а также хронологически задавать параметры определенного жизненного цикла, к примеру, задавая рамки старения населения и специфику возраста, контролируется в обществе через медикализацию и создание определенных образов, стандартов соответствия тем или иным возрастным параметрам.

Следовательно, рассматривая медикализацию жизненного цикла старения с позиции идеи биополитики и контроля, предложенной М. Фуко, целесообразнее всего использовать тот дискурс медикализации, который призван легитимизировать существующий властный порядок относительно возраста пожилых людей, помещать жизненный цикл возраста в логику риска, а также (из-за подверженности пожилых людей различным заболеваниям) создавать постоянный контроль над их жизнью, в целом воспринимать сам жизненный цикл старения как время постоянных и возникающих болезней, как время, требующее постоянной заботы [Bond et. al., 2002; Bernabeu-Wittel et. al., 2021].

В рамках настоящего исследования – с учетом выбранных методов и стратегий – мы останавливаемся на описании субъективных особенностей понимания проблемы медикализации пожилыми людьми со стороны врачей, медицинского персонала и социальных работников, рассматриваем различное отношение к вопросу медикализации с двух сторон: с позиции экспертных акторов и с позиции пожилых людей. Мы преимущественно характеризуем различия в создании субъективных смыслов медикализации в нарративах, а также то,

как проблема медикализации жизненного цикла старения связана напрямую не с возникающими патологиями в жизни пожилых людей, а с экспертным контролем над определенным жизненным циклом. Речь идет, в частности, об экспертном контроле над возрастом, который выражен через медикализирующее поведение и важность заботы о пожилом человеке, через различные ограничения в жизни этой категории граждан.

МЕТОД ИССЛЕДОВАНИЯ

Местом проведения исследования был город Санкт-Петербург. Было взято 30 интервью с пожилыми и 30 интервью с врачами и медицинскими сестрами, а также 15 интервью с социальными работниками. Критерии отбора пожилых участников включали в себя ряд аспектов: наличие негативного опыта взаимодействия с медицинским персоналом, включая врачей и медицинских сестер, а также регулярность посещений поликлиник.

Возраст информантов был 65 лет и старше. Важным условием также было наличие высшего или среднего специального образования у всех участников, а также статус получения пенсии на момент проведения исследования.

Для отбора врачей использовались строгие критерии: наличие стажа работы в медицинских учреждениях не менее трех лет, а также опыт работы с пожилыми пациентами; такие же критерии были применены и при отборе медицинского персонала среднего звена.

Отбор социальных работников также проводился с учетом ряда ключевых параметров: стаж работы не менее трех лет, специализация на работе с пожилыми людьми, а также наличие профессиональной подготовки или переподготовки в качестве социальных работников.

Важно отметить, что врачи и социальные работники обладали значительным опытом работы – не менее трех лет. Такой строгий отбор гарантировал качество и достоверность данных и обеспечил компетентность участников процесса в работе с пожилыми людьми.

РЕЗУЛЬТАТЫ

Дискурс профессиональной заботы. «Медицинский персонал — пациент»

В рамках анализа интервью нам удалось обозначить, что в наибольшей степени медикализация возраста пожилых людей присутствует в рамках общения со средним медицинским персоналом. Медикализация в рамках общения со средним медицинским персоналом происходила в рамках общения с молодыми медицинскими сестрами и медработниками. Как правило, подобная медикализация пожилого человека может быть выражена через употребление различных слов, например «бабуля», «дедуля», «как дела с вашим здоровьицем» и т. д.

Медикализация была приравнена, с позиции медицинских профессионалов, к заботе, а также способствовала тому, что сами медицинские профессионалы, медикализируя свое общение с пожилыми людьми, устанавливали с ними лучший контакт через привычное общение о свойственных возрасту болезнях:

> Я считаю, что с ними (с пожилыми. – *прим. К. Г.*) нужно так и говорить, рассказывать им и о болезнях, и о возможных последствиях, это вообще очень важно только так они и начинают задумываться и понимать, что старость – это время риска, время повышенной заботы о здоровье и время, когда лучше просто посидеть и подумать (*жен., 24, медицинская сестра, районная поликлиника*).

Целью медикализации возраста у представителей среднего медицинского персонала было желание и необходимость напомнить пожилым людям о своем возрасте и таким образом уберечь пожилых людей от возможных проблем со здоровьем в пожилом возрасте.

Дискурс экспертности «Врач – пожилой человек»

Как правило, для данной модели характерной особенностью выступает оценка пожилых людей как субъектов, не способных принимать самостоятельные решения.

Вероятность медикализации жизненного цикла старения со стороны врачей возрастает, если социальная активность пожилых людей понижена, а сами пожилые люди не включены в то или иное общение и, как правило, в трудовые отношения.

Чаще всего медикализация жизненного цикла старения, исходящая от врачей, адресована в большей степени женщинам, чем мужчинам. Подобная медикализация воспринималась достаточно негативно информантами и была одним из признаков социального исключения для информантов:

> А что сейчас нам, старикам, ходить к врачам вообще? Ведь все одно, по сути, диагноз один, пейте, принимайте не существующее практически таблетки от старости и старения – и всё, будет вам в жизни счастье (*жен., 81, Санкт-Петербург*).

Дискурс комфортной заботы. «Социальный работник – пожилой человек»

Проявление медикализации жизненного цикла старения со стороны социальных работников воспринимается абсолютно по-иному:

> В ней (в социальном работнике. – *прим. К. Г.*) нет никакой грубости, и нет вообще этого врачебного снобизма, то есть даже если она часто о здоровье моем спрашивает и интересуется и вообще даже если у нее вопросы есть по лекарствам, я это всё хорошо очень воспринимаю, потому что как вообще на заботу можно быть безучастной? Мне, если честно, это довольно сложно представить (*жен., 80, Санкт-Петербург*).

Заботу, в рамках которой присутствует медикализация со стороны социальных работников, пожилые люди рассматривали как более комфортную и семейную. Наиболее важным для пожилых людей было получение поддержки и возможностей терапевтического общения.

Социальные работники отмечали в интервью, что забота о пожилых людях при этом не входит в их профессиональные обязанности:

> Я считаю, что наша работа, в отличие даже от работы тех же врачей с пожилыми, она намного менее механической должна быть, и она должна быть более человечной и душевной в целом. Потому что мы всё-таки не врачи, не роботы. Поэтому да, иногда я даю какие-то советы по здоровью пожилым, даже иногда вспоминаю и бабушкины рецепты, которые важны для пожилых людей, для того чтобы быть с ними на одной волне, они такие разговоры любят, и я эти разговоры поддерживаю (*жен., 48, социальный работник, Санкт-Петербург*).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В результате проведенного исследования были выявлены три различных дискурса медикализации пожилых людей в контексте взаимодействия с врачами, медицинским персоналом и социальными работниками.

Первый дискурс, «Медицинский персонал – пациент» предполагал, что медикализация пожилых людей будет наиболее выраженной, при условии рассмотрения возраста как неизбежного процесса старения, требующего медицинского вмешательства для поддержания здоровья. Однако анализ интервью с пожилыми людьми не подтвердил данную гипотезу. Вместо этого выяснилось, что медикализация со стороны медицинского персонала чаще всего используется для установления контакта и формирования доверительных отношений с пожилыми людьми.

Второй дискурс. «Дискурс экспертности. Врач – пожилой человек» предполагал активную медикализацию пожилых людей через использование профессиональной лексики и ограниченное профессиональное общение. Эта гипотеза полностью подтвердилась в ходе исследования. Врачи, взаимодействуя с пожилыми людьми, склонны видеть их как субъектов, неспособных принимать независимые решения, и медикализация пожилых людей возрастала в зависимости от их активности и участия в социальной жизни. В процессе интервью также было отмечено, что врачи чаще всего прибегают к использованию профессиональной лексики и стремятся подчеркнуть свой профессиональный статус в общении с пожилыми пациентами на приеме.

Третий дискурс. «Дискурс комфортной заботы. Социальный работник – пожилой человек» предполагал, что медикализация пожилых людей будет присутствовать в коммуникации социальных работников из-за ограниченного времени, выделенного на взаимодействие с каждым пациентом. Однако результаты исследования не подтвердили данную гипотезу. Анализ интервью показал, что пожилые люди воспринимали медикализацию со стороны социальных работников как проявление заботы и относились к этому положительно, не ощущая ограничений или ограничений из-за своего возраста, как это часто бывает во взаимодействии с медицинским персоналом и врачами. Стоит отметить, что коммуникация с социальными работниками основывалась на доверительных отношениях и часто имела терапевтический эффект для пожилых людей.

Итак, на основании проведенного исследования можно сделать вывод о том, что наибольший негативный эффект от медикализации пожилые люди испытывают при общении с медицинским персоналом и врачами. Попытка рассмотрения их возраста как периода ограничений и лишений вызывает негативные эмоции у самих пожилых людей, в то время как общение с социальными работниками и медикализация через заботу воспринимаются ими как возможность терапевтической коммуникации.

Эмпирический охват нашего исследования, направленного на изучение медикализации как с позиции медицинских работников, так и социальных работников, позволил нам более полно рассмотреть особенности этого явления. Было определено, что медикализация сильно зависит от контекста и специфики взаимодействия, а также отношения к возрасту и его особенностям у различных специалистов, работающих с пожилыми людьми.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Walker A. A strategy for active ageing // International social security review. 2002. Vol. 55. № 1. P. 121–139.
2. Petretto D. R., Pili R. Ageing and COVID-19: what is the role for older people? // Geriatrics. 2020. Vol. 5. № 2. P. 25.
3. Григорьева И., Богданова Е. Концепция активного старения в Европе и России перед лицом пандемии COVID-19 // Laboratorium: журнал социальных исследований. 2020. № 2. С. 187–211.
4. Greil A. L. et al. Degrees of medicalization: The case of infertility health-seeking / L. G. Arthur, K. M. Johnson, M. H. Lowry, Ju. McQuillan, K. S. Slauson-Blevins // The Sociological Quarterly. 2020. Vol. 61. № 2. P. 347–365.
5. Binney E. A., Estes C. L., Ingman S. R. Medicalization, public policy and the older: Social services in jeopardy? // Social Science & Medicine. 1990. Vol. 30. № 7. P. 761–771.
6. Conrad P. Medicalization and social control // Annual review of Sociology. 1992. Vol. 18. № 1. P. 209–232.
7. Zola I. K. The medicalization of aging and disability // The Older. Routledge. 2017. P. 37–53.
8. Wallace S. P., Estes C. L. Health policy for the older // Growing old in America. Routledge, 2020. P. 569–588.
9. Soldo B. J., Freedman V. A. Care of the older: Division of labor among the family, market, and state // Demography of aging. 1994. P. 195–216.
10. Lock M. Medicalization and the naturalization of social control // Encyclopedia of medical anthropology. 2003. Vol. 1. P. 116–124.
11. Nye R. A. The evolution of the concept of medicalization in the late twentieth century // Journal of the History of the Behavioral Sciences. 2003. Vol. 39. № 2. P. 115–129.
12. Самовольнова О. В. Социально-философский анализ основных концепций биополитики: М. Фуко, Дж. Агамбен, А. Негри // Вестник Российского государственного гуманитарного университета. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2017. № 4–2 (10). С. 261–271.
13. MacKinnon K. R. Biopower and the medicalization of gender variance: A Foucauldian analysis of trans subjectivity // Current critical debates in the field of transsexual studies. Routledge. 2018. P. 194–207.
14. Powell J. Rethinking Community, Medicalization, Social and Health Care: A Foucauldian Analysis' // Archives of Community and Family Medicine. 2019. Vol. 2. № 2. P. 27–35.
15. Bond J. et al. Medicalization of insight and caregivers' responses to risk in dementia / J. Bond, L. Corner, A. Lilley, C. Ellwood // Dementia. 2002. Vol. 1. № 3. P. 313–328.
16. Bernabeu-Wittel M. et al. Effectiveness of a on-site medicalization program for nursing homes with COVID-19 outbreaks / M. Bernabeu-Wittel, J. E. Ternero-Vega, M. D. Nieto-Martin, L. Voreno-Gaviño // The Journals of Gerontology: Series A. 2021. Vol. 76. № 3. P. e19-e27. DOI:10.1093/gerona/glaa192

REFERENCES

1. Walker, A. (2002). A strategy for active ageing. International social security review, 55(1), 121–139.
2. Petretto, D. R., Pili, R. (2020). Ageing and COVID-19: what is the role for older people? Geriatrics, 5(2), 25.
3. Grigor'eva, I., Bogdanova, E. (2020). Koncepcija aktivnogo starenija v Evrope i Rossii pered licom pandemii COVID-19 = The concept of active aging in Europe and Russia in the face of the COVID-19 pandemic. In Laboratorium: Journal of Social Research, 2, 187–211. (In Russ.)
4. Greil, A. L. et al. (2020). Degrees of medicalization: The case of infertility health-seeking / L. G. Arthur, K. M. Johnson, M. H. Lowry, Ju. McQuillan, K. S. Slauson-Blevins. The Sociological Quarterly, 61(2), 347–365.
5. Binney, E. A., Estes, C. L., Ingman, S. R. (1990). Medicalization, public policy and the older: Social services in jeopardy? Social Science & Medicine, 30(7), 761–771.
6. Conrad, P. (1992). Medicalization and social control. Annual review of Sociology, 18(1), 209–232.
7. Zola, I. K. (2017). The medicalization of aging and disability. The Older. Routledge, 37–53.
8. Wallace, S. P., Estes, C. L. (2020). Health policy for the older. Growing old in America. Routledge, 569–588.
9. Soldo, B. J., Freedman, V. A. (1994). Care of the older: Division of labor among the family, market, and state. Demography of aging, 195–216.
10. Lock, M. (2003). Medicalization and the naturalization of social control. Encyclopedia of medical anthropology, 1, 116–124.
11. Nye, R. A. (2003). The evolution of the concept of medicalization in the late twentieth century. Journal of the History of the Behavioral Sciences, 39(2), 115–129.
12. Samovol'nova, O. V. (2017). Socio-philosophical analysis of the basic concepts of biopolitics: M. Foucault, J. Agamben, A. Negri. Russian State University For The Humanities. The series «Philosophy. Sociology. Art criticism», 4–2(10), 261–271. (In Russ.)

13. MacKinnon, K. R. (2018). Biopower and the medicalization of gender variance: A Foucauldian analysis of trans subjectivity. Current critical debates in the field of transsexual studies. Routledge, 194–207.
14. Powell, J. (2019). Rethinking Community, Medicalization, Social and Health Care: A Foucauldian Analysis'. Archives of Community and Family Medicine, 2(2), 27–35.
15. Bond, J. et al. (2002). Medicalization of insight and caregivers' responses to risk in dementia / J. Bond, L. Corner, A. Lilley, C. Ellwood. Dementia, 1(3), 313–328.
16. Bernabeu-Wittel, M. et al. (2021). Effectiveness of a on-site medicalization program for nursing homes with COVID-19 outbreaks / M. Bernabeu-Wittel, J. E. Ternero-Vega, M. D. Nieto-Martin, L. Voreno-Gaviño. The Journals of Gerontology: Series A, 76(3), e19–e27.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Галкин Константин Александрович

кандидат социологических наук
старший научный сотрудник
Социологического института Российской академии наук –
филиала Федерального научно-исследовательского центра Российской академии наук

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Galkin Konstantin Alexandrovich

PhD (Sociology)
Senior Researcher
Sociological Institute of the Russian Academy of Sciences – a branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences

Статья поступила в редакцию	27.03.2024	The article was submitted
одобрена после рецензирования	22.04.2024	approved after reviewing
принята к публикации	23.04.2024	accepted for publication

Научная статья
УДК 316.658.2

Образ современной России в западной прессе (на примере контент-анализа онлайн-изданий Великобритании, Франции и США)

Г. В. Маткаримова

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
g.matkarimova@linguanet.ru

Аннотация. В статье анализируются данные эмпирического контент-аналитического исследования образа современной России в западной прессе, на примере онлайн-изданий Великобритании (Telegraph, Guardian), Франции (Figaro, Libération) и США (New-York Times, Washington Times). Автор выделяет основные черты образа страны, формируемого в общественном мнении западных стран.

Ключевые слова: образ страны, образ России, контент-анализ, западная пресса, образ врага, стереотип

Для цитирования: Маткаримова Г. В. Образ современной России в западной прессе (на примере контент-анализа онлайн-изданий Великобритании, Франции и США) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2024. Вып. 2 (855). С. 89–96.

Original article

Image of Contemporary Russia in the Western Press (on the Example of Content-analysis of Online Newspapers in the UK, France and the USA)

Galia V. Matkarimova

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
g.matkarimova@linguanet.ru

Abstract. The article analyzes data from content-analysis of image of contemporary Russia in the Western press on the example of online newspapers in the UK (Telegraph, Guardian), France (Figaro, Libération) and the USA (New-York Times, Washington Times). The author points up the key traits of the country image in public opinion in Western countries.

Keywords: image of a country, image of Russia, content-analysis, Western press, enemy image, stereotype

For citation: Matkarimova, G. V. (2022). Image of contemporary Russia in the Western press (on the example of content-analysis of online newspapers in the UK, France and the USA). Vestnik of Moscow State Linguistic University. Social sciences, 2(855), 89–96.

ВВЕДЕНИЕ

Формирование образа России сопровождается перманентным ростом и снижением негативности / позитивности образа страны в зависимости от различных геополитических, экономических и социокультурных факторов. В настоящее время актуальный образ России на Западе претерпел значительные изменения в силу текущего состояния российско-украинских отношений, особенно с началом проведения специальной военной операции (СВО). На основе результатов контент-аналитическое исследования периодических изданий Великобритании, Франции и США представлены основные черты современного образа России, формируемого у населения этих стран.

МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

Основу данного исследования составляет сбор эмпирического материала с помощью контент-анализа источников, содержащих сведения, формирующие у аудитории определенное восприятие образа современной России. В качестве документов, подлежащих непосредственному изучению, автором используются электронные версии печатных СМИ западных стран. Для контент-анализа были выбраны следующие издания: Telegraph, Guardian (Великобритания), Figaro, Libération (Франция), New-York Times, Washington Times (США)[1]. Данные издания были отобраны по трем критериям: направленность (тематика) газеты, периодичность выпуска и масштаб распространения. По направленности газеты были взяты серьезные издания («quality paper»), неспециализированного, общего характера, поскольку качественные издания дают обширную информацию по экономическим вопросам, по проблемам внутренней и международной политики. Для данных изданий характерны общенациональный масштаб, большой охват аудитории, высокие рейтинги и тиражи. Что касается периодичности выпуска и территории распространения газет, были выбраны национальные, ежедневные газеты – подобный выбор обусловливается тем, что именно ежедневные газеты считаются наиболее влиятельной и серьезной прессой на Западе. Кроме того, в США только ежедневные газеты рассматриваются как национальные, которые распространяются по всей территории страны, и именно они освещают мировые новости, тогда как еженедельные – только локальные события. Благодаря данным критериям отбора можно оценить трактовку различных политических партий, курсов, которых придерживается издание, а также изучить образ, транслируемый в национальном масштабе по все стране.

В нашем исследовании были взяты электронные издания данных, поскольку они обладают определенными преимуществами перед печатными аналогами. К достоинствам электронной прессы можно отнести: возможность одновременного пользования большим количеством читателей (одну и ту же статью могут одновременно читать множество людей); интернациональный характер (статью могут читать люди из разных стран, где есть Интернет); возможность комментария и репоста публикаций; скорость получения информации (текст электронной версии можно прочитать раньше, чем издание выйдет в свет) [Маркина, 2004].

Итак, эмпирическая база исследования включает в себя две газеты из каждой изучаемой страны, с учетом политической направленности издания, таким образом, чтобы были представлены как левые, так и правые политические воззрения:

- Великобритания: Telegraph (правого толка, консервативная), Guardian (левоцентристского толка);
- Франция: Figaro (правого, правоцентристского толка), Libération (левого толка, либеральная);
- США: New-York Times (нейтральная), Washington Times (консервативная).

В итоге, при помощи системы мониторинга и анализа СМИ и социальных сетей «Медиалогия»[2] из каждого издания были отобраны все публикации с упоминанием России с 24 февраля по 24 марта 2021–2022 годов (1251 и 8406 статей, соответственно), т. е. для контент-анализа будет взят месяц после начала СВО и аналогичный период за предыдущий год. Выбор данного временного периода обусловливается гипотезой о том, что после начала СВО в западной прессе образ России начал приобретать характеристики, свойственные образу Советского Союза во времена холодной войны. К таким характеристикам можно отнести авторитарность / тоталитарность политического строя, демоничность и желание завоевать мир.

В публикациях в рамках категории анализа «связь с советским прошлым» исследуются такие единицы анализа, как «советский» (в том числе «постсоветский» и «экс-советский»), «советский союз», «СССР», «КГБ», «Сталин» и т. п. В качестве

[1]Telegraph. URL: https://www.telegraph.co.uk/; Guardian. URL: https://www.theguardian.com/international;
Figaro. URL: https://www.lefigaro.fr/; Libération. URL: https://www.liberation.fr/;
New-York Times. URL: https://www.nytimes.com/;
Washington Times. URL: https://www.washingtontimes.com/

[2]Медиалогия: мониторинг СМИ и соцсетей. URL: https://www.mlg.ru/

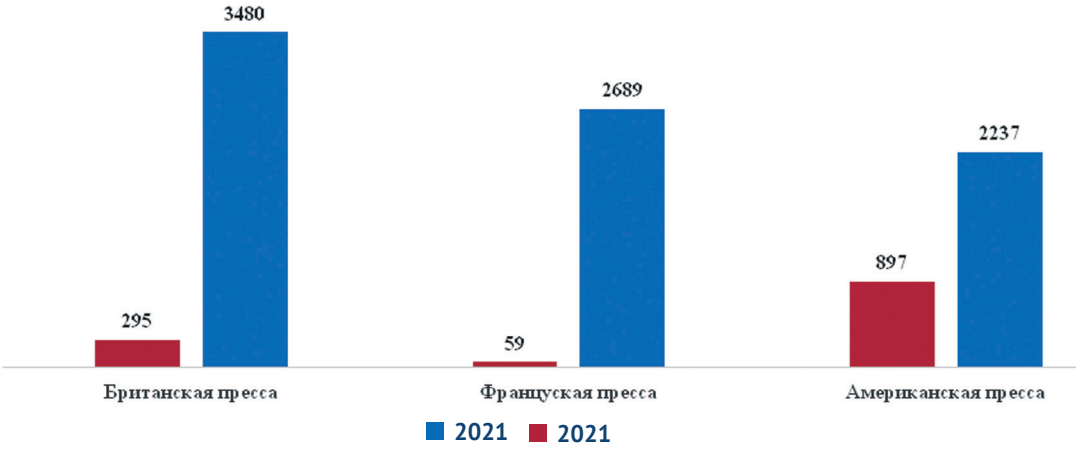

Рис. 1. Распределение количества статей в зарубежных изданиях по странам (2021–2022), в абс. цифрах

единицы анализа были взяты – слово (и при подсчете категории анализа «Советский союз» – словосочетание).

РЕТРОСПЕКТИВНЫЙ АНАЛИЗ ОБРАЗА РОССИИ В ЗАПАДНЫХ СМИ

В ретроспективе образ России в прессе западных стран имел преимущественно негативный характер, и политика страны подвергалась резкой критике. Анализ англо-американской публицистики конца XIX – начала XX веков показал устойчивость антирусских настроений, а также стремление западных писателей выработать конкретные предложения по ликвидации военно-политического и экономического потенциала царской России [Данилин, 2006].

Обзор исследований образа России в печатных СМИ Запада начала XXI века позволяет сделать вывод, что в большинстве публикаций западной прессы (США, Франция, Великобритания, Германия) о России европейские (прежде всего, французские и немецкие) обозреватели при освещении внешней политики России более терпимо относятся к ее действиям на международной арене, тогда как американская и британская пресса нередко характеризуется тотальной критикой России. Кроме того, негативное отношение к России в значительной степени обусловлено не внутренней политикой государства, а внешней политикой: «Россию чаще обвиняли в «непомерных амбициях», не соответствующих потенциалу, и «имперском поведении», например, в отношении стран СНГ и Прибалтики»[1].

[1]Ходанович С. Образ России в зеркале западных СМИ // Профессиональный PR. 2007. 2 мая. URL: http://www.sovetnik.ru/pressclip/more/?id=20005

Исследование образа России в публицистическом дискурсе Франции (2001–2006) показало, что французские СМИ оценивают международную политику России как политику агрессивную, политику с позиции силы. Также частотность статей, посвященных В. Путину, свидетельствует о том, что внимание представителей СМИ сконцентрировано в наибольшей степени на личности президента, действия, которого, подвергаются отрицательной оценке в СМИ. М. Э. Ступницкая делает вывод, что «французские СМИ видят в России сырьевую страну с такими атрибутами как: хищническое использование природных ресурсов, обогащение немногих, имущественное расслоение, коррупция, преступность» [Ступницкая, 2008]. Далее перейдем непосредственно к выводам из авторского исследования образа современной России в западной прессе.

ОСНОВНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ

Анализ публикационной активности западной прессы за 2022 год в сравнении с аналогичным периодом 2021 года показал резкий рост числа публикаций в западной прессе (рис. 1).

В 2022 году часто выходили статьи о России в британской прессе, во французской, на 3-м месте – американская пресса. Таким образом, можно констатировать, что как европейские, так и американские СМИ широко освещали действия России после начала Специальной военной операции. Вместе с тем в 2021 году именно американская пресса имеет наибольшее количество публикаций о России, что, вероятно, свидетельствует о важности образа России в политике страны.

При анализе публикационной активности в разрезе изданий интересно отметить, что Washington

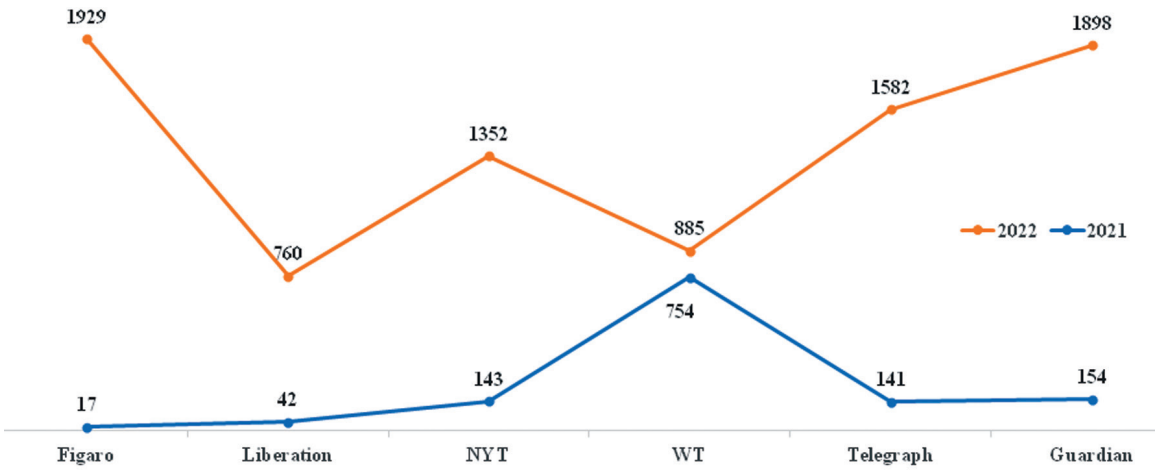

Рис. 2. Распределение количества статей в зарубежных изданиях (2021, 2022), в абс. цифрах

Times (WT) – это единственная газета, которая резко не изменила свою активность в связи с СВО, она широко освещает темы, связанные с Россией, в независимости от происходящих событий. Это, вероятно, связано с тем, что в США Россия выполняет функции образа врага, начиная с советских времен, и интерес к России всегда поддерживается в общественном мнении. Однако подобная ситуация не наблюдается в New-York-Times (NYT), поскольку в отличие от WT, она не является консервативной, и освещение мировых событий носит более нейтральный космополитический характер. Вместе с тем именно во французских изданиях наблюдается наибольший рост публикаций в 2022 году – Figaro (темп прироста 11247 %) и Libération (1709 %) (рис. 2).

В ходе анализа данных подтвердилась гипотеза о том, что образ современной России имеет сильную ассоциацию с образом Советского Союза. Как в публикациях 2021, так и 2022 года упоминались слова, связанные с Советским Союзом. Причем в 2022 году в каждом изучаемом издании наблюдается увеличение количества упоминаний слова «советский» (soviet, post-soviet, ex-soviet; soviétique, post-soviétique, ex-soviétique), за исключением Libération, где наблюдается небольшое снижение. Причем рост таких статей в 2022 году особенно характерен для американских газет (рис. 3).

Интересно отметить, что в 2021 году нет ни одной публикации с заголовком, содержащим слово «советский», тогда как в 2022 году подобные заголовки появлялись, хотя их и немного[1].

В западных публикациях и в общественном мнении о России встречается также упоминание непосредственно Советского Союза, что является одним из самых показательных индикаторов связи России с распавшимся более 30 лет назад Союзом. Можно предположить, что понятие «Советский Союз» более распространено в западной прессе, чем «СССР», поскольку анализ публикаций показал увеличение процента статей с упоминанием Советского Союза, а упоминание СССР практически осталось неизменным и редким. Так, согласно графику, в 2022 году по сравнению с 2021 годом процент публикаций с упоминанием Советского Союза увеличился. Примечательно, что именно в американской прессе наблюдается наибольший рост подобных статей, тогда как во французской были только единичные упоминания Советского Союза в 2022 году (рис. 4).

Такой рост упоминаний о Советском Союзе связан с тем, что в эпоху СССР образ России был одним из самых негативных, и, следовательно, при резкой критике политики России возникает негативная ассоциация с недавно распавшимся Союзом. Это эффективно с точки зрения формирования общественного мнения, поскольку укоренившиеся стереотипы в сознании западного социума легко активизировать в рамках современных реалий. Кроме того, важно отметить, что упоминания Советского Союза встречались в западной прессе и до начала СВО, что указывает на наличие перманентной ассоциативной связи России с СССР. Это также, по нашему мнению, подтверждает гипотезу о стабильности негативного образа России в западной прессе.

[1]La Russie limite les exportations de céréales vers plusieurs républiques ex-soviétiques. *Figaro, 15 марта 2022*; Trevor Noah Reviews Putin's Attempt at a Soviet Reunion; Soviet Bloc Immigrants Rethink Their Identity Amid Russia-Ukraine War. *NYT, 1 и 4 марта 2022*; The senior Tories with the secret Soviet past. *Telegraph, 19 марта 2022*; Ukrainian heritage is under threat – and so is the truth about Soviet-era Russia. *Guardian, 15 марта 2022*.

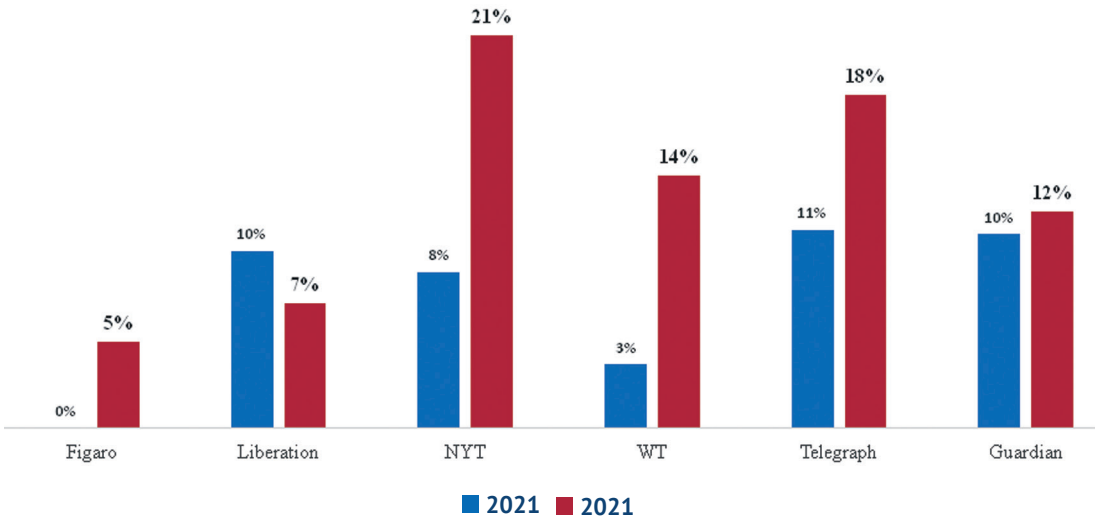

Рис. 3. Распределение количества упоминаний слов *Soviet / Soviétique* в публикациях зарубежных изданий (2021–2022), в %

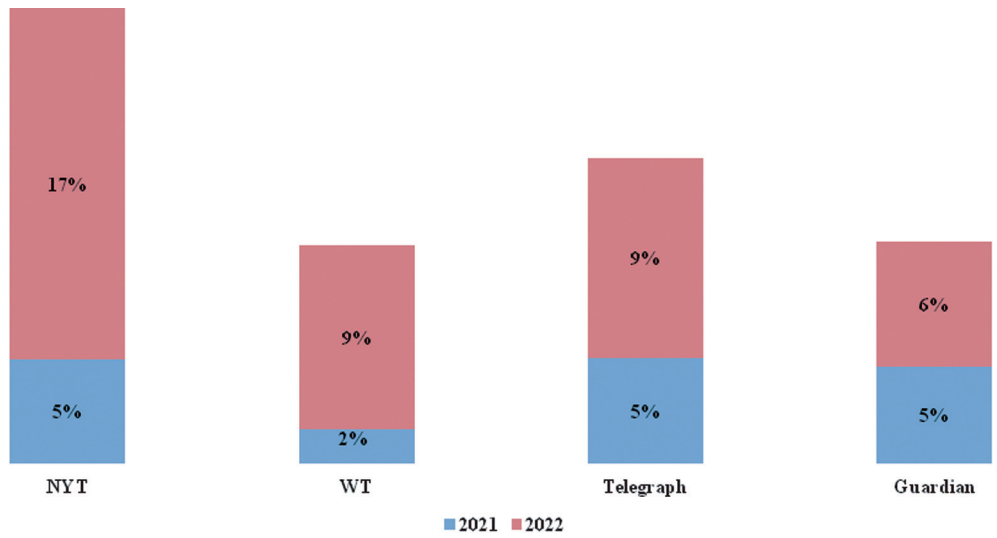

Рис. 4. Распределение количества упоминаний слова *Soviet Union / Union Sovietique* в публикациях зарубежных изданий (2021–2022), в %

Еще одним важным индикатором ассоциативной связи с Советским Союзом является упоминание значимых и отрицательных с точки зрения западного общества советских лидеров. Прежде всего, речь идет об И. Сталине как диктаторе, установившем тоталитарный режим в стране [Маткаримова, 2022]. В общественном мнении западных стран тоталитаризм Сталина считался бóльшим злом, чем нацизм Гитлера, поэтому количество упоминаний Сталина в публикациях может свидетельствовать о росте негативной оценки политики современной России. Так, в 2021 году в американских и британских СМИ были единичные упоминания о Сталине. В 2022 году во всех газетах число публикаций с упоминанием Сталина возросло, особенно в британской прессе, причем не только в абсолютных числах, но и в относительных, что важно, так как число публикаций в 2022 году увеличилось, изменение количества упоминаний в абсолютных числах может не иметь значение (с 3 до 44 публикаций, или 1 до 3 % в Telegraph и с 1 до 29 упоминаний или с 1 до 2 % – в Guardian) (рис. 5).

В Guardian вышла статья, где Сталин обозначен в заголовке[1]. Важно отметить, что подавляющее большинство статей, в которых упоминается Сталин,

[1]Exposing Stalin's famine in Ukraine – archive, 1933, Guardian, 2 марта 2022.

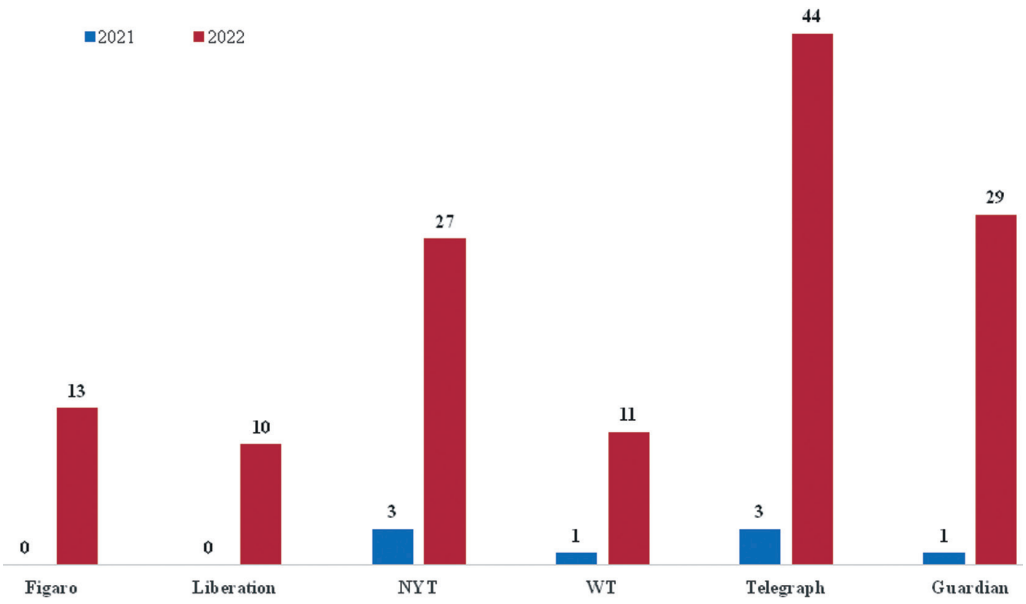

Рис. 5. Распределение количества упоминаний слова *Stalin / Staline* (в том числе производных слов *stalinisme*, *stalinien* в публикациях зарубежных изданий (2021, 2022), в %

не рассматривается с какой-либо исторической темой. Сталин единожды упоминается в статье в качестве примера из прошлого, который актуален и в современных реалиях. Например, в одной из статей Сталин ставится в один ряд с другими лидерами, которые критикуются автором статьи[1]. В другой статье проводится параллель «путинизма» и «сталинизма», где «путинизм» оборачивается «сталинизмом»[2]. Кроме Сталина, в публикациях упоминались и другие лидеры СССР (Ленин, Хрущёв, Горбачев).

К индикаторам ассоциативной связи с Советским Союзом можно отнести упоминание КГБ (KGB) – учреждения, которое имеет отрицательный образ в общественном мнении жителей Запада, связанный со сталинскими репрессиями, а также с эпохой холодной войны. Интересно, что во всех изучаемых газетах в 2021 – 2022 годах были упоминания КГБ, за исключением публикаций 2021 года в Figaro и NYT. В остальных изданиях наблюдается небольшое увеличение упоминаний. Наибольший рост наблюдается в WT – с 1 до 16 статей с упоминанием КГБ (или с 0 до 2 %) и в Guardian – с 2 до 43 (с 1 до 2 %), в Telegraph – процент статей с данным упоминанием не изменился, но остался относительно высоким (с 4 до 42, или 3 %), а во французской Libération процент таких упоминаний не достигает и 1 %. Таким образом, во французской прессе наблюдается меньшая ассоциативная связь России и СССР и, вероятно, более позитивный образ страны в целом.

О негативном образе страны также говорит упоминание в публикациях западной прессы холодной войны. Так, в 2021 году во всех газетах, кроме французской Figaro, были данные упоминания. В 2022 году произошел рост процента статей с упоминанием холодной войны во всех исследуемых газетах, особенно в американской прессе (рис. 6).

Даже при отсутствии открытого конфликта в 2021 году практически каждая 10-я статья содержала то или иное упоминание о холодной войне, что может говорить о постепенной подготовке общественного мнения западных стран к негативному восприятию России.

Символичным является появление в современных публикациях термина времен холодной войны – «империя зла». Причем данные упоминания присутствуют только в публикациях 2022 года, и только в англоязычных газетах: NYT – 4 статьи, WT – 4, Guardian – 1, Telegraph – 3). Так, в Guardian цитируются слова польского премьер-министра на встрече ЕС о *попытках России заново восстановить «империю зла»*[3].

[1]Иллюзорное «сумасшествие» Путина выходит за границы, как и "сумасшествие" Трампа, Гитлера и Сталина… (*A new treaty will not end the war in Ukraine, Guardian, 14 марта 2022*).

[2]The Tories claim we are worse than we are – and it's the Ukrainians who suffer (*Guardian, 12 марта 2022*).

[3]EU leaders meet for talks on oil and gas imports from Russia (*Guardian, 24 марта 2022*).

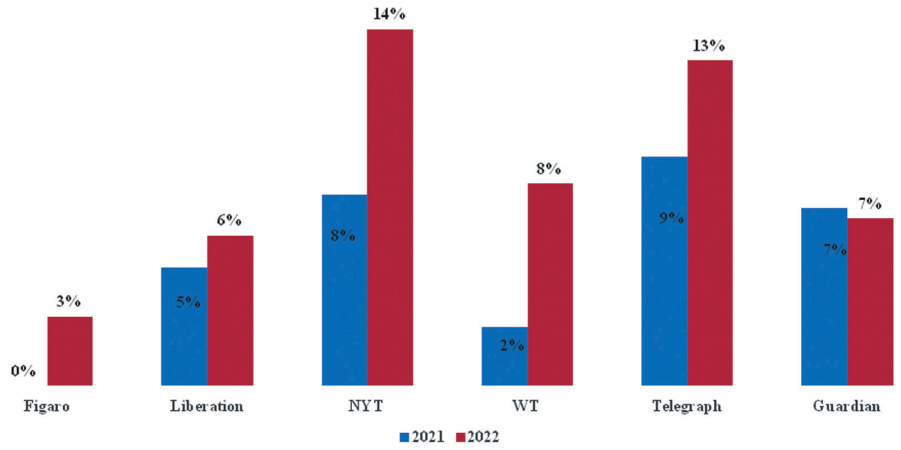

Рис. 6. Распределение количества упоминаний слова *Cold war / Guerre froide* в публикациях зарубежных изданий, 2021 и 2022 гг., в %

В NYT говорится о том, что «империя зла снова марширует по Европе»[1]. В другой статье NYT дается прямая отсылка к речи о Советском Союзе Рональда Рейгана 1983 года, в которой бывший президент осуждает агрессивные устремления «империи зла», а также проводит параллель речи Байдена с речью Рейгана[2]. Так, в трех из четырех статей WT с упоминанием империи зла идет отсылка к речи Рейгана и ассоциации России с империей зла в эпоху СССР. В Telegraph вышла статья, в заголовке которой присутствует упоминание империи зла[3]. Причем проводится связь России не только с империей зла в виде Советского Союза, но и империей в целом, а точнее попытками восстановить Российскую империю, образ которой также негативно воспринимался на Западе. Что подтверждает гипотезу о демонизации образа России на Западе.

Так, образ России имеет сильную ассоциативную связь с Советским Союзом во всех исследуемых западных изданиях, особенно в американской прессе и, в меньшей степени, во французской, что, вероятно, обусловливает менее негативное отношение к образу страны. Такая связь объясняется высокой степенью функциональности образа врага, который западные страны видят в России. При помощи образа врага на Западе нивелируются острые проблемы внутренней и внешней политики, проблемы национальной идентичности и т. д.

Подводя итоги контент-аналитического исследования, выделим основные способы формирования образа России на Западе:

- последовательная поддержка исторически укоренившихся стереотипов и ассоциаций в образе страны посредством периодического упоминания в средствах массовой коммуникации;
- интерпретация актуальных событий в политике страны сквозь призму негативного, с точки зрения западных стран, исторического прошлого;
- демонизация образа страны посредством деления мира на «черное» и «белое» по принципу дихотомии *мы – они*, согласно которому образу врага приписываются самые негативные характеристики, выходящие за границы общепринятых социально-этических норм.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Формирование положительного образа страны является важной стратегической задачей любого государства, поскольку ее образ выполняет интеграционную функцию, объединяя сограждан, а также легитимизирующую функцию, направленную на поддержание политики государства как внутри страны, так и извне. Детальный анализ современного образа России позволил выявить глубинные основы создания образа страны с целью их дальнейшего теоретического осмысления, а также разработки методологической основы для формирования конструктивного образа России на Западе.

[1]Vladimir Putin Has Revived «The West.» Is That a Good Thing? (*NYT, 11 марта 2022*)

[2]Biden Denounces Putin's Actions in Ukraine (*NYT, 25 февраля 2022*)

[3]Письма: сумасшедшая мечта Путина о восстановлении империи зла никогда не должна осуществиться (Letters: Putin's insane dream of restoring the Evil Empire must never be realized (Telegraph, 28 февраля 2022)

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Маркина Ю. В. Газета «New York Times»: эволюция типа издания: дис. ... канд. филол. наук. Ростов-на-Дону, 2004.
2. Данилин С. А. Образ России и ее политики в англо-американской публицистике конца XIX – начала XX вв.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2006.
3. Ступницкая М. Э. Репрезентация образа России в публицистическом дискурсе Франции // Новые российские гуманитарные исследования. 2008. URL: http://www.nrgumis.ru/articles/article_full.php?aid=79
4. Маткаримова Г. В. Формирование образа России на Западе // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2022. Вып. 3 (848). С. 75–82.

REFERENCES

1. Markina, U.V. (2004). Gazeta «New York Times»: jevoljucija tipa izdanija = Gazeta “New York Times“: evolyuciya tipa izdaniya: PhD in Philology. Rostov-na-Donu. (In Russ.)
2. Danilin, S. A. (2006). Obraz Rossii i ee politiki v anglo-amerikanskoj publicistike konca XIX – nachala XX vv. = The image of Russia and its politics in Anglo-American journalism of the late XIX – early XX centuries: PhD in History. (In Russ.)
3. Stupnitskaya, M.E. Representation of the image of Russia in the journalistic discourse of France. New Russian humanitarian studies. 2008. URL: http://www.nrgumis.ru/articles/article_full.php?aid=79 (In Russ.)
4. Matkarimova, G.V. (2022) Formation of the image of Russia in the West. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Social sciences, 848(3), 75–82. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Маткаримова Галия Ваязитовна

кандидат социологических наук
доцент кафедры социологии
Института международных отношений и социально-политических наук
Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Matkarimova Galia Vayazitovna

PhD (Sociology)
Associate Professor of the Department of Sociology
Institute of International Relations and Social and Political Sciences
Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию	29.03.2024	The article was submitted
одобрена после рецензирования	26.04.2024	approved after reviewing
принята к публикации	29.04.2024	accepted for publication

Научная статья
УДК 316.342.6

Преподаватели и студенты профильного университета на рынке лингвистических услуг

А. В. Половнёв

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
polovnev_av@mail.ru

Аннотация. В статье предметом исследования является вовлеченность преподавателей и студентов профильного вуза в рынок лингвистического образования. На основе результатов социологического опроса, проведенного с 2022 по 2024 год, раскрываются особенности использования студентами различных дополнительных образовательных лингвистических услуг, а также уровень участия преподавателей и студентов в оказании услуг, связанных с изучением иностранных языков.

Ключевые слова: изучение иностранных языков, лингвистические образовательные услуги, рынок лингвистических услуг, дополнительное образование

Благодарности: Статья подготовлена в рамках государственного задания Минобрнауки России, регистрационный номер НИОКТР 124012200217-0.

Для цитирования: Половнёв А. В. Преподаватели и студенты профильного университета на рынке лингвистических услуг // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2024. Вып. 2 (855). С. 97–104.

Original article

Teachers and Students of a Specialized University on the Market of Language Services

Andrey V. Polovnev

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
polovnev_av@mail.ru

Abstract. In the article the subject of the research is the involvement of teachers and students of a specialized university in the market of linguistic education. Based on the results of the sociological survey conducted from 2022 to 2024, the peculiarities of students' use of various additional educational linguistic services, as well as the level of participation of teachers and students in the provision of services related to the study of foreign languages are revealed.

Keywords: foreign language learning, linguistic educational services, linguistic services market, additional education

Acknowledgments: The article was prepared under the state assignment of the Ministry of Education and Science of Russia, R&D registration number 124012200217-0.

For citation: Polovnev, A. V. (2024). Teachers and Students of a Specialized University on the Market of Language Services. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Social Sciences. 2(855), 97–104.

ВВЕДЕНИЕ

Рынок лингвистических услуг как сфера экономических и социальных отношений, связанных с изучением иностранного языка и переводческими услугами, складывается из разных направлений деятельности, образовательных программ и функционирует при участии разных категорий поставщиков (субъектов) и потребителей.

Активное внедрение современных интернет-технологий на рынке лингвистических услуг позволило повысить их доступность, создать условия для появления новых участников рынка и способов предоставления лингвистических услуг. Развитие онлайн-школ, курсов и онлайн-платформ для изучения иностранных языков, интернет-словарей и переводчиков, виртуальных помощников, специализированных мобильных приложений, которые используют для автоматизированного перевода и обучения, открыло новые возможности для потребителей на этом рынке.

Важной частью рынка лингвистических услуг выступает дополнительное (неформализованное, непрерывное и профессиональное) лингвистическое образование, которое в последние годы претерпевает существенные изменения, связанные, прежде всего, с процессом цифровизации. Развитие онлайн-образования, цифровых платформ и мобильных приложений, а также увеличение количества негосударственных образовательных организаций, оказывающих дополнительные образовательные лингвистические услуги, способствуют развитию конкурентоспособности на этом рынке, повышению качества образовательных услуг, расширению спектра программ по изучению иностранного языка, в том числе в дистанционном формате.

Увеличение количества доступных программ для видеоконференций и их популяризация в период пандемии также существенно способствовали доступности лингвистических образовательных услуг и расширению форм взаимодействия преподавателей и обучаемых, независимо от места их проживания и удаленности друг от друга.

Несмотря на стремительную цифровизацию лингвистических услуг, развитие комьюнити при прохождении онлайн-курсов, а также рост числа сообществ и телеграмм-каналов для поддержки процесса изучения иностранных языков, традиционные контактные и индивидуальные формы изучения иностранного языка в сфере дополнительного образования остаются популярными.

Анализ рынка лингвистических образовательных услуг и вовлеченность учителей иностранных языков в сферу дополнительного образования исследовалась в последние годы в контексте глобальной экономики [Митягина, 2012], общенационального [Войтович, 2012; Кашурников, Кириллов, 2019] и регионального уровня [Барташевич, 2019; Булганина, Лебедева, 2016; Гусейнова, 2018;].

Отдельное внимание современные исследователи обращали непосредственно на репетиторство как форму неформализованного и индивидуального обучения иностранным языкам, а также как популярный среди учителей иностранных языков вид вторичной занятости [Наумова, 2018; Смирнова, 2022].

Вопросы вовлеченности школьников в дополнительные занятия иностранными языками, а также роль родителей в проектировании внешкольного образовательного пространства детей раскрывались в работах исследователей из НИУ ВШЭ и МГЛУ [Поливанова и др., 2020; Образцов, Половнёв, 2022].

Вместе с тем вопросы вовлеченности преподавателей и студентов профильного (лингвистического) вуза в функционировании рынка дополнительных образовательных услуг ранее не изучались, хотя направление их подготовки, профессиональное знание методик преподавания иностранных языков, как и устойчивый спрос на изучение языков, позволяют им выступать в роли активных участников рынка дополнительного лингвистического образования.

Данные мониторингов, проведенных социологической лабораторией МГЛУ в 2022–2024 годах[1] среди преподавателей и студентов профильного вуза, позволяют оценить объем и особенности их вовлеченности в рынок лингвистических услуг.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СТУДЕНТАМИ ДОПОЛНИТЕЛЬНЫХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ УСЛУГ

Возраст с 15 до 25 лет является наиболее активным не только для получения профессионального образования, но и для участия в дополнительных формах обучения. По данным Федеральной службы государственной статистики, которая исследует участие населения РФ в непрерывном и дополнительном образовании, в возрасте 15–19 лет около 31 % городского населения пользуются

[1]Онлайн-опрос студентов МГЛУ проведен в апреле – мае 2023 года. Объем выборочной совокупности составил 1997 студентов (38 % от общей численности студентов). В выборке представлены студенты всех уровней, направлений подготовки (специальностей) и курсов обучения. Относительная ошибка выборки составила не более 2 %, при доверительной вероятности 95 %. Онлайн-опрос преподавателей проведен в апреле 2024 года. Было опрошено 527 преподавателей МГЛУ (54 % от их штатной численности). Выборочная совокупность является репрезентативной с ошибкой 2,5 % (при доверительной вероятности 95 %).

дополнительными образовательными услугами[1]. Вовлеченность горожан в дополнительное образование в возрасте от 20–24 лет составляет около 27 %. Использование дополнительных образовательных услуг от 25 до 35 лет снижается до 13 % и далее с каждым годом становится всё менее распространенным.

Студенты лингвистического вуза не являются исключением в плане активного использования дополнительных форм обучения. Наряду с основными образовательными программами и изучением двух иностранных языков, они также активно используют дополнительные образовательные программы и услуги, совершенствуя свои лингвистические компетенции и ликвидируя тем самым разрывы, существующие между личными образовательными потребностями и представлениями о желаемом уровне знания иностранного языка. Результаты опроса, проведенного среди студентов МГЛУ, свидетельствуют о том, что дополнительными программами и услугами по изучению иностранных языков пользуются за время обучения в вузе около 40 % студентов. Почти каждый пятый студент (20 %) за время обучения занимается с репетиторами в частном порядке, около 18 % осваивают дополнительные программы лингвистической подготовки непосредственно в вузе и 5 % – в других образовательных организациях.

Уровень вовлеченности студентов в различные направления дополнительных образовательных лингвистических услуг (ДОЛУ) зависит от профиля их подготовки. В большей степени дополнительные услуги и программы по совершенствованию лингвистической подготовки используют студенты нелингвистического профиля. Каждый второй студент МГЛУ, обучающийся по направлениям подготовки и специальностям нелингвистического профиля, за время обучения в вузе использовал платные услуги по совершенствованию своих лингвистических компетенций, в то время как среди студентов лингвистического профиля таковых наблюдалось 33 %.

Среди студентов лингвистического профиля наиболее популярными дополнительными направлениями совершенствования лингвистических компетенций являются занятия с репетиторами и изучение 3-го иностранного языка в вузе. Согласно данным социологического мониторинга 45 % студентов-лингвистов, пользующихся дополнительными услугами по изучению иностранного языка, занимались с репетиторами, и 22 % обучались по программам 3-го иностранного языка в вузе.

Студенты нелингвистического профиля занимаются дополнительно иностранными языками чаще всего непосредственно в вузе, осваивая дополнительную профессиональную программу на иностранном языке. Большинство из них (58 %) посещают практикум по профессиональной коммуникации в вузе, т. е. осваивают параллельно с будущей профессией программу профессиональной переподготовки на иностранном языке. Наряду с этим около 30 % студентов нелингвистического профиля, дополнительно изучающих иностранные языки, пользуются услугами репетиторов. Изучением 3-го иностранного языка студенты нелингвистических направлений подготовки занимаются гораздо реже, по сравнению со своими коллегами-лингвистами. Среди студентов нелингвистического профиля, изучающих дополнительно иностранные языки, только 8 % решили осваивать программу 3-го иностранного языка.

К услугам репетиторов, независимо от профиля подготовки, студенты лингвистического вуза обращаются чаще всего на 1–2-м курсах обучения. Из числа первокурсников услугами репетиторов пользовалось около 15 % студентов МГЛУ, а на 2-м курсе обучения – около четверти студентов. После 2-го курса обучения прирост по доле занимающихся с репетиторами незначительный. Обращение студентов к услугам репетиторов на начальных курсах обучения вызвано скорее всего сложностями, которые испытывают студенты на первых этапах изучения нового для них иностранного языка, либо неудовлетворенностью качеством обучения и лингвистической подготовки по отдельным языкам. Характерно, что к услугам репетиторов неудовлетворенные обучением студенты прибегают в два раза чаще, чем студенты, удовлетворенные качеством обучения в вузе. Из них услугами репетиторов пользовалось 15 % обучаемых, а среди неудовлетворенных – 30 %.

Популярность других направлений дополнительных лингвистических услуг среди студентов МГЛУ достаточно низкая, а отличия между студентами с разным профилем подготовки несущественные. Всего лишь около 5 % студентов МГЛУ прибегают к репетиторским услугам носителей изучаемого иностранного языка, 4 % посещают онлайн-занятия на языковых курсах / школах и 3 % на платной основе готовится к сдаче сертифицированных экзаменов, для подтверждения уровня знаний иностранного языка.

Таким образом, большинство студентов профильного вуза удовлетворяет свои потребности в изучении иностранного языка в рамках основных образовательных программ. Вместе с тем более трети студентов пользуется дополнительными образовательными программами и услугами

[1]Итоги выборочного статистического наблюдения участия населения в непрерывном образовании за 2020 год. Статистические таблицы. Таблица 1.24 URL: https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/population/trud/inobr2020/index.html (дата обращения: 10.04.2024).

для его совершенствования. Значительная часть потребностей в дополнительном изучении иностранного языка удовлетворяется студентами непосредственно в вузе, однако поиск и использование лингвистических образовательных услуг вне университета также характерны для студентов профильного вуза.

СТУДЕНТЫ КАК СУБЪЕКТЫ ОКАЗАНИЯ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ УСЛУГ

За время обучения в вузе значительная часть студентов пробует реализовать себя на рынке труда, в том числе в форме неформальной (неофициальной) занятости и за рамками осваиваемой в вузе специальности. В целом опыт трудовой занятости за время обучения в вузе приобретает по данным опроса около 70 % студентов МГЛУ, и в основном она осуществляется без оформления трудовых отношений. Почти четверть студентов (22 %) подрабатывает неофициально (без оформления) по специальности и еще 20 % вовлекается в неофициальную оплачиваемую деятельность, не связанную с будущей профессией.

Большинство студентов, имеющих опыт оплачиваемой трудовой занятости, использует свой накопленный лингвистический потенциал и изучаемые иностранные языки на практике. Почти каждый второй студент с опытом работы (47 %) занимался преподаванием иностранных языков (в форме репетиторства), 16 % оказывали переводческие услуги и 20 % занимались деятельностью, в которой иностранные языки применялись в качестве дополнительной компетенции.

Знания, полученные в школьные годы, а также опыт, приобретенный в ходе подготовки и сдачи ЕГЭ по иностранному языку, позволяет каждому пятому студенту МГЛУ (18 %) уже на 1-м курсе оказывать репетиторские услуги по иностранным языкам. Начиная со 2-го курса, 30 % студентов занимаются репетиторством, а на третьем – около 40 %. Репетиторскими услугами по иностранным языкам ожидаемо чаще занимаются студенты лингвистического профиля. Большинство студентов-лингвистов (около 60 %), имеющих опыт работы за время обучения в вузе, занимались преподаванием иностранного языка, в том числе – репетиторством.

Студенты нелингвистического профиля иностранными языками в процессе трудовой занятости пользуются реже. Чаще всего их опыт работы либо совсем никак не связан с использованием иностранного языка (31 %) или связан с деятельностью, в которой иностранный язык является лишь дополнительной компетенцией (17 %). Вместе с тем определенная часть студентов, обучающихся по направлениям подготовки нелингвистического профиля, также находит возможность реализовать себя на рынке дополнительных лингвистических образовательных услуг в качестве репетиторов. Репетиторские услуги по иностранным языкам за время обучения в вузе оказывали почти 20 % студентов нелингвистического профиля.

ПРЕПОДАВАТЕЛИ НА РЫНКЕ ДОПОЛНИТЕЛЬНОГО ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Заметную роль на рынке лингвистических услуг играют педагоги-лингвисты. Высокий уровень компетенций в сфере преподавания иностранного языка позволяет им активно участвовать не только в оказании дополнительных лингвистических образовательных, но и переводческой деятельности, в том числе в *прекарной форме*[1].

По уровню вовлеченности во вторичную неформальную занятость и рынок лингвистических услуг преподаватели лингвистического профиля заметно отличаются от своих коллег, не участвующих в преподавании иностранных языков в вузе. Большинство преподавателей-лингвистов (около 60 %) в 2023–2024 годах[2] оказывали платные услуги в рамках неформальной вторичной занятости. Уровень вовлеченности преподавателей нелингвистического профиля в занятость на рынке лингвистических услуг заметно ниже. Только около 10 % оказывали неформально репетиторские услуги лингвистического профиля и 5 % – переводческие услуги (табл. 1). В целом распространенность вторичной занятости в других образовательных и научно-исследовательских организациях среди преподавателей нелингвистического профиля выше на 17 %. Вторичную занятость в сфере науки и образования имеет 47 % преподавателей нелингвистического профиля и около 30 % педагогов-лингвистов. Знание методики и опыт преподавания иностранных языков, таким образом, играет важную роль в выборе направленности вторичной занятости

[1] *Прекарная форма занятости* представляет собой тип отношений, сопровождающийся неустойчивой оплачиваемой деятельностью, в том числе в секторе неформальной экономики.

[2] В апреле 2024 года было опрошено 527 преподавателей МГЛУ (54 % от их штатной численности). В выборке соблюдены пропорции по возрастным параметрам, по соотношению преподавателей, работающих в учебных подразделениях лингвистического и нелингвистического профиля, штатных сотрудников и внешних совместителей. Полученные результаты репрезентируют преподавателей профильного (лингвистического) вуза. Выборочная совокупность является репрезентативной с ошибкой 2,5 % (при доверительной вероятности $\gamma = 0{,}95$).

Таблица 1

ХАРАКТЕР НЕФОРМАЛЬНОЙ ЗАНЯТОСТИ ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ МГЛУ, В %

Типы неформальной занятости	МГЛУ	Профиль	
		Лингвистический	Нелингвистический
Образовательные лингвистические услуги (репетиторство)	36	45	10
Переводческие услуги (письменный перевод)	19	25	3
Переводческие услуги (устный перевод)	11	14	2
Консалтинговые услуги	6	4	10
Образовательные услуги по другим предметам	3	1	8
Другое	3	2	5
Ничего из перечисленного	49	41	72

Таблица 2

ДИНАМИКА НЕФОРМАЛЬНОЙ ВТОРИЧНОЙ ЗАНЯТОСТИ ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ-ЛИНГВИСТОВ НА РЫНКЕ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ УСЛУГ, В %

Типы неформальной занятости	2022 год	2024 год
Образовательные лингвистические услуги (репетиторство)	44	45
Переводческие услуги (письменный перевод)	28	25
Переводческие услуги (устный перевод)	15	14
Консалтинговые услуги	5	4
Образовательные услуги по другим предметам (репетиторство)	1	1
Другое	2	2
Ничего из перечисленного	39	41

преподавателей МГЛУ и их вовлеченности в неформальную занятость на рынке лингвистических услуг.

Занятость преподавателей-лингвистов на рынке неформальных лингвистических услуг имеет достаточно устойчивую структуру. Наиболее распространенной практикой вторичной занятости, как и в 2022 году, является репетиторство (45 %). Четверть педагогов-лингвистов (25 %) занимались за последний год дополнительно письменным переводов, а еще около 15 % – устным переводом, что также сопоставимо с данными за 2022 год (табл. 2).

Сохранение структуры и уровня вовлеченности педагогов лингвистов за последние два года свидетельствует об устойчивом спросе на их услуги на рынке лингвистических услуг и стабильной заинтересованности самих преподавателей в получении дополнительного заработка и реализации своих знаний за рамками образовательного учреждения.

Кроме профиля подготовки, необходимых лингвистических компетенций и педагогической деятельности, значимым фактором масштаба вовлеченности в рынок лингвистических образовательных услуг выступает возраст преподавателей-лингвистов.

Количество вовлеченных в оказание репетиторских услуг имеет отрицательную корреляцию с возрастом педагогов. Чем старше преподаватели, тем меньше они участвуют в оказании репетиторских услуг. Среди молодых преподавателей лингвистического профиля (до 35 лет) около 66 % занимается оказанием репетиторских услуг на иностранном языке, среди преподавателей 36–45 лет – 52 %, в 46–60 лет – 31 %, а среди педагогов старше 60 лет уже 27 % (табл. 3). Одной из причин данной взаимосвязи может выступать более высокий уровень материальных потребностей молодых педагогов, стремление как можно раньше обрести материальную независимость, а также недостаточный уровень заработной платы по основному месту работы.

Результаты опросов, проведенных среди преподавателей-лингвистов в 2022–2024 годах, свидетельствуют о том, что доминирующими мотивами вовлеченности в неформальную занятость на рынке лингвистических образовательных услуг у преподавателей лингвистического профиля выступают прежде всего мотивы материально-прагматического характера. Для подавляющего большинства преподавателей-лингвистов, занимающихся репетиторством (93 %), – это дополнительный заработок, источник дохода (табл. 4).

Менее значимой и второй по рейтингу группой мотивов является удобство оказания лингвистических образовательных услуг. От 30 до 40 %

Таблица 3

НЕФОРМАЛЬНАЯ ВТОРИЧНАЯ ЗАНЯТОСТЬ ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ-ЛИНГВИСТОВ ПО ВОЗРАСТАМ, В %

Типы неформальной занятости	До 35	36–45	46–60	60+
Образовательные лингвистические услуги (репетиторство)	66,1	51,6	30,9	26,7
Переводческие услуги (письменный перевод)	1,8	0,05	1,0	0,0
Переводческие услуги (устный перевод)	16,5	9,9	12,4	18,7
Консалтинговые услуги	38,5	23,1	17,5	18,7
Образовательные услуги по другим предметам (репетиторство)	2,8	8,8	3,1	2,7
Другое	19,3	38,5	57,7	54,7
Ничего из перечисленного	66,1	51,6	30,9	26,7

Таблица 4

МОТИВЫ ВОВЛЕЧЕННОСТИ ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ-ЛИНГВИСТОВ В РЕПЕТИТОРСКУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Основные мотивы репетиторской деятельности	в % от преподавателей, занимающихся репетиторством
Дополнительный заработок / источник дохода	93,4
Возможность проведения занятий дистанционно из дома	38,6
Гибкий график работы	31,9
Оплата «по факту» за проведенные занятия	30,7
Саморегулируемый объем учебной нагрузки	22,3
Возможности для большей самореализации в профессии	20,5
Возможность заниматься любимым делом/хобби	20,5
Возможность самостоятельного выбора программы, методики обучения	19,9
Возможность проведения занятий по своему месту жительства	12,0
Возможность проведения занятий по месту жительства учеников	3,6

педагогов-лингвистов отмечали в качестве основных мотивов репетиторской деятельности возможность проведения занятий дистанционно: из дома (39 %); гибкий график работы (32 %); оплату «по факту» за проведенные занятия (31 %). Мотивы самореализации, интереса и педагогического творчества в репетиторской деятельности педагогов лингвистов проявляются реже, но вместе с тем также являются значимыми для 1/5 части педагогов.

Спрос на репетиторские услуги и опыт преподавания иностранных языков обеспечивает преподавателям-лингвистам устойчивую занятость на протяжении длительного времени. Почти половина (48 %) опрошенных преподавателей лингвистического профиля, оказывающих за последний год репетиторские услуги, занимается репетиторством уже более 10 лет. Опытом репетиторской деятельности от 6 до 10 лет обладает 16 % педагогов, от 3 до 5 лет – 17 %, менее 3 лет – 10 % педагогов-лингвистов.

Большая часть преподавателей, вовлеченных в репетиторские услуги, оказывают их на регулярной основе. Ежедневно проводят занятия в форме репетиторства 12 % педагогов и несколько раз в неделю – 53 %. Несколько раз в месяц занимается почти 1/5 часть вовлеченных в этот вид деятельности педагогов-лингвистов (18 %). Интенсивная занятость репетиторством при полной нагрузке в вузе может приводить к перегрузке и усталости педагогов, но высокий уровень неудовлетворенности заработной платой в вузе не позволяет значительной части педагогов отказаться от вторичной и неформальной занятости. Около 70 % педагогов-лингвистов в ходе опроса выразили неудовлетворенность существующей системой оплаты труда и материального поощрения в вузе, что безусловно подталкивает их к поиску альтернативных источников материального обеспечения.

Результаты опроса свидетельствуют о том, что вовлеченность в репетиторскую деятельность вносит существенный вклад в доход педагогов-лингвистов. Для каждого четвертого преподавателя (28 %), занимающегося репетиторством, доля от этой деятельности составляет более 50 % личного совокупного дохода. Одна пятая часть педагогов (21 %) оценили

вклад от репетиторства в структуру своего дохода на уровне 30–50 %. От 10 до 30 % доходов от репетиторской деятельности получает около 18 %, а для 17 % этот вклад составляет менее 10 %.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, значительная часть преподавателей и студентов лингвистического вуза, обучающихся на профильных направлениях подготовки, активно интегрируется в рынок лингвистических услуг, прежде всего в качестве частных репетиторов по иностранным языкам.

Педагоги и студенты-лингвисты профильного вуза выступают участниками рынка дополнительных образовательных лингвистических услуг, используя репетиторство как дополнительный источник дохода и вместе с тем удовлетворяя потребности разных категорий граждан в изучении иностранных языков. Часть студентов лингвистического вуза не только оказывает репетиторские услуги, но и сами активно пользуются дополнительными программами и услугами по изучению иностранных языков. Профиль подготовки студентов определяет интерес и уровень вовлеченности в различные направления дополнительного лингвистического образования. Студенты лингвистического профиля реже обращаются к дополнительному формализованному образованию в вузе, но чаще, чем студенты нелингвистических специальностей, пользуются услугами репетиторов и изучают третий иностранный язык. Студенты нелингвистического профиля чаще обучаются по программам дополнительной профессиональной переподготовки на иностранном языке непосредственно в вузе, чуть чаще, чем студенты-лингвисты, пользуются услугами репетиторов, но крайне редко вовлекаются в программы по изучению 3-го иностранного языка.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Митягина В. А. Лингвистическое обеспечение, языковые услуги и профессиональный перевод: развитие отрасли в условиях глобальной экономики // Homo Loquens (Вопросы лингвистики и транслятологии). 2012. № 5. С. 3–12.
2. Войтович И. К. Иностранные языки в контексте непрерывного образования: монография. Ижевск: Удмуртский университет, 2012.
3. Кашурников С. Н., Кириллов А. А. Репетиторство в России: статус, значение, проблемы // Теория и практика общественного развития. 2019. № 4 (134). С. 79–84.
4. Барташевич Д. А. Исследование рынка школ иностранных языков в столичном мегаполисе: тенденции развития // Научные записки молодых исследователей. 2019. № 1. С. 24–30.
5. Булганина С. В., Лебедева Т. Е. Анализ конъюнктуры рынка лингвистических услуг Нижнего Новгорода // Современные научные исследования и инновации. 2016. № 10 (66). С. 238–244.
6. Гусейнова А. В. Иностранные языки на рынке образовательных услуг Республики Хакассия // Мир науки, культуры и образования. 2018. № 5 (72). С. 399–401.
7. Наумова А. А. Портрет современного репетитора в оценках обучающихся и их родителей: региональный анализ // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2018. № 5 (56). С. 68–78.
8. Смирнова Ю. А. Репетиторство по иностранным языкам как вторичная занятость в сфере общего образования // Инязовские чтения: сборник науч. ст. Первой международной науч.-практ. конф. Совета молодых ученых МГЛУ, Москва, 15–16 октября 2021 года / отв. ред. О. К. Ирисханова. М.: МГЛУ, 2022. С. 148–152.
9. Поливанова К. Н. [и др.]. Образование за стенами школы. Как родители проектируют образовательное пространство детей / К. Н. Поливанова, А. А. Бочавер, К. В. Павленко, Е.В. Сивак. М.: ВШЭ, 2020.
10. Образцов И. В., Половнёв А.В. Вовлеченность школьников в дополнительное образование и занятия иностранным языком // Социологические исследования. 2022. № 6. С. 101–113.

REFERENCES

1. Mityagina, V. A. (2012). Lingvisticheskoe obespechenie, jazykovye uslugi i professional'nyj perevod: razvitie otrasli v uslovijah global'noj jekonomiki = Linguistic support, language services and professional translation: development of the industry in the context of the global economy. Homo Loquens (Issues of Linguistics and Transliology), 5, 3–12. (In Rus.)
2. Voitovich, I. K. (2012). Inostrannye jazyki v kontekste nepreryvnogo obrazovanija = Foreign languages in the context of continuous education: monograph. Izhevsk: Publishing House «Udmurt University». (In Rus.)
3. Kakurnikov, S. N., Kirillov, A. A. (2019). Tutoring in Russia: Status, Meaning, Concerns. Theory and practice of social development, 4(134), 79–84. (In Rus.)

4. Bartashevich, D. A. (2019) A study of the market of foreign languages in the metropolitan metropolis: development trends. Scientific notes of young researchers, 1, 24–30. (In Rus.)
5. Bulganina, S. V., Lebedeva T. E. (2016). Analysis of the market of the market of linguistic services in Nizhny Novgorod. Modern Scientific Research and Innovation, 10(66), 238–244. (In Rus.)
6. Guseynova, A. V. (2018). Foreign languages in the market of educational services of the Republic of Khakassia. World of Science, Culture and Education, 5(72), 399–401. (In Rus.)
7. Naumova, A. A. (2018). Portrait of a modern tutor in the assessments of students and their parents: regional analysis. Bulletin of the Surgut State Pedagogical University, 5(56), 68–78. (In Rus.)
8. Polivanova, et al. (2020). Obrazovanie za stenami shkoly. Kak roditeli proektirujut obrazovatel'noe prostranstvo detej = Education outside the walls of the school / K. N. Polivanova, A. A. Bochaver, K. V. Pavlenko, E. V. Sivak. How parents design the educational space of children. Moscow, HSE.
9. Smirnova, Yu. A. (2022). Tutoring In Foreign Languages As Secondary Employment In Education Sphere. In: Inyazov readings: a collection of scientific articles of the first international scientific and practical conference of the Council of Young Scientists of the MSLU, Moscow, October 15–16, 2021. (148–152). Residue. Ed. O. K. Iriskhanova. Moscow: Moscow State Linguistic University.
10. Obraztsov, I. V., Polovnev, A. V. (2022) The involvement of schoolchildren in additional education and a foreign language. Sociological research, 6, 101–113.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Половнёв Андрей Викторович

кандидат социологических наук, доцент
старший научный сотрудник социологической лаборатории
Московского государственного лингвистического университета
доцент кафедры социологии
Института международных отношений и социально-политических наук
Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Polovnev Andrey Viktorovich

PhD (Sociology), Associate Professor
Senior Researcher at the Moscow State Linguistic University Sociological Laboratory
Associate Professor of the Department of Sociology, Institute of International Relations and Social and Political Sciences (Faculty), Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию	20.02.2024	The article was submitted
одобрена после рецензирования	21.03.2024	approved after reviewing
принята к публикации	24.03.2024	accepted for publication

Научная статья
УДК 316:311.2

Особенности построения и оценка качества выборок в телефонных опросах населения России

В. Л. Примаков

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
vprim2007@yandex.ru

Аннотация. В статье анализируются особенности и проблемы построения и оценки качества выборок, реализуемых в телефонных опросах населения России. Методологический и методический анализ сосредоточен на проблемах определения основы выборки для телефонных опросов, способов выборочного отбора телефонных номеров, оценки качества выборочных телефонных опросов, построенной на стандартах AAPOR.

Ключевые слова: выборка телефонных опросов, особенности построения выборок, оценка качества выборок

Для цитирования: Примаков В. Л. Особенности построения и оценки качества выборок в телефонных опросах населения России // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2024. Вып. 2 (855). С. 105–112.

Original article

Features of Designing and Assessing the Quality of Samples in Russian Telephone Surveys

Viacheslav L. Primakov

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
vprim2007@yandex.ru

Abstract. The article examines the features and challenges of designing and assessing the quality of sample data collected in telephone surveys of the Russian population. It focuses on methodological and analytical issues related to determining the sampling basis for telephone surveys, selecting telephone numbers using various methods, and evaluating the quality of selective telephone surveys based on AAPOR standards.

Keywords: sampling of telephone surveys, features of sampling, assessment of sample quality

For citation: Primakov, V. L. (2024). Features of designing and assessing the quality of samples in Russian telephone surveys. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Social Sciences, 2(855), 105–112.

ВВЕДЕНИЕ

Можно с уверенностью утверждать, что телефон (смартфон) для подавляющего количества россиян сегодня является важнейшим средством (девайсом) межличностной и массовой коммуникации, что позволяет использовать этот канал для исследовательского контакта с респондентами. Так по данным опроса ESOMAR Global Market Research на российском рынке в 2021 году в сегменте количественных исследований телефонные опросы занимали второе место после количественных онлайн-исследований. В следующем 2022 году ситуация коренным образом изменилась: телефонные исследования (обычные / CATI) устойчиво заняли первое место. Их доля увеличилась до 41 % по сравнению с количественными онлайн- и мобильными исследованиями (32 %)[1].

Однако проектирование выборки и оценка качества телефонных опросов населения как у нас в стране, так и за рубежом сопряжены с немалым количеством особенностей и проблем. Нельзя не сказать, что эти особенности не находят своего отражения в профессиональной дискуссии. В качестве примера научно-практического осмысления особенностей проектирования выборок в телефонных опросах можно представить книгу А. В. Чурикова «Основы построения выборки для социологических исследований» [Чуриков, 2020]. Знаковыми в оценке качества выборочных телефонных опросов можно назвать исследования, анализирующие результаты сравнительных методических экспериментов, проведенных различными колл-центрами [Османов, Рогозин, 2013], а также телефонного и поквартирного опроса населения страны [Караева, 2015].

В анализируемом контексте особенно необходимо отметить оригинальные и переводные работы, описывающие требования к выборочным массовым, в том числе, и телефонным опросам, основанные на стандартах, разработанных Американской ассоциацией исследователей общественного мнения (AAPOR)[2]. Наконец полезной научный и прикладной опыт представляет анализ сложившихся практик и перспектив выборочных телефонных опросов в США [Будущее исследований населения США ... 2018]. Вместе с тем мы убеждены, что системный анализ особенностей построения и оценки качества выборок в телефонных опросах на стандартах AAPOR будет полезен не только в научных целях, но и в прикладном выборочном проектировании как практикующих, так и начинающих исследователей-социологов, что и составляет цель статьи.

ОСОБЕННОСТИ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ОСНОВЫ ВЫБОРКИ ДЛЯ ТЕЛЕФОННЫХ ОПРОСОВ НАСЕЛЕНИЯ

Сам по себе номер любого абонента представляет собой уникальный и универсальный набор знаков, список которых можно использовать в качестве основы выборки. Напомним, что непосредственный отбор единиц анализа осуществляется из основы выборки, списка, в данном случае телефонных номеров потенциальных участников, удовлетворяющий требованиям полноты, точности, адекватности, удобства работы с ним, отсутствия упорядоченности и дублирования. Однако, как показывает практика выборочных телефонных исследований, формирование (определение) основы выборки далеко не простое мероприятие, требующее учета целого ряда специфических особенностей.

Прежде всего, есть смысл учитывать различный уровень и структуру телефонизации населения РФ. Телефон сегодня в основном используется в системе как стационарной, так и мобильной связи. Так по данным опросов в 2015 году стационарный телефон имели около половины населения страны (49 %). В 2022 году таких уже было только около четверти (24 %), из которых только 9 % активно использовали телефон для связи[3].

Очевидно, что сегодня основным каналом связи стала мобильная сеть. По данным опросов, проводимых Фондом «Общественное мнение» (ФОМ), доля обладателей личных мобильных телефонов в 2010 году составлял 84,2 % взрослого населения России, а в 2017 году – уже 94,3 % [Чуриков 2020]. Эти данные подтверждаются и другими опросами: мобильного телефона не было в 2017 году только у 3 % взрослых россиян[4]. Почти треть населения имела и стационарный, и мобильный телефоны. Всё это позволяет рассматривать мобильную связь как основной канал исследовательской коммуникации с владельцем телефона (смартфона).

Однако и в мобильной телефонизации существуют свои особенности ее использования

[1]Состояние рынка социологических и маркетинговых исследований в 2022 году. URL: https://researchfund.ru/files/industry_report_2022.pdf (дата обращения: 05.02.2024)

[2]Standards for minimal disclosure // AAPOR code of professional ethics and Practice. Part III. Deerfield, IL: AAPOR, 2010 ; Standards for minimal disclosure // AAPOR code of professional ethics and Practice. Part III. Deerfield, IL: AAPOR, 2010. P. 3-5.

[3]Опрос: около четверти жителей России всё еще держат дома стационарный телефон. URL:https://news.rambler.ru/gadgets/49604137/?utm_content=news_media&utm_medium=read_more&utm_source=copylink (дата обращения: 05.02.2024)

[4]ВЦИОМ: у 3 % россиян нет мобильных телефонов URL: https://www.vedomosti.ru/technology/news/2017/08/24/730852-vtsiom-mobilnih (дата обращения: 05.02.2024)

в телефонных опросах. Так, например, доля мобильных телефонов среди молодежи и лиц среднего возраста почти на 10 % выше, чем среди тех, кто старше 55 лет (96 % против 85 %). При этом мобильный телефон порождает у некоторых людей старшего возраста множество надуманных фобий («необходимость оплаты входящих звонков», «прослушка», «облучение» и пр.), что затрудняет его использование в телефонных опросах. Такое же различие (10 %) в пользовании мобильным телефоном у жителей крупных городов и сел. Не меньшую проблему создает наличие нескольких мобильных устройств и / или сим-карт у пользователей, что подтверждают данные Росстата: в среднем на каждого россиянина приходится по два мобильных устройства[1]. Это обстоятельство обостряет другие важные проблемы в построении выборки для телефонных опросов. Суть их не только в неоднозначной идентификации, сколько в большом количестве неиспользуемых или несуществующих телефонных номеров. Проблему усугубляет нередко низкое качество используемых баз номеров. Генерация телефонных номеров может выдать такие, которые еще или уже не задействованы операторами или пользователями. Всё это усложняется еще и тем, что при звонке на несуществующий номер его не всегда можно отличить от существующего. Поэтому телефонные интервьюеры могут потратить много времени на повторные звонки на такие номера. Для этого используют функцию DEX (автодозвона), возможности CATI (автоматизированная система телефонных опросов), голосовые роботы, чат-боты и другие программно-технологические средства, что снимает остроту проблемы, но не решает полностью.

Однако в целом нельзя не согласиться с практикующими исследователями в том, что сегодня при проведении телефонных опросов ошибка неполноты охвата всего населения страны, владеющих мобильными устройствами, а особенно отдельных совокупностей, относительно невелика. При обследовании некоторых категорий граждан (например, городских жителей, молодежи, граждан средних лет, со средними и высокими доходами) ошибка покрытия практически отсутствует. С другой стороны, при необходимости могут реализовываться дизайны, предусматривающие выборку номеров их двух основ, как стационарной, так и мобильной сети.

Еще одна существенная особенность формирования основы выборки для телефонных обследований связана с тем, что формат телефонных номеров различен и возможность их географической геолокализации неоднозначна. Так в РФ полные телефонные номера, помимо кода страны (+7), состоят из десяти цифр. Для стационарной телефонной сети первые три цифры – это код зоны, по которой можно определить географическую привязку номера. Эти коды называют АВС-кодами. По этим цифрам можно определить субъект РФ. Например, коды Москвы – 495 и 499, Московской области – 496. При этом необходимо учитывать, что границы, например, Москвы и Московской области (как и любой другой, что бывает значительно реже) могут меняться.

Следующие от одной до трех цифр (в зависимости от величины муниципального образования) задают код городского округа или муниципального района. Последние – это, как правило, номер абонента внутри городского или сельского поселения. При этом необходимо отметить, что в крупных населенных пунктах (например, в столичных, областных городах) по номерам стационарных телефонов невозможно определить район проживания, что, порою, важно для построения выборки для опроса. Но в целом по стационарному номеру можно, как правило, геолокализовать абонента по субъекту РФ, городам и районам, отдельным населенным пунктам. Исключением, возможно, остается только столица.

Для мобильной телефонной связи используют DEF-коды. Они фиксируются в первых трех цифрах номера, кроме кода страны. Ими пользуются операторы телефонных сетей. При этом мобильные телефонные номера, их интервалы нежестко, с определенными оговорками, но привязаны к регионам. Например, коды всех мобильных операторов Москвы можно найти в открытом доступе: (901) – «Скайлинк»; (903, 905, 906, 909) – ОАО «Вымпелком» (Билайн); (910, 915, 916, 917, 919, 985) – ОАО «МТС»; (925, 926, 929, 936) – «МЕГАФОН» (Столичный филиал) и другие. В открытом доступе также есть информация о номерных емкостях сотовых сетей (начало и окончание серии номеров, выданных в конкретном регионе) и дате выдачи. Например, ОАО «Мобильные ТелеСистемы» (МТС) выданы с кодом 985 номера от 0000000 до 9999999, дата выдачи 01.07.2007 года.

Однако при использовании таких списков в качестве основы выборки также возникают сложности и проблемы. Проблемы с локализацией номера мобильного абонента возникают в целом ряде регионов страны, особенно в Москве и Московской области, Санкт-Петербурге и Ленинградской области, а также в Архангельской области, Краснодарском крае, Республике Адыгея и некоторых других. Но особенно остро эти проблемы

[1]Платное обслуживание населения в России. 2023: Стат. сб./ Росстат. М.: 2023. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Platnoe_obsluj_2023.pdf (дата обращения: 05.02.2024)

проявляются с номерами жителей Республики Крым, Севастополя, новых субъектов, вошедших в состав РФ. Кроме того, купив сим-карту в одном регионе, человек может проживать и пользоваться ею в другом. Серьезные проблемы породила возможность перехода от одного оператора к другому с сохранением номера. И эти проблемы также пока не разрешимы, оговоримся, на уровне формирования основы выборки.

Все предыдущие рассмотренные нами особенности и проблемы определения основы выборки проявляются в качестве и релевантности баз телефонных номеров, причем как стационарной сети, так и мобильной. В самом общем подходе такие базы существуют в следующих видах:

- базы (справочники) телефонных номеров стационарной связи, локально создававшиеся и выпускавшиеся по определенным территориям (город, район), а вернее по АТС (автоматическая телефонная станция), обслуживающих эти территории. Важно заметить, что в настоящее время справочники АТС системно не формируются и не обновляются. Да и в прошлые времена такие справочники были не для широкого, а, скорее, «для служебного пользования». Существуют локальные справочники. Например, «Единый государственный телефонный справочник по Москве» содержащий не только телефоны, но и адреса квартир (без персональных данных жильцов). Очевидно, что потенциальные респонденты, не попавшие в подобные списки, не имеют вероятности быть отобранными;
- Реестр российской системы плана и нумерации, утвержденный приказом Министерства связи и массовых коммуникаций Российской Федерации от 27.11.2008 № 100, в котором для каждого телефонного кода (ABC и DEF) указаны интервалы телефонных номеров с привязкой к регионам. Однако значительная часть людей, как мы уже отмечали, проживает не там, где приобреталась сим-карта, переезжают, сохраняя номера, меняют мобильных операторов и т. п., что вносит свои проблемы в локализацию владельца сим-карты;
- различные (локальные, корпоративные, коммерческие и иные) списки номеров, как правило, мобильных и, нередко, с данными об их владельцах. Такие списки создаются на предприятиях, учреждениях и в организациях различного профиля, в которых мы оставляем свой номер телефона. По сути, все эти списки есть ничто иное как определенным образом созданные панели, причем, с некоторыми профилирующими данными. Более того, такие панели могут создаваться с помощью случайных (либо целенаправленных) телефонных звонков специально для возможностей последующего телефонного опроса или для web-анкетирования на смартфоне. Очевидно, что основной их недостаток – это неполнота и несоединимость в силу различных владельцев и форматов, что сужает возможности реализации случайного отбора. А вот панельные либо целенаправленные выборки на таких основах выборки вполне обоснованы;
- базы данных телефонных номеров без верифицируемого источника ее создания, предлагаемые различными владельцами на коммерческой основе. Такие базы данных за редким исключением содержат информацию, профилирующую абонентов по признакам, значимым для конкретного выборочного исследователя. Тем не менее такие базы данных существуют, нередко приобретаются и вынужденно используются в социологической практике. Очевидно, что основной их недостаток связан с низкой достоверностью, полнотой и актуальностью телефонных номеров и, как следствие, необходимостью проверки этих качеств.

ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ ВЫБОРКИ В ТЕЛЕФОННЫХ ОПРОСАХ

Что касается способов формирования выборки телефонных номеров, то на практике применятся в основном два: отбор телефонных номеров из базы (баз) и генерация случайных телефонных номеров.

1. *Отбор телефонных номеров из базы / баз.* Основная идея такого отбора проста – из списка (базы) телефонных номеров определенным образом, чаще всего случайным, отбираются номера для последующего телефонного опроса. Основной недостаток такого отбора в выборку связан с тем, что практически все рассмотренные нами базы номеров, пусть и в разной степени, но не являются стопроцентно полными и актуальными. Именно это обстоятельство обусловливает необходимость их верификации. Для этого на практике используется множество приемов и способов, но и они не гарантируют полной уверенности в их качестве. Например, проверяют такую базу по достоверным номерам и / или потенциальным респондентам, или осуществляют разведывательные звонки с целью перепроверки телефонных номеров и содержащихся в них данных об их владельцах.

Отметим, что важной особенностью и сложностью рассматриваемого способа отбора телефонных номеров является тот факт, что выборка в принципе может формироваться из нескольких баз таких номеров, что не является распространенной и целесообразной практикой. Исключение может составлять разве что соединение нескольких однопорядковых баз при условии наличия программных средства удаления повторяющихся номеров. Например, две базы мобильных телефонов соединяются, и исключаются такие номера. В случае соединения базы данных мобильных и стационарных номеров исследователю следует серьезно подумать о последствиях повторного звонка одному и тому же владельцу телефонных номеров. Очевидно, что такая соединенная, или как ее еще называют, двухосновная база телефонных номеров, требует серьезной проверки на отсутствие повторений их владельцев.

Следует признать, что даже с необходимостью учета вышеперечисленных особенностей выборка телефонных номеров из баз данных обладает весьма заметным преимуществом, а именно – возможностью построения случайной (вероятностной) выборки, что значительно труднее осуществить без использования даже таких телефонных баз. Для этого используют либо встроенный в такие базы механизм случайного отбора, либо их переводят в формат статистических программ, способных осуществить такой отбор (например, Excel или SPSS). В дальнейшем, исходя из проекта выборочного отбора и под конкретные исследовательские задачи, подбираются способы случайного отбора (простой случайный, стратифицированный (районированный), систематический, а также кластерный).

Если требуется составить список равновероятностных единиц анализа и нет необходимости выделения отдельных частей (страт) совокупности, то может быть использована простая случайная либо систематическая выборка телефонных номеров из базы (списка). Если существует необходимость исследовать отдельные совокупности, группы и возможно, осуществить сравнительный анализ, целесообразно воспользоваться стратифицированной выборкой.

Кластерные выборки применяются в телефонных опросах относительно редко. Необходимость концентрировать телефонные номера в отдельных кластерах возникает, когда нужно таргетировать выборку телефонных номеров на определенные географические зоны. К кластерному телефонному отбору также можно отнести способы отбора из панелей (списков) номеров респондентов, имеющихся в распоряжении исследователя.

Как пишут опытные практики, выборка для телефонного опроса должна содержать достаточное число телефонных номеров, отобранных из базы с равной или с заданной вероятностью. Количество номеров в выборке целесообразно формировать с запасом, поскольку далеко не по каждому номеру получится провести интервью. И причин этому немало – от отказа участия в опросе до недействующих номеров.

2. *Генерация случайных телефонных номеров* (RDD – Random digit dialing) – еще один распространенный способ формирования выборочной совокупности. Основу выборки для такого отбора может составлять Реестр российской системы и плана нумерации[1], в котором указаны диапазоны телефонных номеров, выделенных для разных регионов и разных операторов телефонной связи. В этот реестр включены как коды по ABC, так и DEF-коды. Так, для каждого профиля кода дается диапазон номеров от первого и до последнего, емкость (количество номеров в диапазоне), название оператора и региональная привязка. В качестве примера представим фрагмент такой выписки (табл. 1).

Для создания случайной выборки телефонных номеров необходимо сначала выделить в реестре диапазоны, которые включают всех

[1]Реестр российской системы и плана нумерации. URL: https://opendata.digital.gov.ru/registry/numeric/downloads(дата обращения: 05.02.2024)

Таблица 1

ФРАГМЕНТ ВЫПИСКИ ИЗ РЕЕСТРА РОССИЙСКОЙ СИСТЕМЫ И ПЛАН НУМЕРАЦИИ

ABC / DEF	От	До	Емкость	Оператор	Регион
391	3290100	3290399	300	ПАО «Вымпелком»	р-н Минусинский, Красноярский край
391	3292000	3292511	512	ПАО «Ростелеком»	р-н Минусинский, Красноярский край
900	4895000	4899999	5000	ООО «Сим Телеком»	г. Москва и Московская обл.

представителей изучаемой совокупности, а потом обеспечить генерацию любого телефонного номера. Можно рассматривать каждый из диапазонов как определенный географический кластер с количеством номеров, равным его емкости. При таком способе сначала отбирается кластер с вероятностью, пропорциональной емкости диапазона. Затем внутри кластера случайным образом генерируется необходимое количество телефонных номеров.

Можно использовать разные случайные способы генерации телефонных номеров с равной или заданной вероятностью. Случайный телефонный номер можно получить при помощи датчика случайных чисел, который с равной вероятностью выдает цифры от 0 до 9. Последовательность из десяти цифр образует случайный телефонный номер. Далее нужно проверить, попадает ли этот номер в какой-либо из отобранных диапазонов, и если попадает, то номер включается в выборку. Из сформированной таким способом выборки нужно удалить все дубликаты телефонных номеров, после чего ее можно использовать для опроса. В результате получается простая случайная выборка. Можно также создавать и систематическую выборку.

При генерации телефонных номеров в проекте стратифицированной выборки страты формируются на основе диапазонов телефонных номеров, взятых также из Реестра российской системы и плана нумерации. Далее для каждой страты генерируется отдельная выборка требуемого размера. Например, при опросах населения создаются отдельные страты для стационарных и мобильных телефонов.

Важно напомнить, что число телефонных номеров в выборке должно выдаваться с запасом. При создании выборки методом генерации случайных номеров запас должен быть больше, чем при формировании выборки из базы, из-за наличия несуществующих номеров.

ОСОБЕННОСТИ ОЦЕНКИ КАЧЕСТВА ВЫБОРОК ТЕЛЕФОННЫХ ОПРОСОВ

Необходимо отметить, что вопрос о качестве выборок в телефонных опросах достаточно дискуссионный. Ранее, например, в конце прошлого столетия в российской исследовательской практике в силу различных причин вопрос о качестве практически не ставился. Прежде всего, потому, что не было ни единых стандартов, ни методик оценки. С 1998 года после того, как Американской ассоциацией изучения общественного мнения (AAPOR) был предложен вариант стандартов оценки качества выборочного исследования, многие из отечественных исследователей стали опираться на эти рекомендации. Рассмотрим их кратко через коэффициенты, отражающие качество выборок телефонных опросов.

Уровень достижимости (RR1) – нижняя граница достижимости, отношение успешных интервью ко всем номерам, по которым были сделаны звонки.

Коэффициент ответов (RR3) или отношение полностью взятых интервью ко всем номерам, потенциально удовлетворяющих критериям отбора.

Коэффициент кооперации (COOP1), т. е. доля опрошенных ко всем единицам наблюдения, удовлетворяющим условиям отбора, и с которыми удалось установить контакт.

Коэффициент контактов (CON2) или доля номеров, с которыми удалось установить контакт, ко всем работающим номерам, включенным в выборку.

Коэффициент отказов (REF2) – отношение отказавшихся от участия в опросе людей от всех потенциально удовлетворяющих условиям выборки единицам наблюдения.

Расчет и учет этих коэффициентов в практике выборочных телефонных опросов дает возможность не только оценить их качество, но и обоснованно выработать рекомендации по его повышению. Так, например, низкие показатели достижимости телефонного опроса (в ряде методических сравнительных исследований коэффициент достижимости при телефонных опросах – RR1 колебался от 1 % до 10 %) ставят вопрос о необходимости детального изучения системы дозвона, программ ее обеспечения, работы телефонистов и интервьюеров, оценки качества используемых баз номеров, их проверки и актуализации, обоснованной классификации неработающих номеров и др. Для повышения доли эффективных контактов рекомендуется пересмотреть инструкции проведения отбора респондентов и увеличить число попыток дозвониться до абонентов из категории «не взяли трубки / занято» до 5–10 раз. Это позволит снизить совокупность набираемых номеров и уменьшить категорию «нет ответа», что приведет к увеличению общих показателей достижимости. При этом многие исследователи подтверждают, что значимых отличий между контактами по стационарной и мобильной связи не наблюдается – доли отказов от числа установленных контактов в обоих типах связи примерно схожи – около 60 % [Караева, 2015].

Не менее важно и другое. Эти коэффициенты создают единую и понятную методологическую и методическую основу для формирования стандартов качества выборочных исследований, в том числе и телефонных, которых должны придерживаться все исследовательские коллективы. Так, в минимальных требованиях AAPOR рекомендуется в обязательном порядке предоставлять информацию о характеристиках выборочного исследования:

1. Определение генеральной совокупности: описание исследуемого населения, географического расположения, определение основы выборки, необходимой для идентификации этого населения; если основа выборки предоставляется третьим лицом, поставщик должен быть назван; если при формировании выборки не использовалась основа или список, это должно быть отражено в тексте.

2. Описание дизайна выборки, точное и понятное представление метода отбора респондентов, включая любое квотирование или дополнительные элементы отбора в ходе опроса или после его завершения; в описании выборки должно быть однозначно представлено, где применялся случайный и неслучайный отбор респондентов.

3. Размер выборки и обсуждение точности измерения, включая ошибку выборки для случайного отбора и описание переменных, используемых для процедур взвешивания или оценки; следует отдельно отметить, какие обнаруженные ошибки выборки, с учетом дизайн-эффекта, были скорректированы за счет кластеризации или взвешивания. [Османов, Рогозин, 2013].

Отметим, что эти требования закреплены в профессиональном кодексе социолога и в решениях общественных профессиональных исследовательских организаций России.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Не будет преувеличением сделать вывод, что телефонизация и распространение Интернета коренным образом изменили опросную индустрию как у нас в стране, так и за рубежом. Подавляющее большинство выборочных социологических исследований сегодня конструируется на основе использования телефонного или онлайн-опросов. При этом по программно-технологическим параметрам проектирования и организации осуществления они все более сближаются.

Телефон (смартфон) сегодня становится универсальным средством и идентификации, и отбора, и репрезентации, и фиксации первичной социологической информации, и связи с исследователем.

Несмотря на очевидную привлекательность телефонных опросов, выборка для них характеризуется серьезным набором особенностей, связанных со структурой телефонизации страны, специфическими практиками использования телефонов (стационарных и мобильных) различными группами населения, несуществующими номерами, их географической геолокализацией, различных форматов и отсутствием гарантированной верификации баз телефонных номеров, методическим и организационным несовершенством методов отбора абонентов в выборку и некоторыми другими.

Все эти особенности влияют на качество выборок в телефонных опросах. Помощь в ее оценке может оказать профессиональная методическая ориентация исследователей на стандарты опросных инструментов, разработанных AAPOR и связанных, прежде всего, с контролем выборки и регистрацией систематических смещений, связанных с недостижимостью определенных групп владельцев телефонных номеров.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Чуриков А. В. Основы построения выборки для социологических исследований. М.: Общественное мнение, 2020.
2. Османов Т. Э., Рогозин Д. М. Методическое представление общероссийского опроса по мобильным телефонам, или процедуры оценки качества выборочного исследования на примере опроса трудоспособного населения России // Мониторинг общественного мнения. 2013. № 2 (114). С. 40–54.
3. Караева О. С. «Поиски лучшей репрезентации»: сравнение телефонных и квартирных опросных методик в социально-политических исследованиях (Методический эксперимент) // Вестник общественного мнения. 2015. № 1 (119). С. 116–129.
4. Будущее исследований населения США посредством общенациональных телефонных опросов / AAPOR ; под ред. О. А. Оберемко / пер. с анг. Г. В. Маткаримовой, А. Ю. Станевич, О. Н. Шаевой, Т. А. Валиулиной, А. О. Тропкиной, М. А. Харитоновой. М.: ВЦИОМ, 2018.

REFERENCES

1. Churikov, A. V. (2020). Osnovy postroeniya vyborki dlya sociologicheskih issledovanij = Fundamentals of sampling in sociological research. Moscow: Obshestvennoe mnenie. (In Russ.)

2. Osmanov, T. E., Rogozin, D. M. (2013). Methodological presentation of the all-Russian survey via mobile phones, or procedures for assessing the quality of a sample study on the example of the survey among working-age Russian population. Monitoring public opinion, 2(114), 40–54. (In Russ.)
3. Karaeva, O. S. (2015). «The search for a better representation»: comparison of telephone and apartment survey methods in socio-political research (Methodological experiment). Bulletin of Public Opinion, 1(119), 116–129. (In Russ.)
4. Oberemko, O. A. (Ed.). (2018). Budushchee issledovanij naseleniya SShA posredstvom obshchenacional'nyh telefonnyh oprosov / AAPOR = The future of US population research through nationwide telephone surveys / AAPOR. Moscow: VTSIOM JSC. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Примаков Вячеслав Леонидович

доктор социологических наук, профессор
профессор кафедры социологии
Института международных отношений и социально-политических наук
Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Primakov Vyacheslav Leonidovich

Doctor of Sociology (Dr. habil), Prof.
Professor at the Department of Sociology
Institute for International Relations and Social and Political Sciences
Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию	20.02.2024	The article was submitted
одобрена после рецензирования	25.03.2024	approved after reviewing
принята к публикации	26.03.2024	accepted for publication

Научная статья
УДК 378.4: 316.022.4

Социальный портрет молодого преподавателя Московского государственного лингвистического университета

И. С. Салихова

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
Irasalikhova@list.ru

Аннотация. В системе высшего образования Российской Федерации доля молодых преподавателей очень мала по сравнению с педагогами старшего поколения. Нами был составлен социальный портрет молодого преподавателя МГЛУ, включающий в себя различные аспекты их деятельности: от возможности получения научной степени до вовлеченности в сектор вторичной занятости.

Ключевые слова: молодой преподаватель, молодой преподаватель университета, социальный портрет молодого преподавателя, социальный портрет молодого преподавателя университета, социальный портрет, преподаватель университета

Для цитирования: Салихова И. С. Социальный портрет молодого преподавателя Московского государственного лингвистического университета // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2024. Вып. 2 (855). С. 113–120.

Original article

Social Portrait of Young University Teacher of Moscow State Linguistic University

Irina S. Salikhova

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
Irasalikhova@list.ru

Abstract. In the higher education system of the Russian Federation, the share of young teachers is very small compared to teachers of the older generation. We have compiled a social portrait of a young MSLU teacher, which includes various aspects of their activities: from the possibility of obtaining a scientific degree to involvement in the secondary employment sector.

Keywords: young teacher, young university teacher, social portrait of young teacher, social portrait of young university teacher, social portrait, university teacher

For citation: Salikhova I. S. (2024). Social portrait of young university teacher of Moscow state linguistic university. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Social Sciences, 2(855), 113–120.

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность: по данным Статистического сборника НИУ ВШЭ «Образование в цифрах» на начало 2022 / 2023 учебного года в России насчитывается 215,1 тыс. преподавателей, из которых лишь 5 % составляют молодые специалисты [Образование в цифрах: 2023: краткий статистический сборник, 2023]. В системе высшего образования наблюдается тенденция текучести кадров среди «молодежи»: по сравнению с 2000 / 2001 учебным годом численность молодых педагогов сократилась примерно на 50 тыс. чел., в то время как преподавателей старшего поколения становится всё больше и больше.

Молодых специалистов подавляющее меньшинство, но они являются важным объектом социологического исследования, так как в процессе педагогической деятельности у них складываются свои практики и модели поведения в зависимости от нового приобретенного социального статуса преподавателя высшей школы.

МЕТОДОЛОГИЯ

Эмпирическую базу составляют результаты мониторинга преподавателей МГЛУ за 2022 год, который был проведен Социологической лабораторией Московского государственного лингвистического университета. В анкетировании приняли участие 596 преподавателей лингвистического и нелингвистического профилей учебно-научных подразделений университета. Ошибка выборки не превышает 2,55 % с доверительной вероятностью $\gamma = 0{,}95$.

Также данные подкреплялись результатами мониторингов экономики образования НИУ ВШЭ за 2023 год. Данные являются репрезентативными для российских преподавателей.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Понятие «социальный портрет» широко используется в современной науке, в частности социологии. Однако однозначного понимания данного понятия не существует ввиду его использования в различных сферах знания. Например, «западный аналог «social portrait» не часто употребляется в строго научных дискурсах, выступая иногда в качестве модного клише современной публицистики» [Казакова, 2011].

В отечественной социологии «социальный портрет» начал широко использоваться с 1970-х годов, когда было популярно разрабатывать портреты представителей определенных социальных групп [Ермолаева и др., 2014].

Такие отечественные ученые, как М. П. Карпенко, В. А. Лапшов и М. В. Кибакин исследовали социальный портрет студента, под которым понимали «интегрированное описание основных социальных, демографических и иных свойств личности, присущих всей совокупности обучающихся» [Карпенко, Лапшов, Кибакин, 1999]. А. В. Махиянова отмечает, что социальный портрет может строиться на основе жизненных планов, оценки условий проживания, досуге, ценностях или условиях профессиональной деятельности [Ефимова, Семенов, 2018]. Таким образом, можно заключить, что социальный портрет представляет собой описание индивидуальных характеристик отдельно взятой общности, а также различных аспектов ее жизни.

В распоряжении Правительства Российской Федерации от 29.11.2014 № 2403-р определен «молодой ученый» – это работник образовательной или научной сферы до 35 лет, имеющий ученую степень кандидата наук[1]. Как утверждает Е. А. Балезина, для молодого преподавателя в возрасте до 35 характерно: нехватка опыта, низкий статус и занимаемая позиция (молодежь, в основном, занимает должности от ассистента до старшего преподавателя) [Балезина, 2019].

В гендерном разрезе принято считать сферу образования женской, в частности, в России, что подтверждается данными Федеральной службы государственной статистики [Станевич, Салихова, 2023]. Однако не во всех странах сфера образования является феминизированной, например, «в мусульманских странах профессия педагога считается мужской, так как оценивается как очень сложная для женщины» [Соколова, 2014].

Таким образом, социальный портрет молодого преподавателя – это совокупное описание социально-демографических, личностных и профессиональных характеристик работника высшего учебного заведения в возрасте до 35 лет, осуществляющего научно-педагогическую деятельность.

ЭМПИРИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Социальный портрет молодого преподавателя Московского государственного лингвистического университета будет рассмотрен по следующим компонентам:

- доля преподавателей, имеющих ученую степень;
- написание диссертации и аудиторная нагрузка;

[1]Об утверждении основ государственной молодежной политики Российской Федерации на период до 2025 года: распоряжение Правительства Российской Федерации от 29.11.2014 №2403-р. 2014. С. 4. URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70713498/

– наличие публикационной активности и барьеров для публикации;
– вторичная занятость;

Первый компонент – наличие ученой степени, которая присуждается ученому за успешную защиту кандидатской или докторской диссертации.

Прежде всего, отметим, что в структуре профессорско-педагогического состава (ППС) МГЛУ преобладают именно молодые специалисты (30 %), на втором месте – преподаватели в возрасте 45–60 лет (26 %) и третье место между собой делят возрастные группы 36–45 лет и 60+ лет (22 %).

Бóльшая часть выпускников московского Иняза – это молодые педагоги в возрасте до 35 лет (84 %), что свидетельствует о том, что идет процесс привлечения молодых кадров к педагогической деятельности (табл. 1). Выпускники остаются в стенах университета, но только уже с новым социальным статусом – преподавателя, который передает профессиональные знания и умения новым поколениям. С увеличением возраста респондентов, увеличивается доля окончивших не МГЛУ, что квалифицирует педагогов как специалистов в разных областях знания.

Итак, «молодежь» составляет базис ППС в МГЛУ, при этом они сталкиваются с рядом барьеров, которые возникают в процессе их научно-педагогической деятельности.

Согласно мониторингу МГЛУ, 42 % преподавателей лингвистического профиля и 77 % нелингвистического имеют ученые степени (табл. 2). Заметна следующая тенденция: с увеличением возраста преподавателей возрастает количество остепенных специалистов. Например, только лишь 16 % молодых педагогов имеют данную степень против 66 % преподавателей в возрасте 60+ лет.

Среди преподавателей нелингвистического профиля больше остепенных, чем среди специалистов лингвистического профиля. Например, молодые нелингвисты со степенью кандидата наук составляют 39 %, в то время как лингвистов меньше в 3 раза (12 %) (рис. 1).

Возможно, такое распределение связано с тем, что большая часть лингвистов вовлечена во вторичный сектор занятости, занимаясь различными видами переводов во вне учебное время, как следствие, они имеют больше отвлекающих факторов, которые не позволяют им сфокусироваться на написании научной работы. Далее рассмотрена работа лингвистов в неформальном секторе.

Явные значимые различия прослеживаются между молодыми преподавателями до 35 лет лингвистических и нелингвистических профилей и наличию у других возрастных групп ученой степени.

Второй компонент – написание диссертации, которую необходимо успешно защитить для получения степени кандидата наук. По данным мониторинга преподавателей МГЛУ, 26 % преподавателей в возрасте до 35 лет на данный момент учатся в аспирантуре, в то время как 35 % уже прошли обучение. Большинство респондентов-нелингвистов (86 % против 56 %) в данный момент работают над диссертацией и планируют ее защиту в ближайшие три года (табл. 3).

Предположим, что для некоторых преподавателей наличие степени – это только показатель

Таблица 1

ДОЛЯ ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ, ОКОНЧИВШИХ МГЛУ (МГПИИЯ ИМ. МОРИСА ТОРЕЗА), В %

	Профиль учебно-научного подразделения		Возраст			
	Лингвистического профиля	Нелингвистического профиля	До 35 лет	36–45 лет	46–60 лет	60+ лет
Окончил МГЛУ	75	21	84	69	42	44
Окончил не МГЛУ	25	79	16	31	58	56

Таблица 2

ДОЛЯ ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ МГЛУ, ИМЕЮЩИХ НАУЧНУЮ СТЕПЕНЬ, В %

	Профиль учебно-научного подразделения		Возраст			
	Лингвистического профиля	Нелингвистического профиля	До 35 лет	36–45 лет	46–60 лет	60+ лет
Имею	42	77	16	58	72	66
Не имею	58	23	84	42	28	34

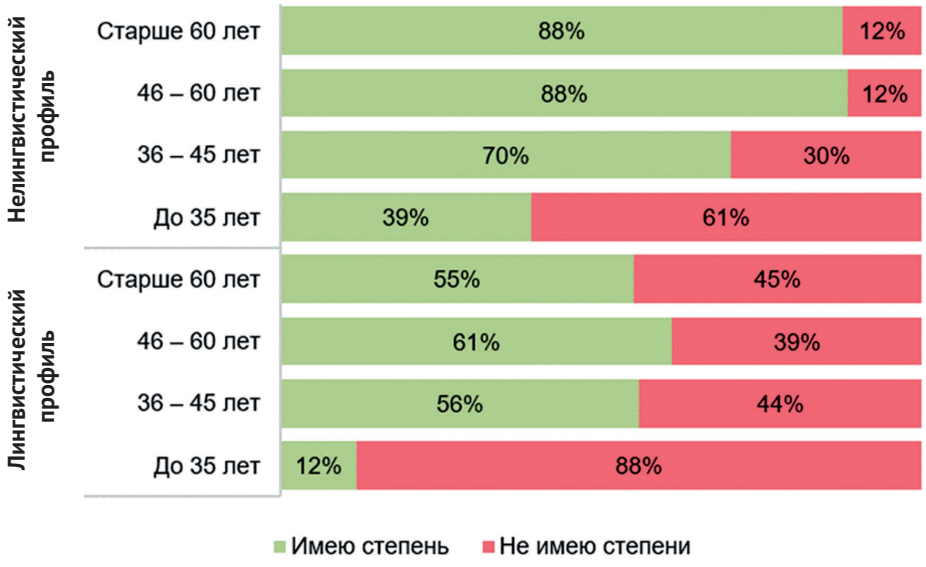

Рис. 1. Доли преподавателей, имеющих научную степень, по возрастам в зависимости от учебно-научного подразделения университета

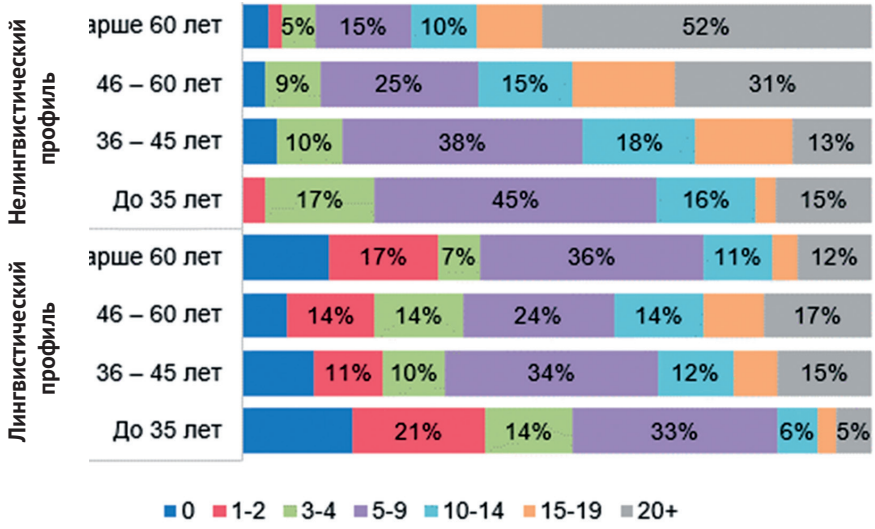

Рис. 2. Доля публикаций в научных журналах и / или материалах конференций за последние 5 лет в зависимости от учебно-научного подразделения университета

Таблица 3

ДОЛИ МОЛОДЫХ ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ МГЛУ, РАБОТАЮЩИХ НАД НАПИСАНИЕМ ДИССЕРТАЦИИ, В %

		Лингвисты до 35 лет	Нелингвисты до 35 лет
Работаете ли Вы в настоящее время над написанием диссертации?	Да, работаю и имею планы по ее защите в ближайшие 3 года	56	86
	Нет, не работаю, но такую возможность в более отдаленной перспективе	31	9
	Нет, не работаю и такие планы отсутствуют	14	9

имиджа и бренда университета, т. е. они работают не на себя, а ради МГЛУ. По данным мониторинга, 40 % лингвистов отметили, что репутация университета для них – один из решающих мотивов работы в Инязе. Например, те кто сегодня не занимаются написанием диссертации, но рассматривают такую возможность в будущем, работают в университете и считают это «любимым делом» (62 %), 27 % увлечены построением академической карьеры и практически половина (49 %) желают работать в университете по специальности. Таким образом, часть «молодежи», в основном, нацелена больше на трудовую сферу: получение быстрого карьерного роста и применение полученных знаний на практике.

Важно отметить, что практически каждый второй молодой специалист пишет и тем более защищает диссертационные работы. Одним из главных барьеров для написания диссертационной работы выступает нехватка времени и мотивации, что подтверждается данными мониторинга экономики образования НИУ ВШЭ в 2023 году [Опыт совмещения учебы и работы аспирантами и его роль в карьерных траекториях выпускников аспирантуры, 2023]. Также на молодых педагогов большое влияние оказывает аудиторная нагрузка в университете или на основном месте работы (если он не является сотрудником высшего учебного заведения).

На основании мониторинга НИУ ВШЭ следует, что молодые преподаватели, в основном, ведут дисциплины у бакалавров, которые носят более общий характер, нежели в магистратуре или аспирантуре. Так, в среднем, они преподают 4,3 дисциплины на бакалаврском уровне и только 1,9 на магистерском. Важно отметить, что «молодежь» также привлекается к факультативным занятиям.

Третий компонент – наличие публикационной активности и возможные барьеры для написания научных материалов. Участие в научных мероприятиях позволяет не только познакомиться с учеными-единомышленниками, обменяться опытом, но иметь возможность публикации в сборниках конференций.

Согласно постановлению Правительства РФ от 24.09.2013 № 842 (ред. от 25.01.2024) «О порядке присуждения ученых степеней» (вместе с «Положением о присуждении ученых степеней»)[1] отмечается основные критерии, согласно которым присуждается ученая степень кандидата наук. Так, одним из таких критериев является количество публикаций, которое должно быть у соискателя на момент защиты: для социально-гуманитарных наук определяется не менее 10 публикаций в виде научных статей.

За последние пять лет 45 % нелингвистов и примерно треть (33 %) лингвистов имели 5–9 публикаций в научных журналах, но были и те, кто вовсе не публиковались (17 %) (рис. 2).

Если сравнивать молодых ученых с другими возрастными группами, то у первых наблюдается меньшая публикационная активность. Возможно, это связано с отсутствием мотивации, научных наработок или времени. Заметна тенденция увеличения количества публикаций от возраста педагогов.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что молодые педагоги, в целом, имеют достаточное количество публикаций в соответствии со своим профессиональным опытом, наличием времени и научными наработками по теме.

Имея основное место работы, преподаватель может прибегать к вторичному сектору занятости, занимаясь различными видами деятельности (табл. 4). В целом, молодые педагоги чаще других возрастных групп используют услуги вторичного сектора занятости. Например, они являются репетиторами иностранных языков (ИЯ) (61 %) или занимаются письменным переводом текстов (33 %).

Несмотря на то, что «молодежь» активно занимаются репетиторской деятельностью и различными видами переводов, в виду возраста они имеет небольшой опыт вторичной занятости: в основном, 6–10 лет (33 %) (табл. 5). Можно предположить, что они начали подрабатывать уже со студенческих лет.

Интересно, что контингент преподавателей различается. Преподаватели в возрасте до 35 лет чаще других возрастных групп занимаются со школьниками. В рамках школьной программы они могут подтягивать учеников по отдельным предметам или готовить их к экзаменам (ОГЭ / ЕГЭ) (табл. 6).

Все возрастные группы чаще всего занимаются со взрослыми, что может быть связано с тем, что взрослые более осознанно выбирают курсы и занимаются нежели, чем дети, которых, скорее, привели родители.

Например, основными мотивами вовлеченности молодых специалистов во вторичную занятость в виде репетиторских услуг являются: наличие дополнительного источника дохода (87 %), возможности для дистанционного, более удобного формата (38 %) и занятие любимым делом (33 %).

Рассматривая доходы лингвистов и нелингвистов, было выявлено, что преподаватели нелингвистических направлений практически не занимаются переводческой деятельностью, поэтому анализ был проведен по лингвистам. Так, 52 % молодых преподавателей получают менее 10 %

[1]Постановлению Правительства РФ от 24.09.2013 N 842 (ред. от 25.01.2024) «О порядке присуждения ученых степеней» (вместе с «Положением о присуждении ученых степеней»). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_152458/

Таблица 4

ВОВЛЕЧЕННОСТЬ ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ МГЛУ ВО ВТОРИЧНУЮ ЗАНЯТОСТЬ, В %

		До 35 лет	36-45 лет	46-60 лет	60+ лет
Вид вторичной занятости	Репетиторство ИЯ	61	38	20	14
	Репетиторство других предметов	2	1	3	3
	Устный перевод	14	15	5	11
	Письменный перевод	33	26	3	14

Таблица 5

ОПЫТ РЕПЕТИТОРСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ МГЛУ В НЕФОРМАЛЬНОМ СЕКТОРЕ ЗАНЯТОСТИ, В %

		До 35 лет	36-45 лет	46-60 лет	60+ лет
Опыт вторичной занятости	Менее 3-х лет	13	8	3	19
	3–5 лет	29	4	6	5
	6–10 лет	33	5	0	5
	10+ лет	24	73	73	62
	Другое	1	4	0	8

Таблица 6

КОНТИНГЕНТ УЧЕНИКОВ ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ МГЛУ В НЕФОРМАЛЬНОМ СЕКТОРЕ ЗАНЯТОСТИ, В %

		До 35 лет	36-45 лет	46-60 лет	60+ лет
Контингент учеников	Дошкольники	4	4	0	0
	1–4 лет	21	15	3	0
	5–9 лет	48	29	20	6

с переводов во вторичном секторе занятости, в то время как 34 % педагогов в возрасте 36–45 лет – от 10 до 30 % (рис. 3).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, молодые преподаватели представляют собой социальную группу, которой очень сложно подстроиться под изменения собственного статусного-ролевого набора, так как они больше не являются студентами, но еще проходят процесс адаптации к новой для них социальной роли – преподавателя, поэтому они занимают некое пограничное – маргинальное положение в системе образования.

Социальный портрет молодого преподавателя МГЛУ был проанализирован по ряду критериев. Так, молодой педагог – это работник университета в возрасте до 35 лет без ученой степени кандидата наук. Большая часть из них в данный момент работает над кандидатской диссертацией и планирует ее защиту в ближайшие три года. Практически единицы (16 %) уже успешно защитились и имеют научную степень. В гендерном разрезе – как правило, преподавателем является женщина, нежели мужчина.

Помимо диссертации преподаватели занимаются большим объемом аудиторной нагрузки (например, лекции семинарских занятий, к которым необходимо подготовиться, проведение и проверка домашних заданий студентов). В основном, лекции или семинарские занятия проводятся для бакалавров, реже для магистров или аспирантов, так как они требуют меньше профессиональной специализации.

Для успешной защиты кандидатской диссертации молодым преподавателям нужно иметь определенное количество публикаций по теме исследования, которые индексируются в научных

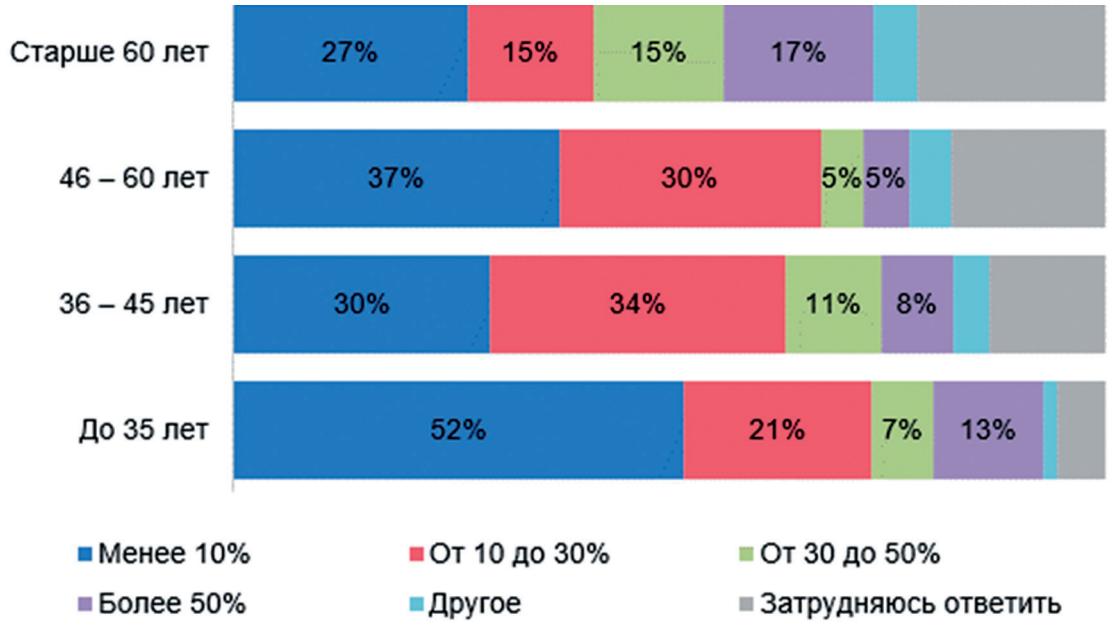

Рис. 3. Доля личного дохода в виде переводческой деятельности преподавателей-лингвистов в неформальной вторичной занятости

журналах. По данным мониторинга МГЛУ было выявлено, что в среднем молодые педагоги за последние пять лет имели до девяти научных публикаций, что значительно ниже относительно других возрастных групп. Основными барьерами, мешающими написанию тезисов или статей, могут являться: нехватка времени ввиду наличия основного места работы, совмещения работы и учебы в аспирантуре, большого объема аудиторной нагрузки и в целом мотивации. Также отмечается, что возникают трудности с поиском материалов по теме исследования, т. е. нехватка научных материалов осложняет процесс подготовки диссертации.

Помимо наличия работы, молодые преподаватели чаще других возрастных групп привлекаются во вторичный сектор занятости, в основном, для получения еще одного источника дохода. Например, они становятся репетиторами иностранных языков или других предметов, помогая ученикам подтянуть материал или подготовиться к экзаменам. Примерно треть занимается письменными переводами.

Доля молодых преподавателей в возрасте до 35 лет в системе высшего образования Российской Федерации очень маленькая. Если рассматривать Московский государственный лингвистический университет, только единицы из них имеют ученые степени кандидатов наук, несмотря на то, что многие в данный момент работают над диссертациями и учатся в аспирантуре.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Образование в цифрах: 2023: краткий статистический сборник / Т. А. Варламова, Л. М. Гохберг, О. К. Озерова и др.; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: НИУ ВШЭ, 2023. URL: https://issek.hse.ru/mirror/pubs/share/856367924.pdf
2. Казакова В. И. Социальный портрет как объект феноменологического анализа // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Социальные науки. 2011. №1 (21). С. 32–38.
3. Ермолаева П. О. [и др.] Социальный портрет населения: методология, основные характеристики / П. О. Ермолаева, А. М. Нагимова, Е. П. Носкова, М. Р. Зайнуллина, А. И. Купцова. Казань: Артифакт, 2014.
4. Карпенко М. П., Лапшов В. А., Кибакин М. В. Социальный портрет студента негосударственного вуза // Социологические исследования. 1999. № 8. С. 101–103.
5. Ефимова Г. З., Семенов М. Ю. Социальный портрет женщины-учителя (на примере Тюменской области) // Вестник Российского университета дружбы народов. Социология. 2018. № 3. С. 521–531.

6. Балезина Е. А. Молодые преподаватели в современном вузе: социальная типизация // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Социально-экономические науки. 2019. № 3. С. 65–75.
7. Станевич А. Ю., Салихова И. С. Положение мужчин и женщин на рынке труда: стереотипы и реальность (социологический анализ на примере студентов московских вузов) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2023. Вып. 4 (853). С. 144–152.
8. Соколова Е. А. Стереотипный образ учителя в прессе провинциального города: гендерный аспект // Педагогическое образование в России. 2014. № 10. С. 180–183.
9. Опыт совмещения учебы и работы аспирантами и его роль в карьерных траекториях выпускников аспирантуры: информационный бюллетень НИУ ВШЭ / В. И. Слепых, В. Н. Рудаков. 2023. № 2 (44).

REFERENCES

1. Varlamova T. A. et al. (2023). Obrazovanie v cifrah = Education in numbers: 2023: a short statistical collection. HSE University. https://issek.hse.ru/mirror/pubs/share/856367924.pdf
2. Kazakova, V. I. (2011). Social portrait from phenomenological point of view. Vestnik of Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod. Social Sciences, 1(21), 32–38. (In Russ.)
3. Ermolaeva, P. O. et al. (2014). Social'nyj portret naseleniya = Social portrait of the population: methodology, main characteristics / P. O. Ermolaeva, A. M. Nagimova, E. P. Noskova, M. R. Zajnullina, A. I. Kupcova. Kazan: Artifakt. (In Russ.)
4. Karpenko, M. P., Lapshov, V. A., Kibakin, M. V. (1999). Social'nyj portret studenta negosudarstvennogo vuza = Social portrait of a student at a non-governmental university. Sociological Studies, 8, 101–103. (In Russ.)
5. Efimova, G. Z., Semenov, M. Yu. (2018). Social portrait of female teacher (on the example of the Tyumen region). Vestnik of RUDN. Sociology, 3, 521–531. (In Russ.)
6. Balezina, E. A. (2019). Young teachers at modern university: the social typology. Vestnik of PNRPU. Socio-economic sciences, 3, 65–75. (In Russ.)
7. Stanevich, A. Yu., Salikhova, I. S. (2023). The position of men and women in the labor market: stereotypes and reality (sociological analysis on the example of students of Moscow universities). Vestnik of Moscow State Linguistic University. Social Sciences, 4(853), 144–152. (In Russ.)
8. Sokolova, E. A. (2014). A typical image of a teacher in the provincial town press: the gender dimension // Pedagogical education in Russia, 10, 180–183. (In Russ.)
9. Slepyh, V. I., Rudakov, V. N. (2023). Opyt sovmeshcheniya ucheby i raboty aspirantami i ego rol' v kar'ernyh traektoriyah vypusknikov aspirantury = The experience of combining study and work as graduate students and its role in the career trajectories of graduate students. HSE University, 2(44). https://www.hse.ru/data/2023/02/08/2045753390/ib_2(44)_2023.pdf

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Салихова Ирина Сергеевна

аспирант кафедры социологии
Института международных отношений и социально-политических наук
Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Salikhova Irina Sergeevna

Post-graduate student, Department of Sociology, Institute of International Relations and Social and Political Sciences (Faculty), Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию	12.03.2024	The article was submitted
одобрена после рецензирования	18.04.2024	approved after reviewing
принята к публикации	20.04.2024	accepted for publication

Научная статья
УДК 316.62 : 316.74

Развлекательные массовые мероприятия в культурном досуге горожан: способ вовлечения или самостоятельное явление

В. А. Шелгинская

Уральский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Екатеринбург, Россия
victoria.shelg@yandex.ru

Аннотация. Массовые мероприятия являются примечательными фактами событийного календаря города, возравстает их роль в качестве отдельного и обособленного вида культурного досуга. Будучи инициированными учреждениями культуры, они служат целям привлечения контингента и формирования имиджа, стимулируя интерес к посещению. Исследование предмета проводится на основании корреляционного дисперсионного анализа.

Ключевые слова: мероприятие, учреждения культуры, музейно-выставочная деятельность, досуг молодежи, досуговые предпочтения горожан, социокультурная среда, индустрия встреч, поведение потребителя, молодежная политика

Для цитирования: Шелгинская В. А. Развлекательные массовые мероприятия в культурном досуге горожан: способ вовлечения или самостоятельное явление // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2024. Вып. 2 (855). С. 121–129.

Original article

Entertaining Events and Festivals in the Cultural Leisure of Citizens: a Method of Involvement or an Independent Phenomenon

Victoria A. Shelginskaya

Ural Institute of Management – a branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Yekaterinburg, Russia
victoria.shelg@yandex.ru

Abstract. Mass events are notable facts of the city's event calendar, and being initiated by cultural institutions, they serve the purpose of attracting the contingent and image formation, stimulating interest in attendance. On the basis of correlation and variance analysis, the article explores hypotheses of interaction with cultural institutions and attendance of urban events, and raises their role as a separate and isolated type of cultural leisure.

Keywords: event, cultural institutions, museum and exhibition activities, youth leisure, leisure preferences of citizens, socio-cultural environment, meeting industry, consumer behaviour, youth policy

For citation: Shelginskaya, V. A. (2024). Entertaining events and festivals in the cultural leisure of citizens: a method of involvement or an independent phenomenon. Vestnik of Moskow State Linguistic University. Social Sciences, 2(855), 122–129.

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность. Открытые городские мероприятия как составляющая досуговой деятельности представляют собой обобщенную категорию как для мероприятий, связанных с праздным времяпрепровождением, так и «более возвышенной деятельности» [цит. по: Гарбузов, 2021 с. 70]. В связи с этим они неизбежно включают ряд видов деятельности и могут быть разделены в зависимости от соотношения той и другой компоненты. Например, массовые мероприятия культурные, культурно-просветительские, культурно-досуговые, досугово-развлекательные и пр.

Выбор досуговой активности определяется собственными потребностями и интересами людей. Однако «в зависимости от всех имеющихся различий, общей точкой для всех является получение удовольствия от деятельности в свободное время, от ее выполнения» [Cagirkan, Bilek, Telli, 2021, с. 917]. Подобные гедонистические мотивы, по своим понятийным составляющим сходны для многих однако могут значительно различаться по качественному восприятию. Так, для одних получение удовольствия от культурного-развлекательного досуга связано с наличием гедонистических удобств и хорошего сервиса, для других – с новизной представленного материала, для третьих – содержанием программы и т. д. [Комарова, 2021].

Чтобы привлекать посетителей, особенности проявления гедонистических мотивов которых не установлены, «услуги культурно-досугового характера, так же как и любая другая услуга или товар, нуждаются в грамотном и эффективном продвижении» [Назаркина, Зозуля, 2019, с. 69]. Проведение неординарных, некалендарных досугово-развлекательных городских мероприятий, привлекающих внимание общественности[1], является одним из способов акцентирования внимания общественности на деятельности учреждения, стимулирования посещений, формирования привлекательного имиджа и т. д. [Быкова, Шудря, Ненашева, 2020; Корнилова, Власова, 2020; Безуленко, 2022]. Кроме того, на подобных мероприятиях лежит реализация ряда общественно значимых функций: социализирующей, идеологической, гуманистической и пр.

К такого рода мероприятиям можно отнести, например, известные акции: Ночь музеев, Ночь кино, Библионочь и другие акции местного масштаба и широкой тематической направленности. Важной их целью является вовлечение посетителей в длительное взаимодействие с организующей стороной, стимулирование заинтересованности аудитории и ее дальнейших посещений программ, экспозиций и других видов культурного досуга, предлагаемого организациями в повседневном режиме [Шевелев, 2023; Кернерман, 2022; Корнилова, Власова, 2020].

Потенциал открытых городских социокультурных мероприятий как способов продвижения деятельности учреждений культуры подчеркивается многими авторами. Действительно, подобные акции привлекают достаточное количество посетителей, не имеющих стабильного взаимодействия с учреждениями культуры, но посещающих их в период проведения мероприятия. Однако в долгосрочной перспективе оценка их эффективности затруднена и неоднозначна.

Так, исследование Московского института социально-культурных программ относительно эффективности акции Библионочь показывает, что практически половина посетителей не были записаны в библиотеку и впервые посетили указанное мероприятие [Библионочь ... 2018]. Но несмотря на то, что семь из десяти респондентов выразили готовность к посещению библиотек, каждый пятый остался не заинтересован в регистрации в качестве читателя и дальнейшем посещении учреждения. Таким образом, фактическая поведенческая эффективность (количество действительно записавшиеся в библиотеку участников мероприятия вследствие посещения) остаются не установленными. Еще одно аналогичное исследование было посвящено акции Ночь Музеев. Согласно опубликованным данным, только 42 % опрошенных ответили, что у них появилось желание посетить экспозицию повторно вне акции (или посмотреть другую в этом музее), что характеризует моральное, но не деятельностное намерение [Ночь нужна ... 2018].

Однако ряд специалистов, связанных с организаций мероприятий или событийной индустрией, отмечает, что вынужденный перерыв в посещении мероприятий, связанный с пандемией, повысил интерес людей к такому виду времяпрепровождения[2], несмотря на значительные трудности[3]. В связи с чем небезынтересно установить, повлияло ли это также и на эффективность использования мероприятия для поддержки деятельности учреждений культуры.

[1]Специалисты и отдельные группы населения часто называют их «ивент-мероприятиями» (от англ. event – случай, событие, происшествие).

[2]Life after Covid: Опрос крупнейших event-агентств от Event.ru & REMA.
URL: https://event.ru/interviews/life-after-covid-opros-krupneyshih-event-agentstv-ot-event-ru-rema/?ysclid=lr8yel4xsm713044695 (дата обращения: 20.08.2023).

[3] Итоги года для ивент-отрасли: меняйся или умри. URL: https://vk.com/@el_event-itogi-goda-dlya-ivent-otrasli-menyaisya-ili-umri?ysclid=lr8yf8mj3a116985327 (дата обращения: 15.06.2023).

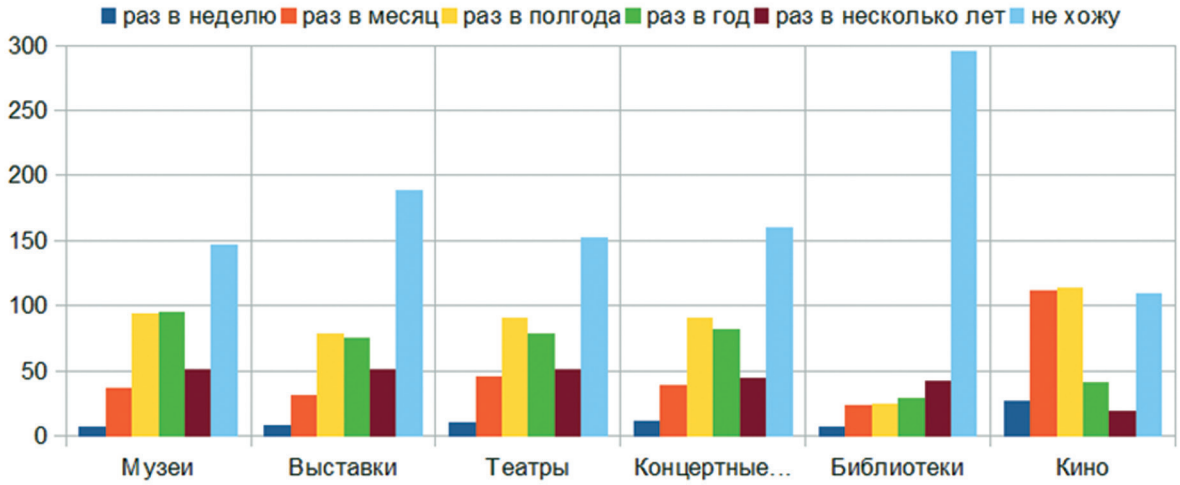

Рис. 1. Частота посещения различных учреждений культуры горожанами, активными в посещении городских мероприятий

Цель исследования заключается в оценке того, стимулируют ли открытые городские социокультурные мероприятия вовлечение жителей в культурную жизнь города, в частности – во взаимодействие с учреждениями культуры. Проверяемую гипотезу можно сформулировать следующим образом: чем чаще люди посещают городские культурно-досуговые мероприятия, тем активнее они посещают учреждения культуры.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

Исследование проведено с применением корреляционного и дисперсионного анализа и имеет по своей сути поисковый характер. Эмпирическую базу составили ответы досугово-активных городских жителей Свердловской области старше 18 лет, заинтересованных в посещении городских мероприятий, 539 человек, при гендерном соотношении 52 % женщин на 48 % мужчин. В долевом соотношении представлены респонденты из малых и больших городов, мегаполиса. Это позволяет охарактеризовать их как горожан, обладающих достаточно высокой степенью доступности как к досуговым организациям, так и к открытым массовым мероприятиям, проводящихся в пространстве города.

Респондентов просили оценить свою активность в части посещения примечательных городских мероприятий (каждые несколько месяцев, раз в квартал и т. д.) и посещения различных учреждений культуры (по шкале, где 1 – посещаю каждую неделю, 6 – не посещаю практически никогда). Дополнительно респондентам был задан вопрос, открытые городские мероприятия какого-типа они чаще всего посещают: коммерческого, городского или инициативного (клуб, студия и др.) организатора.

РЕЗУЛЬТАТЫ

Среди опрошенных, посещающих городские культурные мероприятия, большая часть (45 %) посещает такие мероприятия раз или два в год, еще чуть больше трети посещает из 3–4 раза в год, и только 16 % охарактеризовали частоту посещения как раз в пару месяцев. Частота посещения различных учреждений культуры горожанами, активными в посещении городских мероприятий, представлена на рисунке 1. Посещение кинотеатров наиболее востребовано как вид культурного досуга, сравнительно реже горожане посещают театры, музеи, выставки и концертные залы.

Корреляционный анализ зависимости между частотой посещения учреждений культуры и типом предпочитаемых мероприятий показывает слабые положительные взаимосвязи (табл. 1). Однако корреляции частоты посещения учреждений культуры и частоты посещения городских мероприятий показывают слабые отрицательные взаимосвязи. Это позволяет предположить, что мероприятия действительно обладают определенным вовлекающим потенциалом[1]. При этом частое посещение отдельных мероприятий, вероятно, способно отвлекать посетителей от визитов в учреждения культурно-просветительские.

[1]Хотя эти корреляции недостаточно сильны, чтобы сделать однозначное заключение об их эффективности как инструмента вовлечения в долгосрочной перспективе.

Таблица 1

ДАННЫЕ КОРРЕЛЯЦИОННОГО АНАЛИЗА

	Музеи	Выставки	Театры	Концертные залы	Библиотеки	Кино
Тип мероприятия	0,15	0,18	0,10	0,01	0,09	0,09
Частота посещения городских мероприятий	-0,13	-0,17	-0,21	-0,20	-0,11	-0,12

Таблица 2

РЕЗУЛЬТАТЫ ДИСПЕРСИОННОГО АНАЛИЗА ПО ПЕРЕМЕННЫМ «ЧАСТОТА ПОСЕЩЕНИЙ ГОРОДСКИХ МЕРОПРИЯТИЙ – ЧАСТОТА ПОСЕЩЕНИЯ УЧРЕЖДЕНИЙ КУЛЬТУРЫ»

	Музеи	Выставки	Театры	Концертные залы	Библиотеки	Кино
F-критерий различия средних (F)	**6,10**	**11,52**	**13,96**	**8,40**	**4,10**	**3,88**
Уровень значимости (P)	**0,01**	**0,01**	**0,01**	**0,01**	**0,01**	**0,01**

В целях уточнения того, 1) действительно ли различается *частота посещения* учреждений культуры в зависимости от *типа мероприятия*; 2) действительно ли различается *частота посещения учреждений культуры* в зависимости от *частоты посещения мероприятий*, был проведен дисперсионный анализ.

Что касается зависимости от типа мероприятия, то как минимум в отношении музеев (F = 3,704; при значимости p = 0,012), выставок F = 6,255; при уровне значимости p = 0,01), концертных залов (F = 6,958; при уровне значимости p = 0,01) и кино (F = 4,012; при уровне значимости p = 0,01) было установлено существование статистически значимой взаимосвязи между типом мероприятия и частотой посещения учреждений культуры. Посетители клубных мероприятий сравнительно чаще посещают такие учреждения культуры, как театры, библиотеки и выставки; посетители городских мероприятий – музеи (рис. 2). Посетители частных мероприятий – концертные залы и кино (однако, эта связь является неоднозначной, поскольку посещение известного концерта может восприниматься посетителями как городское мероприятие).

Что касается оценки зависимости от частоты посещения городских мероприятий, то в каждом случае наблюдалась статистически значимая взаимосвязь (табл. 2).

Как можно судить из результатов, горожане, посещающие городские мероприятия 5–6 раз в год (или же приблизительно раз в два месяца), посещают учреждения культуры приблизительно раз в год и раз в несколько лет (особенно в случаях библиотек, выставок и музеев). Тогда как посещение мероприятий 1–2 раза в год связано с более частым посещением учреждений культуры (раз в полгода) (рис. 3). Таким образом, дисперсионный анализ в целом подтверждает предварительные оценки корреляций городских мероприятий горожанином (его заинтересованности в такого рода мероприятиях), снижается его вовлеченность во взаимодействие с учреждениями культуры, а мероприятия начинают скорее рассматриваться в качестве отдельного вида городского досуга, отвлекая внимание от учреждений культуры.

На графике зависимости средних (рис. 4) можно наглядно увидеть, что городские мероприятия, ассоциирующиеся с социокультурной деятельностью и институтами, более выражено связываются с посещением музеев. Тогда как мероприятия, ассоциирующиеся с частным организатором, субъективно связываются скорее с учреждениями популярной, массовой культуры. Примечательно также, что мероприятия инициативных организаторов (частных лиц, клубов, студий и др. объединений) играют не меньшую роль в стимулировании посещений учреждений культуры, чем городские, а в некоторых случаях связаны с несколько более сильной зависимостью.

Более активное посещение нетривиальных (единичных) городских мероприятий не приводит к значительному повышению вовлеченности в посещение учреждений культуры (рис. 4). Можно предположить, что более частое посещение мероприятий (большая заинтересованность в их посещении и включенность в так называемую «событийную среду» города) с большей вероятностью приравнивается посетителями к визиту в учреждение

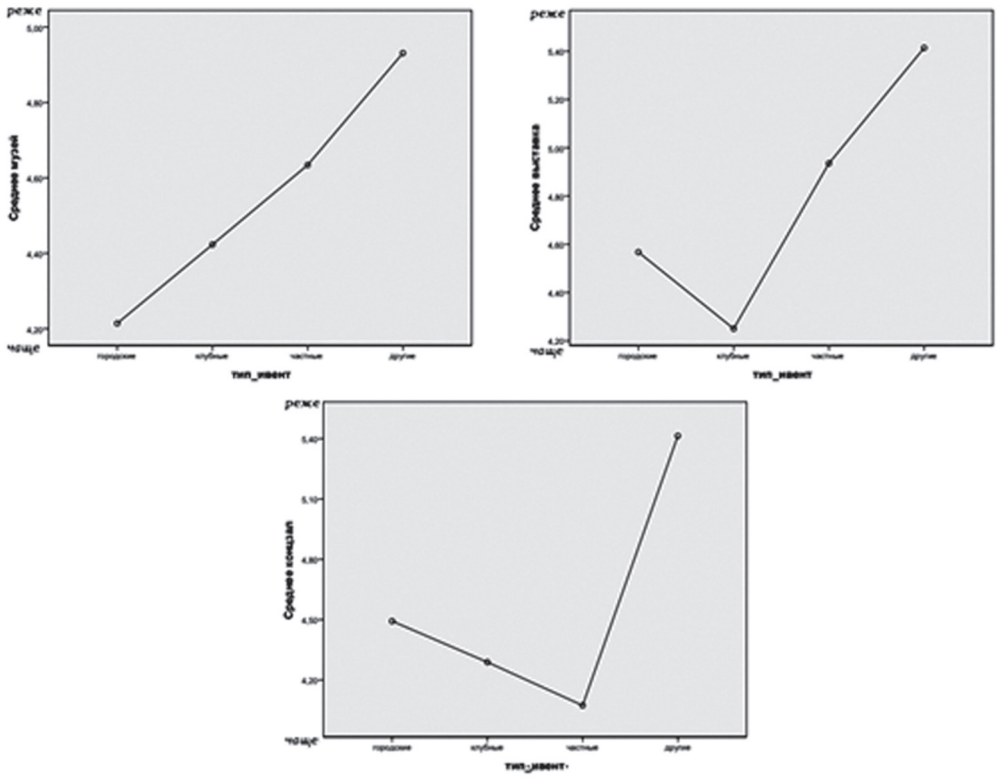

Рис. 2. Некоторые диаграммы рассеяния для «Тип наиболее часто посещаемых мероприятий – Частота посещения учреждений культуры»

культуры. Или даже противопоставляется ему, поскольку связано с необходимостью выбора между двумя видами досугового времяпрепровождения – что особенно обостряется в ситуации, когда время для свободного досуга ограничено, а указанные мероприятия назначены на одно и то же время.

Кроме того, люди преимущественно среднего возраста, более выраженные в структуре досугово активного населения и зачастую преобладающие на многих городских мероприятиях, в отличие от студенческой и даже зрелой молодежи, обладают комплексом обязательств, связанных с семьей и профессиональной деятельностью. Соответственно, специфичны их мотивы, обусловливающие предпочтение посещения городского мероприятия визиту в учреждение культуры или наоборот.

С одной стороны, если посетительское намерение определяется соотношением загруженности повседневной жизни и ориентированностью на приобщение к культуре как материально-духовному наследию, а также малой осведомленностью о городских мероприятиях, то в этом случае возможна субъективная интерпретация посещения экспозиции музея или представления в театре в качестве примечательного городского мероприятия, возможности «выхода в свет» (в этом случае при ответе на вопрос «Какие городские мероприятия Вы обычно посещаете?» респондент называет театры, музеи, выставки).

С другой стороны, если человек обладает достаточным опытом посещения и осведомлен о ряде городских мероприятий, он неизбежно будет ранжировать их, чтобы предпочесть какое-либо к посещению (в этом случае при ответе на вопрос «Какие городские мероприятия Вы обычно посещаете?» респондент называет различные тематические фестивали, Дни города и т. д.). В этом случае трудно предвосхитить, будет ли мероприятие, проводимое в целях привлечения внимания, просвещения или поддержания деятельности учреждения культуры, оценено более выгодным (значимым, привлекательным и т. д.).

ОБСУЖДЕНИЕ

Основной целью исследования была проверка тезиса, используемого рядом исследователей в своих материалах, о том, что городские социокультурные мероприятия (или так называемые «ивент-мероприятия») осуществляют роль агента вовлечения аудитории в деятельность учреждений культур. Полученные результаты позволяют

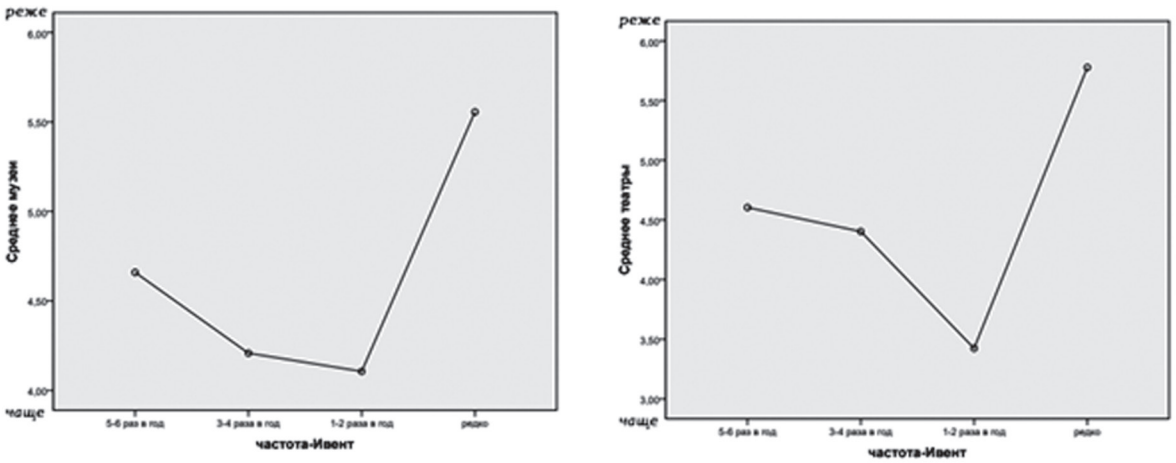

Рис. 3. Некоторые диаграммы рассеяния для «Частота посещений мероприятий – Частота посещения учреждений культуры»

частично подтвердить эту гипотезу, но также и выделить дополнительную особенность, которая не позволяет судить однозначно об их эффективности. С одной стороны, мы видим положительные, сравнительно бóльшие связи между посещением городских массовых мероприятий в целом и посещением учреждений культуры (что подтверждает основную гипотезу). С другой стороны, мы видим отрицательные связи между посещением учреждений культуры и частотой, с которой горожане посещают мероприятия (что не позволяет в полной мере подтвердить основную гипотезу).

На основании проведенного анализа, можно высказать предположение, требующее дальнейшего углубленного и целенаправленного исследования, о том, что примечательные не календарные социокультурные городские мероприятия скорее воспринимаются горожанами как отдельный вид досуга в городском пространстве, преимущественно не связанный с каким-либо культурным учреждением и его деятельностью. Посещение мероприятий если и приводит к появлению некоего морального намерения (теоретической готовности посетить мероприятие), то конвертация этого намерения в конкретное действие происходит в меньшем числе случаев (что, в частности, соответствует выводам исследования МИСКП [Библионочь … 2018; Ночь нужна … 2018]).

Можно предположить, что чем чаще человек посещает различные мероприятия, тем больше вероятность того, что он будет склонен посещать организации сферы культуры. Чем больше свободного времени человека тратится на этот вид досуга, тем меньше времени остается у него на посещение культурных программ. В этом случае, при наличии условий выбора, приоритет может быть отдан отдельному городскому мероприятию, а не посещению постоянной экспозиции (программы).

При этом мероприятия, организационная принадлежность инициаторов которых очевидна для посетителя, показывают развличия во взаимосвязи с организациями сферы культуры. Коммерческий статус организатора мероприятий, независимо от того, декларирует ли его мероприятие социокультурные цели, способствует укреплению скорее массовой культуры, чем традиционной или элитарной. Мероприятия же инициативного организатора, не связанные очевидно с коммерческой или городской принадлежностью организатора, выполнять социокультурные функции наравне или даже с преимуществом с городскими мероприятиями.

С управленческой точки зрения, это может свидетельствовать о том, что акцентуация на «уникальности» и «единичности» мероприятия (присущая как специалистам, так и населению) несет ряд рисков, способных привести к достижению обратных результатов, нежели это предполагает реализация общественно значимых функций городских мероприятий. В частности, обнажаются риски, на которые актуально обратить внимание организаторов мероприятий, специалистов сферы культуры и маркетинга. Прежде всего это риски переоценки сферы деятельности. Полученные результаты позволяют предположить, что чем разнообразнее и нетривиальнее городские мероприятия – тем больше они способны отвлечь внимание от планового посещения учреждений культуры. Также значимым является риск чрезмерной событийной активности. Полученные результаты свидетельствуют о том, что рост частоты посещения городских массовых мероприятий связан со снижением частоты посещения учреждений культуры.

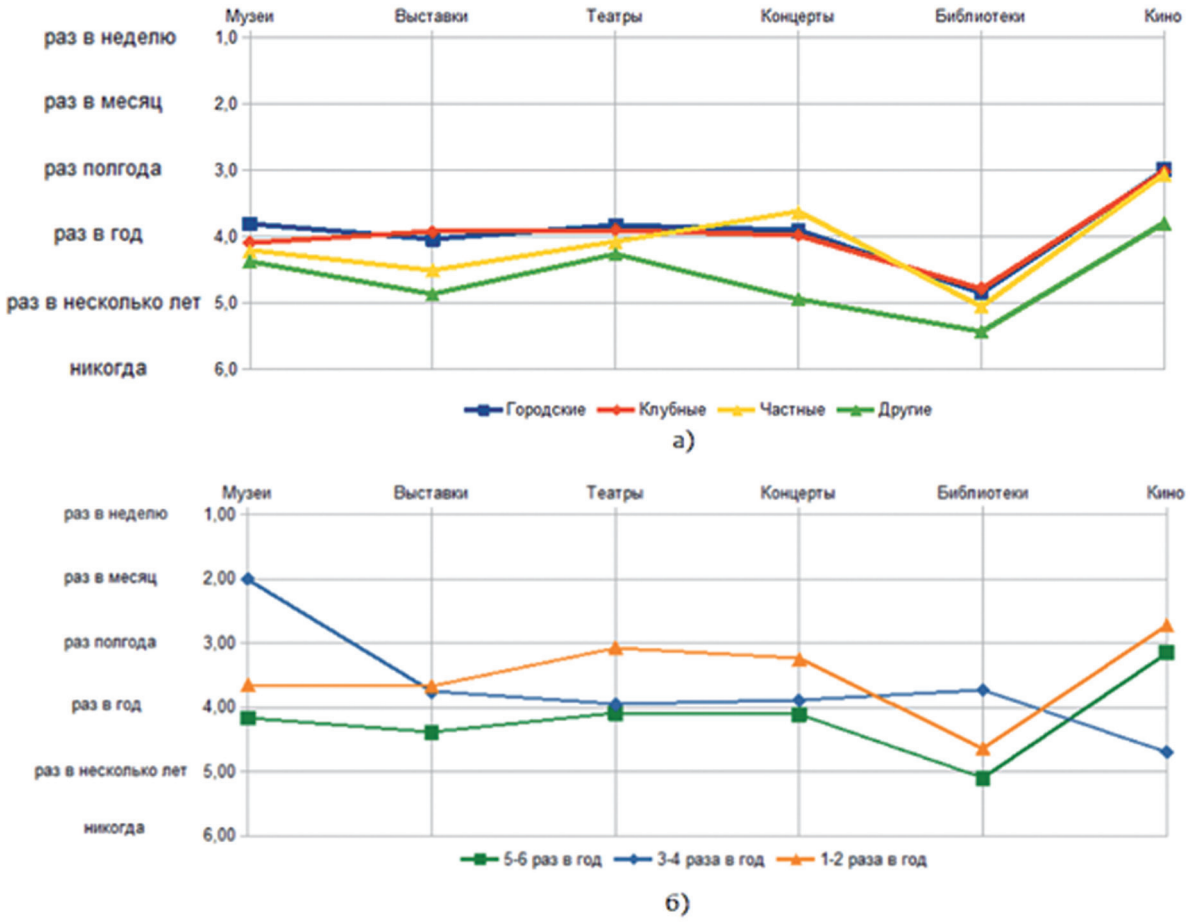

Рис. 4. Графики средних:
а) «Тип наиболее часто посещаемых мероприятий – Частота посещения учреждений культуры»;
б) «Частота посещений мероприятий – Частота посещения учреждений культуры»

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенное исследование позволяет оценить различия между предполагаемой и фактической эффективностью реализации примечательных городских культурно-досуговых мероприятий («ивент-мероприятий») как агентов вовлечения горожан во взаимодействие с учреждениями культуры, а также формирует предпосылки к дальнейшему анализу и исследовательской работе, с точки зрения дополнительного изучения выявленных неоднозначных аспектов. Последнее связано с установлением парадоксальной особенности, заключающейся в том, что с ростом частоты посещения массовых мероприятий горожанином (его заинтересованности в такого рода мероприятиях), снижается его вовлеченность во взаимодействие с учреждениями культуры, и повышается риск перехода городских мероприятий в отдельный вид городского досуга, не связанный с вовлеченностью в посещение учреждений культуры.

Полученные результаты показывают несколько более выраженные зависимости в случае музеев и выставок, что свидетельствует о наличии более эффективных практик организации и проведения мероприятий наряду с менее эффективными. Это направляет фокус дальнейших исследований на детальное изучение отдельных случаев с целью определения значимых переменных и их качественных характеристик в процессе реализации мероприятия, действительно стимулирующего определенное деятельностное намерение, в частности – долгосрочное взаимодействие с учреждениями культуры.

Наиболее досугово-активными (в том числе в части посещения городских мероприятий) являются горожане возрастной группы 36–45, что вносит значительный вклад в формирование закономерностей. Молодые люди, обладающие собственной поколенческой спецификой, другим ритмом жизни и в целом определенными социокультурными отличиями от людей среднего возраста, могут

демонстрировать иные зависимости при проведении схожего анализа.

Вышеизложенное обозначает поле дальнейшей исследовательской деятельности, а также акцентируют определенные управленческие проблемы в реализации event-мероприятий как средства вовлечения жителей в культурный досуг города. Разработка указанной проблематики может пролить свет на то, как можно преодолеть указанный барьер, и сделать мероприятия не самостоятельным одиночным фактом городской культурной жизни, но своеобразным «проводником» в процессе приобщения горожан и молодежи к культурному наследию, формированию ценностных ориентиров, развитию общекультурного уровня и формированию полезных культурно-досуговых привычек.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Гарбузов И. С. Самодеятельное художественное творчество как социальная практика в современной теории досуга // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Социально-экономические науки. 2021. № 2. С. 66–74.
2. Çağırkan B., Bilek G., Telli H. The perception of leisure time and concrete historical and cultural heritage awareness among university students // Gümüşhane Üniversitesi Sosyal Bilimler Enstitüsü Elektronik Dergisi. 2021. № 12. P. 914–922.
3. Комарова А. А. Event-мероприятия как инструмент коммуникации // Экономика и социум. 2021. № 3–2 (82). С. 837–843.
4. Назаркина В. А., Зозуля О. А. Технология event-мероприятия в продвижении культурно-досуговых услуг для студенческой молодежи // Вестник МГПУ. Серия Экономика. 2019. № 1. С. 68–78.
5. Быкова В. А., Шудря С. О., Ненашева Г. И. Музей как объект событийного туризма // Наука и туризм: стратегии взаимодействия. 2020. № 12. С. 20–29.
6. Корнилова К. С., Власова М. Н. Событийные коммуникации в культурных институтах: опыт музеев // Медиаскоп. 2020. № 3. С. 8–8.
7. Безуленко М. А. Проектирование событийных форм включения зрителя в пространство произведения современного визуального искусства (в работах Л.Б. Рыловой) // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2022. № 3 (107). С. 62–70.
8. Шевелев С. В. Методы стратегического планирования в ивент-индустрии // Индустриальная экономика. 2023. № 4. С. 8–11.
9. Кернерман М. В. Событийный маркетинг в молодежной среде // Культура и образование: научно-информационный журнал вузов культуры и искусств. 2022. № 4 (47). С. 87–94.
10. «Библионочь-2018». Оценка эффективности акции / А. Богаткова, Н. Лебедева, Е. Лобова. М.: Центральная универсальная научная библиотека имени Н. А. Некрасова, 2018.
11. «Ночь нужна». Исследование аудитории «Ночи в музее» 2018 и рекомендации по развитию акции / Н. Лебедева, Е. Лобова. М.: Издание Центральная универсальная научная библиотека имени Н. А. Некрасова, 2018.

REFERENCES

1. Garbuzov, I. S. (2021). Amateur artistic creativity as a social practice in modern leisure theory. Bulletin of the Perm National Research Polytechnic University. Socio-economic sciences, 2, 66–74. (In Russ.)
2. Çağırkan, B., Bilek, G., Telli. H. (2021). The perception of leisure time and concrete historical and cultural heritage awareness among university students. Gümüşhane Üniversitesi Sosyal Bilimler Enstitüsü Elektronik Dergisi, 12, 914–922.
3. Komarova, A. A. (2021). Events as a communication tool. Economy and Society, 3–2(82), 837–843.
4. Nazarkina, V. A., Zozulya, O. A. (2019). Technology of event-events in the promotion of cultural and leisure services for students. Bulletin of Moscow State Pedagogical University. Economics Series, 1, 68–78. (In Russ.)
5. Bykova, V. A., Shudrya, S. O., Nenasheva, G. I. (2020). Museum as an object of event tourism. Science and tourism: interaction strategies, 12, 20–29. (In Russ.)
6. Kornilova, K. S., Vlasova, M. N. (2020). Event communications in cultural institutions: the experience of museums. Mediascope, 3, 8–8. (In Russ.)
7. Bezulenko, M. A. (2022). Designing event-based forms of including the viewer into the space of a work of contemporary visual art (in the works of L.B. Rylova). Bulletin of the Moscow State University of Culture and Arts, 3(107), 62–70. (In Russ.)

8. Shevelev, S. V. (2023). Methods of strategic planning in the event industry. Industrial Economics, 4, 8–11. (In Russ.)
9. Kernerman, M. V. (2022). Event marketing in the youth environment. Culture and education: scientific and information magazine of universities of culture and arts, 4(47), 87–94. (In Russ.)
10. Bogatkova, A., Lebedeva, N., Lobova, E. (2018). Biblionoch' 2018. Otsenka effektivnosti aktsii = Library night 2018. Assessing the effectiveness of the action. Moscow: Publication of the State Budgetary Institution of Culture of Moscow "Central Universal Scientific Library named after N. A. Nekrasov" (In Russ.)
11. Lebedeva, N., Lobova, E. (2018). Noch' nuzhna. Issledovaniye auditorii "Nochi v muzeye" 2018 i rekomendatsii po razvitiyu aktsii = Night is needed. Audience research for "Nights at the Museum" 2018 and recommendations for the development of the event. Moscow: Publication of the State Budgetary Institution of Culture of Moscow "Central Universal Scientific Library named after N. A. Nekrasov".

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Шелгинская Виктория Алексеевна

аспирант кафедры управления персоналом и социологии
Уральского института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Shelginskaya Victoria Alekseevna

PhD Student at the Department of Personnel Management and Sociology
of Ural Institute of Management – a Branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

Статья поступила в редакцию	25.01.2024	The article was submitted
одобрена после рецензирования	13.04.2024	approved after reviewing
принята к публикации	14.04.2024	accepted for publication

Сетевое электронное научное издание

ВЕСТНИК
Московского государственного
лингвистического университета
Общественные науки
Выпуск 2 (855)

VESTNIK
of Moscow State Linguistic
University
Social Sciences
Issue 2(855)

Над выпуском работали:
доктор исторических наук П. И. Гайденко
доктор социологических наук профессор И. В. Образцов
кандидат политических наук М. В. Пупышева
А. А. Азаренкова

Редактор *М. М. Сингал*
Компьютерная верстка: *Г. П. Лопатина*
Дизайн макета: *А. В. Алымов*

ФГБОУ ВО МГЛУ

Подписано в печать 25.04.2024
Усл. печ. л. 16,25. Формат 60x90/8
Заказ № 41/24

Адрес редакции:
119034, Москва, ул. Остоженка, 38, стр. 1
Тел.: (499) 245 33 23
E-mail: ipk-mglu@rambler.ru

В «Вестнике Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки» публикуются основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по следующим группам научных специальностей:

5.4. Социология
5.5. Политические науки
5.6. Исторические науки

«Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки» является преемником сборников научных трудов с 1940 года и, начиная с 2002 года, следующих выпусков «Вестника Московского государственного лингвистического университета»: «Исторические науки», «Политические науки», «Исторические науки. Политические науки», «Общественные науки».

© ФГБОУ ВО МГЛУ, 2024

Издание зарегистрировано 10 июня 2016 г. ЭЛ № ФС77-66050 Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Доменное имя сайта: mslu-soc.ru

Учредитель: ФГБОУ ВО МГЛУ

Перепечатка материалов возможна при обязательном письменном согласовании с редакцией издания.

Ссылка на издание обязательна.